

ВЪ ОТНОШЕНІИ
ПИСАТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКИХЪ КЪ БИБЛЕЙСКИМЪ

ПО ВОЗЗРѢНІЮ
ХРИСТИАНСКИХЪ АПОЛОГЕТОВЪ.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНІЕ

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА С.-П.-Б. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЕВГРАФА ЛОВЯГИНА.

· САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1872.

ОТДѢЛЪ I.

озрѣніе христіанскихъ апологетовъ на отношеніе писателей классическихъ къ библейскимъ.

ОТДѢЛЪ II.

Изслѣдованіе вопроса объ отношеніи древнихъ писателей классическихъ къ библейскимъ.

ОТДѢЛЪ III.

Происхожденіе возрѣнія христіанскихъ апологетовъ на отношеніе писателей классическихъ къ библейскимъ.

По опредѣленію Совѣта С. Петербургской духовной академіи, печатаніе
позволяется. С. Петербургъ, 30 іюня 1872 года.
Исправляющій должность Ректора академіи,
Профессоръ *В. Доложій*.

ОТДѢЛЪ I.

§ 1. Когда христіанская Вѣра, въ первые вѣка христіанства, вступила въ открытую борьбу съ языческою религіею древняго міра, то естественнымъ явленіемъ этого сопркосновенія было—взаимное униженіе другъ друга апологетами той и другой. Обѣ религіи существовать вмѣстѣ въ одномъ обществѣ не могли и стремленіе первой стать на мѣсто послѣдней должно было сопровождаться выставленіемъ на видъ всей пустоты и низости языческаго міровоззрѣнія, которое съ своей стороны въ лицѣ защитниковъ своихъ также старалось найти темныя пятна въ восходившемъ свѣтилѣ христіанства. Чѣмъ выше были силы богооткровенной религіи, въ которой заключается божественная благодать и истина, тѣмъ разительнѣе были удары ея апологетовъ, направленные къ униженію, ниспроверженію и уничтоженію язычества, нетвердаго въ основаніи своемъ и обезсилѣвшаго отъ безчисленныхъ заблужденій и пороковъ, накопившихся въ теченіи тысячелѣтій. Апологеты христіанской Вѣры, слѣдуя примѣру ветхозавѣтныхъ пророковъ и новозавѣтныхъ апостоловъ, возвышавшихъ голосъ свой противъ идолослуженія, не щадили язычества и его защитниковъ, воздвигавшихъ противъ христіанской Церкви съ своей стороны и внѣшнюю власть гражданскихъ правителей и духовныхъ силы языческой мудрости; они опровергали и порицали

все язычество, во всѣхъ его частяхъ, въ мнѳологїи и богослуженїи, въ наукахъ и искусствахъ, въ нравахъ и обычаяхъ. Защищая чистую и божественную вѣру, съ которою не мирилось ни одно ученїе тогдашнихъ человѣческихъ мудрецовъ, и желая устранить препятствїа къ распространенїю ея въ средѣ самаго языческаго общества, христіанскїе апологеты вооружались противъ всѣхъ виновниковъ и носителей языческаго суевѣрїа и рѣзко описывали всѣхъ—жрецовъ и оракуловъ, законодателей и юристовъ, поэтовъ и философовъ. «За чѣмъ вы присвояете мудрость только себѣ, — обращается къ эллинамъ ¹ Татианъ, бывший самъ ученымъ язычникомъ, а потомъ сдѣлавшїйся апологетомъ христіанства, — тогда какъ вы не имѣете ни другаго солнца, ни другаго восхода звѣздъ, ни лучшаго происхожденїа, ни даже смерти, отличной отъ другихъ людей? Грамматїки положили начало вашему пустословію; вы, раздѣляя мудрость, удалили себя отъ истинной мудрости и по частямъ приписали ее людямъ; Бога же вы не знаете и, споря между собою, сами проверяете другъ друга; по этому всѣ вы—ничто, и хотя вы присвояете себѣ даръ слова, но разсуждаете какъ слѣпой съ глухимъ» ². «Всѣ они, — говоритъ о греческихъ писателяхъ Теофила Антиохїйскїй, также изъ ученыхъ язычниковъ сдѣлавшїйся ревностнымъ защитникомъ христіанства, — всѣ они, любя пустую и суетную славу, ни сами не познали истины, ни другихъ не привели къ истинѣ; ибо то, что они говорили, обличаетъ ихъ, такъ какъ они говорили не согласно другъ съ другомъ и многіе изъ нихъ отвергали свои собственныя положенїа;

¹ Подъ эллинами у христіанскихъ апологетовъ разумѣются вообще язычники. Римскїй мїръ дѣйствовалъ противъ христіанъ преимущественно внѣшнимъ преслѣдованїемъ, а духовными силами вооружался противъ нихъ главнымъ образомъ мїръ эллинскїй. Посему духовная, ученая и литературная борьба происходила преимущественно между христіанскими апологетами и эллинами. Tzschirner: Der Fall des Heidenthums, 1829. s. 291. Kellner: Hellen- und Christenth. 1866. s. 17.

² Рѣчь прот. Эллиан. гл. 26.

они не только опровергали другъ друга, но даже нѣкоторые изъ нихъ разрушали и собственныя свои ученїа, такъ что слава ихъ обращается въ безчестїе и глупость; ибо разумные люди осуждаютъ ихъ» ¹. Еще рѣзче выражается онъ въ другомъ мѣстѣ: «то, что сказано философами, историками и поэтами, по видимому достойно вѣры по изукрашенности ихъ рѣчи, но глупость и пустота ихъ ученїа обнаруживается изъ того, что у нихъ много бредней, а истины не находится ни малѣйшей части; ибо и то, что по видимому сказано ими справедливаго, смѣшано съ заблужденїемъ; какъ смертоносный ядъ, смѣшанный съ медомъ или виномъ, дѣлаетъ все смѣшенїе вреднымъ и негоднымъ, такъ и ихъ краснорѣчіе оказывается напраснымъ трудомъ или скорѣе-пагубою для тѣхъ, которые вѣрятъ ему» ². Такимъ образомъ ясно выразившїйся характеръ полемики апологетовъ въ отношенїи какъ вообще къ языческому строю древняго мїра, такъ и въ частности къ писателямъ классической древности, былъ преимущественно униженїемъ-обличительнымъ, направленный къ обнаруженїю лжи и нечестїа, господствовавшихъ вѣдъ христіанства. Но между укорицами и обличенїями, которыми апологеты обсыпали учителей язычества, замѣтнымъ образомъ проводилась мысль, которая могла служить и къ чести мудрецовъ классическаго мїра, мысль о томъ, что въ ихъ произведенїяхъ находится много положенїй, не только сходныхъ съ истинами, откровенными въ священномъ Писанїи, но и совершенно одинаковыхъ, прямо перешедшихъ изъ Библии въ сочиненїа поэтовъ и философовъ, или, какъ выражались апологеты, есть нѣчто истинное и доброе у мудрецовъ эллинскихъ, заимствованное ими изъ книгъ св.

¹ Къ Автолику, III, 3.

² Къ нему же, II, 12. также II, 8. Подобныя мѣста встрѣчаются часто и у другихъ апологетовъ, а одинъ изъ нихъ, Эрмїй философъ, озаглавилъ свое сочиненїе прямо: «Осмѣяніе (διαστურμὸς) языческихъ философовъ», соответствующе его содержанию.

Писанія. Это мнѣніе, очевидно, не совсѣмъ гармонируетъ съ общимъ характеромъ полемики апологетовъ, старавшихся выставить *безцетіе* язычниковъ въ ученіи, въ жизни и во всей дѣятельности. Правда, и эта мысль о заимствованіи истинъ писателями классическими отъ библейскихъ иногда высказывается христіанскими учителями также не въ похвалу, а къ большому униженію мудрецовъ языческихъ, въ доказательство безсилія человѣческаго ума въ пониманіи высшихъ предметовъ религіи и философіи, въ обличеніе недобросовѣстной наклонности язычниковъ искажать священныя изреченія, выдавать чужое за свое, и тому под. Апологеты говорятъ иногда объ этомъ такимъ образомъ: «Моисею должно вѣрить болѣе, нежели эллинамъ, которые, не признаваясь въ томъ, заимствовали ученіе у него; ибо многіе изъ ихъ софистовъ, по своему любопытству познакомившись съ писаніями Моисея и подобными ему философовъ, старались передѣлать ихъ ученіе во первыхъ для того, дабы думали, что они говорятъ что-нибудь свое, во вторыхъ для того, дабы то, чего они не понимали, прикрыть вымышленной словесной оболочкою, придавая истинѣ видъ басни». ¹ Но подобныя выраженія, въ связи съ мыслию о заимствованіи изъ священныя книги, встрѣчаются у нихъ рѣдко. Важность истинъ библейскихъ, находимыхъ въ сочиненіяхъ классическихъ писателей, и самый фактъ предполагаемаго заимствованія ими изъ божественнаго источника, самъ по себѣ нисколько и никогда не предосудительный, производили въ христіанскихъ апологетахъ настроеніе болѣе сдержанное, даже припритительное съ ихъ учеными противниками, смягчали обличительный тонъ ихъ рѣчи и видимо подчиняли ее другой цѣли, которая руководила ими при допущеніи и раз-

¹ Татиан. прог. Эллин. гл. 40. Подобнымъ образомъ говорятъ Тертуліанъ Аролог. с. 47., Клементъ Алекс. въ *Строматахъ* (Stromata), 1, 17. 135 Edit. Migne. Patr. Cours. complet.

витіи мнѣнія о такомъ заимствованіи. Подъ вліяніемъ этой мысли одинъ изъ нихъ выражался такъ: «когда философы изучаютъ не часть какую-нибудь философіи, но дѣйствительную и полную философію, съ любовью и безъ гордости свидѣтельствуя объ истинѣ, тогда они при помощи хорошаго, сказаннаго другими, даже несогласными съ ихъ мнѣніемъ, успѣваютъ въ разумѣніи по божественному устройству неизреченной Благости, которая всегда ведетъ существа по возможности къ лучшему; притомъ они, обращаясь не только съ эллинами, но и съ варварами, при общемъ содѣйствіи сами вразумляются и ведутся къ вѣрѣ; принявъ же основаніе истины, они получаютъ силу простирается впередъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, и такимъ образомъ, любя поучаться и желая вѣдѣнія, поспѣшаютъ ко спасенію» ¹. Другой относится къ нимъ съ такимъ уваженіемъ: «если и противники истины (разумѣются философы Порфирій и Аменій, а за ними Платонъ, Иравлитъ и другіе) столь сильно удивлялись истинѣ, что и малыми частицами, взятыми отъ ней, украшали собственныя сочиненія, и эти частицы, смѣшанныя съ множествомъ лжи, не теряли красоты своей, но какъ жемчужины, блистали и въ грязи и въ сору, по евангельскому ученію: *свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма не объяла его* (Іоан. I, 5), то легко понять, какъ достолюбезны и восхитительны божественныя истины, отдѣленные отъ лжи; въ этомъ дѣйствительнѣе можетъ убѣдиться всякой, кто сравнитъ эллинскую мнѣологію съ пророческимъ и апостольскимъ богословіемъ и изъ параллельнаго сравненія увидитъ ихъ различіе». ² Цѣль же, которая предносилась въ душѣ

¹ Клементъ Алек. Strom. VI, 17. 293. Подъ *варварами* у него разумѣются преимущественно Евреи и подъ варварскою философіею ученіе библейское, какъ видно изъ другихъ мѣстъ, напр. Strom. I, 17. 135, II, 1. 154., и у другихъ апологетовъ: св. Іустина, апол. I, 1. и Евсевія Кесарійскаго: *Пропагандіи* «*Βουγγελλικῆς*» (Praeparatio Evangelica), X, 4. 473. Edit. Migne.

² Феодорита Кирскаго: *Βιολητικὸν Θεραπευτικὴ πάθημάτων* (Graecorum affectio-

апологетовъ при мысли о заимствованіи священныѣхъ истинъ классическими писателями отъ библейскихъ и при неизбѣжномъ сравненіи однихъ съ другими, еще болѣе смягчала обличительный тонъ христіанской апологіи и придавала ей видъ спокойнаго и назидательнаго разсужденія. Дѣйствуя среди современнаго общества не какъ только порицатели и обличители, но какъ истинные реформаторы, которые не только отнимали, но и сообщали, не только разрушали, но и созидали, христіанскіе апологеты старались привлечь уваженіе міра къ іудейско-христіанской религіи частію тѣмъ, что излагали и оправдывали ученіе и учрежденія богооткровенной религіи, а частію тѣмъ, что указывали на согласіе своего ученія съ ученіями важнѣйшихъ мудрецовъ греческой древности, особенно въ главныхъ предметахъ, составлявшихъ существенныя пункты различія между христіанствомъ и язычествомъ. Съ цѣлію защитить свое дѣло предъ тогдашнимъ міромъ и по возможности расположить язычниковъ къ общенію съ церковію Христовою, они указывали на чистоту нравовъ, благотворительность, миролюбіе, самоотверженіе и другія добродѣтели христіанъ; съ тою же цѣлію—легче и охотнѣе склонить образованнѣйшихъ изъ своихъ современниковъ къ принятію христіанскихъ догматовъ и заповѣдей, они указывали на истинны одинаковыя или подобныя библейскимъ, находящіяся въ классическихъ сочиненіяхъ, уважаемыхъ ученымъ міромъ, оказывая и съ своей стороны относительно — высокое уваженіе къ нѣкоторымъ частямъ этихъ сочиненій ¹. Мысль о заим-

num. enratio), II, 34. Edit. Gaisford. Oxon. 1839. Подобныя мысли у Теофила въ Автол. II, 37. у Минуція Феликса Октав. гл. 20. Апологеты, защищая противъ язычниковъ христіанскую религію, защищали вмѣстѣ съ тѣмъ и религію іудейскую, съ которою христіанство имѣетъ историческую и внутреннюю связь. Поэтому и въ вопросѣ о заимствованіи классиками изъ Библии они говорятъ о той и другой религіи вообще и строго не различаютъ мѣстъ св. писанія Ветхаго Завета отъ мѣстъ Новаго Завета.

¹ Христіанскіе апологеты приводили множество мѣстъ изъ классиковъ, но

ствованіи такихъ истинъ изъ Библии казалась имъ ступенью къ вѣрному достиженію цѣли, которую они преслѣдовали съ великою ревностію. Такъ св. Іустинъ, въ одномъ мѣстѣ сказавши о заимствованіи язычниками нѣкоторыхъ понятій изъ книгъ Моисея, прибавляетъ: «но для чего я здѣсь упоминаю объ этомъ, эллины? Чтобы вы знали, что невозможно научиться истинному богочщенію у тѣхъ, которые даже и о томъ, чѣмъ заслужили себѣ удивленіе людей, чуждыхъ нашей религіи, не могли написать ничего своего, но иносказательно изложили въ своихъ сочиненіяхъ то, что заимствовали изъ Моисея и другихъ пророковъ. Итакъ пора уже вамъ, эллины, оставить старое заблужденіе вашихъ предковъ, пора вамъ обратиться къ священнымъ сказаніямъ пророковъ и научиться у нихъ истинной религіи». ¹ Блаженный Теодоритъ, находя у разныхъ греческихъ философовъ библейскую идею о безначальномъ Существовѣ, говоритъ къ эллинамъ: «какъ отыскивающіе золоту или серебряную руду, нашедши малыя частицы этихъ металловъ, по ихъ слѣдамъ раскапываютъ все жили и не перестаютъ раскапывать, пока найдутъ множество золота, отъ котораго были разсыпаны частицы. такъ должно и вамъ, выслушавъ слова Анаксагора, Пифагора и Платона, также Нуминія, Плутарха, Платина и другихъ, отыскать источникъ, изъ котораго они почерпнувъ нѣкоторыя малыя струи божественныхъ потоковъ украсили ими собственныя изреченія, и, оставивъ бѣдность этихъ послѣднихъ, обратиться къ безднѣ премудрости и отъ ней въ точности узнать, что—Творецъ и что—твореніе». ² Климентъ Александрійскій, начертавъ себѣ

одни только для раскрытія и украшенія рѣчи, другія какъ сходныя по содержанию съ библейскими изреченіями, безъ указанія на заимствованіе ихъ изъ книгъ іудейскихъ или христіанскихъ, третья же именно какъ заимствованныя отсюда и въ доказательство заимствованія. Очевидно, что для насъ въ настоящемъ случаѣ особенно важны послѣднія.

¹ Увѣщ. къ Эллины. гл. 34 и 35.

² Указан. сочин. II, 37.

цѣлый планъ раскрытія мысли о заимствованіяхъ классиками изъ Библіи, выражаетъ цѣль своего плана такими словами: «мы покажемъ, что эллины не только о чудесахъ писали, подражая сказаніямъ нашихъ писаній, но заимствовали и главнѣйшія истины касательно вѣры и мудрости, вѣдѣнія и созерцанія, надежды и любви, покаянія, воздержанія и страха Божія, и исказили ихъ... Соединенное съ любовью обличеніе ихъ жизни и новыхъ учений, можетъ быть, подѣйствуетъ на благороднѣйшихъ изъ философовъ, такъ какъ мы желаемъ не мстить обвинителямъ нашимъ,—далеки отъ этого мы, наученные благословлять проклинающихъ, хотя бы они произносили противъ насъ богохульные рѣчи,—но обратить ихъ самихъ, чтобы эти мудрецы, образумившись отъ варварскаго (нашего) обличенія, могли хотя поздно усмотрѣть, каково то ученіе, для отысканія котораго они предпринимаютъ заморскія путешествія»¹.

§ 2. Высотою и благотворностію цѣли—обращенія вѣрующихъ къ христіанству, предносившейся апологетамъ въ борьбѣ ихъ съ языческими мудрецами, и взглядомъ ихъ на указаніе заимствованій этими послѣдними изъ книгъ св. Писанія, какъ на одно изъ полезныхъ средствъ къ достиженію цѣли, прежде всего объясняется распространенность мнѣнія о такихъ заимствованіяхъ между христіанскими апологетами. Почти съ самаго начала христіанства, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, продолжался непрерывный рядъ отцевъ и учителей Церкви, писавшихъ въ ея защиту противъ язычества, которые держались этого мнѣнія. Первый изъ апологетовъ, которыхъ сочиненія дошли до насъ, св. *Лустинъ* философъ первый изъ всѣхъ нихъ предъ лицомъ ученыхъ язычниковъ высказалъ мысль, что лучшіе мудрецы классическаго міра заимствовали высшія истины религіи и нравственности отъ еврейскихъ

¹ Strom. II, 1. 154.

боговдохновенныхъ мужей: «и Платонъ, говоря, что вина въ челоуѣкѣ избирающемъ, а Богъ невиновенъ, заимствовалъ это отъ пророка Моисея; ибо Моисей древнѣе всѣхъ греческихъ писателей; да и во всемъ, что философы и поэты говорили о безсмертіи души, о наказаніяхъ по смерти, о созерцаніи небснаго и о подобныхъ предметахъ, пользовались они отъ пророковъ». ¹ Въ томъ же сочиненіи своемъ св. отецъ прямо говоритъ, что Платонъ читалъ (*ἀνέγνω*) писанія Моисея и изъ нихъ извлекъ мысли подобныя христіанскимъ ². Въ другихъ сочиненіяхъ, обыкновенно приписываемыхъ ему же, объясняется и способъ, какъ древніе философы и поэты, читая Библію, заимствовали оттуда многое: «Платонъ, говоря третьемъ началѣ послѣ Бога и матеріи, которое онъ называлъ идею, воспользовался указаніемъ Моисея и самое названіе идеи узналъ изъ словъ этого пророка; впрочемъ его не научили тогда свѣдущіе люди, что нельзя ясно познать ничего изъ сказаннаго Моисеемъ безъ таинственнаго созерцанія. Моисей написалъ, что Богъ такъ заповѣдалъ ему относительно скинии: *все сдѣлайте, какъ Я показываю тебѣ, и образецъ скинии и образецъ вѣсѣлъ сосудовъ ея, такъ и сдѣлайте* (Исх. XXV, 9); и еще: *и поставь скинию по образу, который показанъ тебѣ на горѣ* (Исх. XXVI, 30); и еще немного далѣе: *смотри, сдѣлай ихъ по тому образу, какой показанъ тебѣ на горѣ* (Исх. XXV, 30). Платонъ, прочитавъ это и не съ надлежащимъ созерцаніемъ усвоивъ написанныя слова, подумалъ, что идея (*ἰδέα*) существовала отдѣльно и прежде чувственныхъ вещей; идею онъ часто называлъ также образцемъ сотворенныхъ вещей. потому что у Моисея такъ написано о скинии: *по образу (κατὰ τὸ εἶδος), показанному тебѣ на горѣ, сдѣлай это* ³,

¹ Апол. 1, 44.

² Тамъ-же, гл. 60.

³ Увѣщан. къ Эллины. гл. 29. Здѣсь же, гл. 14. и далѣе, приписывается подобный способъ заимствованія изъ Моисеевыхъ книгъ Орфею, Омилу, Солону, Пинегору и другимъ.

Второй христианский апологетъ. *Tatianъ*, убѣждая эллиновъ вѣрить Моисею предпочтительно предъ языческими мудрецами, усиливаетъ свое внушеніе тѣмъ представленіемъ, что эти мудрецы черпали изъ книгъ Моисеевыхъ, какъ изъ источника, по любознательности своей пользуясь ими для приобрѣтенія истинныхъ свѣдѣній¹. Далѣе *Теофила* Антиохійскій, во второй книгѣ къ язычнику Автолику, говоря объ изреченіяхъ языческихъ писателей, согласныхъ съ библейскими истинами, употребляетъ такія выраженія, которыя показываютъ, что онъ раздѣлялъ мнѣніе о заимствованіи этихъ истинъ классическими писателями изъ библейскаго источника: «и ваши поэты, — говоритъ онъ, — предсказывали, что Богъ будетъ судить неправедную клятву и всякое другое преступленіе, и о сгорѣніи міра они волею или неволею говорили согласно (*κατὰ νόμον*) съ пророками, впрочемъ, какъ позднѣйшіе ихъ по времени, похитивъ (*κλέψαντες*) это изъ закона и пророковъ»². Послѣ нихъ ученѣйшій изъ греческихъ апологетовъ, *Климентъ* Александрійскій, не только раздѣлялъ мнѣніе предшественниковъ, но съ полнымъ убѣжденіемъ и во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій утверждалъ, что «греческіе философы суть *воры и разбойники* (Іоан. X, 8), такъ какъ они еще прежде пришествія Господня непризательно заимствовали отъ еврейскихъ пророковъ части истины и выдали ихъ за свои ученія, однѣ изъ нихъ исказивъ, другія по пытливости своей невѣжественно перетолковавъ, а инѣе и вымысливъ; ибо и они, можетъ быть, имѣли *духъ смысленія* (Исход. XXVIII, 3)»³. Перечисляя по именамъ мудрецовъ Греціи, излагавшихъ прозою и стихами разныя мысли, сходныя съ библейскими, онъ многократно употребляетъ выраженія о томъ или другомъ классическомъ пи-

¹ Речь прот. Эдлин. гл. 40. Слова его см. на стр. 4.

² Къ Автол. II, 37.

³ Stromat. I, 17. 135.

сатель: заимствовалъ, извлекалъ, перефразировалъ, буквально выписалъ (*ἀπὸ τῶν γραφῶν τῶν λέξεων*) изъ такихъ-то и такихъ-то мѣстъ писаній законодателя Моисея, псаломѣвца Давида, пророка Исаи, Іереміи и другихъ священныхъ писателей, и выводитъ заключеніе, что всѣ вообще истинныя религиозно-нравственныя понятія эллиновъ произошли «отъ варварской философіи», иначе сказать, отъ бывшаго извѣстнымъ для нихъ ученія евреевъ.¹ *Оригенъ*, слѣдуя своему учителю Клименту, хотя не съ такою увѣренностію, однако ясно высказываетъ свое мнѣніе касательно философа Платона въ слѣдующихъ словахъ: «я не отвергаю, что Платонъ, какъ писали нѣкоторые, отъ какихъ-нибудь евреевъ узналъ сказанное имъ въ Федрѣ и прочитавъ (*ἐπιχρόμα*) въ пророческихъ изреченіяхъ написалъ вотъ что: «мѣста пренебснаго не воспѣвалъ, никто изъ здѣшнихъ поэтовъ и никогда не воспоетъ какъ слѣдуетъ; оно есть существо безцвѣтное, необразное, неосязаемое, дѣйствительно сущее и созерцаемое однимъ правителемъ души — умомъ; нѣкотораго рода знаніе только около него имѣетъ свое мѣсто».² За тѣмъ *Евсевій* Кесарійскій въ сочиненіи своемъ, написанномъ для доказательства превосходства христіанскаго ученія предъ языческими, пространно раскрываетъ мысль о заимствованіи греческими мудрецами всего лучшаго въ ихъ религиозно-нравственныхъ понятіяхъ изъ св. Писанія. Приводя свидѣтельства объ этомъ предметѣ изъ сочиненій предшествовавшихъ писателей, особенно Климента Александрійскаго, онъ точнымъ и опредѣленнымъ образомъ излагаетъ собственное убѣжденіе, согласное съ ихъ мнѣніемъ: «какъ ученіе о множествѣ бо-

¹ Stromat. II, 1. 154. и въ другихъ мѣстахъ, особенно въ цѣлыхъ главахъ lib II, 5 и 18 и lib V, 14.

² Contr. Cels. VI, 19. Въ кн. IV. гл. 11 и 12. опровергая Кельса, утверждавшаго, будто Моисей и пророки заимствовали отъ грековъ и исказили сказанія о потопѣ и сожженіи міра, онъ говоритъ, что, если обратить вниманіе на большую древность Моисея и пророковъ, то «скорѣе другіе, не вникнувъ и не точно понявъ сказанное ими, выдумали періодически повторяющіяся подобныя событія». О немъ еще будетъ сказано ниже.

говѣ,—говоритъ онъ,—мистеріи и обряды, также сказанія и мнѣніе преданія о богахъ и аллегорическія объясненія мѣтовъ и прочія суевѣрныя заблужденія заимствованы ими (эллинами) отъ варваровъ,¹ такъ благочестивыя понятія о единомъ Богѣ всѣхъ и объ истинахъ особенно полезныхъ для души, которыя составляютъ существенное содержаніе философскихъ ученій, они заимствовали не откуда болѣе, какъ отъ однихъ евреевъ. И не удивительно, что еврейскія истины могли быть переняты ими, когда не только прочія свѣдѣнія они похитили отъ египтянъ и халдеевъ, а иное и отъ варварскихъ народовъ, но еще и теперь оказываются виновными въ заимствованіи другъ отъ друга, соревнуя между собою въ сочиненіяхъ.² Св. Кириллъ Александрійскій, въ ученomъ опроверженіи возрженій императора Юліана, направленныхъ противъ христіанской вѣры, желая унизить возраждавшуюся гордость язычниковъ, возвысившихъ тогда голосъ свой въ пользу язычества, и доказать превосходство христіанской религіи, повторялъ ту же мысль объ отношеніи классическихъ писателей къ библейскимъ: «заблуждались, — говоритъ онъ, — многіе изъ мудрецовъ эллинскихъ въ собственныхъ сужденіяхъ и имѣли мнѣнія, противорѣчущія одно другому; но есть между ними не несвѣдущіе и въ Моисеевыхъ изреченіяхъ, такъ какъ по любознательности своей они доходили даже до Египта; эти лучше, нежели прочіе, разсуждали, бывъ близко къ истинѣ, впрочемъ и они имѣли не совсѣмъ здоровое око ума, такъ что, я думаю, тотъ не погрѣшилъ бы противъ справедливости, кто на-

¹ Здѣсь подъ *варварами* разумѣются языческие народы, окружающіе эллиновъ; употребленіе же этого слова апологетами иногда и объ евреяхъ дѣлалось прикѣпительно къ понятіямъ самихъ грековъ, которые называли всѣхъ не-грековъ безъ различія варварами.

² Граер. *Evang.* X, 1. 460. Съ особенною подробностію Евсевій раскрываетъ заимствованіе множества мыслей изъ еврейскихъ книгъ коринфскимъ философомъ Платономъ и заключаетъ, что, такъ какъ греки слѣдовали Платону, а онъ евреямъ, то, значить, вся философія грековъ произошла отъ евреевъ. Тамъ же, lib. XI, и XII.

звалъ бы ихъ косозрящими». ¹ Наконецъ, изъ восточныхъ отцевъ и учителей церкви, блаженный *Теодоритъ* Кирскій въ своемъ сравнительномъ обзорѣніи ученій греческихъ съ ученіемъ христіанскимъ о важнѣйшихъ предметахъ вѣры и нравственности, при всемъ спокойствіи и безпристрастномъ изложеніи доказательствъ превосходства христіанскихъ догматовъ, неоднократно утверждаетъ то о томъ, то о другомъ философѣ, что онъ заимствовалъ высокія истины изъ библейскихъ книгъ, и въ одномъ мѣстѣ восклицаетъ такъ: «почему же намъ, оставивъ всѣхъ ихъ, не обратиться къ Моисею, этому океану богословія, отъ котораго, говоря словами поэта, всѣ рѣки и всѣ моря? Ибо и Анаксагоръ, и Пифагоръ, и Платонъ, оттуда извлекли нѣкоторыя малыя струи истины, и Сократъ, жившій въ одно время съ Анаксагоромъ и Археламомъ, отъ нихъ научился тому, чему училъ о Сущемъ». ² Изъ латинскихъ апологетовъ христіанства древнѣйшій *Минувій Феликсъ*, въ дошедшемъ до насъ сочиненіи его, не сомнѣвался, въ слухъ ученыхъ язычниковъ, говорить: «философы разсуждали такъ же, какъ говоримъ и мы, но не мы подражаемъ имъ, а они заимствовали нѣкоторую тѣнь истины изъ божественныхъ реченій пророковъ, и прежде всего Пифагоръ и особенно Платонъ передали въ неполномъ и искаженномъ видѣ ученіе о продолженіи жизни послѣ смерти; ученѣйшіе мужи въ своихъ книгахъ и поэты въ стихахъ объ огненномъ потокѣ и пламенномъ болотѣ Стикса, которые предназначены для вѣчнаго мученія людей, писали по указаніямъ демоновъ и изреченіямъ пророковъ». ³ Современный ему писатель *Тертуліанъ*, въ своей апологіи отвѣчаетъ о нѣкоторыхъ философахъ и законодателяхъ—*Фалесѣ* и *Солонѣ*,—какъ заимствовавшихъ свои положенія

¹ *Contra Iulian.* I, 35. Edit. Migne.

² *Græc. affect. enrat.* II, 29. Другія слова его см. на стр. 5.

³ *Октав. гл.* 34 и 35.

отъ священныхъ писателей іудейскихъ, и въ одномъ мѣстѣ обобщаетъ эту мысль довольно яснымъ образомъ: «изъ вышедоказанной древности божественныхъ письменъ легко можно убѣдиться, что они были источникомъ всякой послѣдующей мудрости; и если бы я не хотѣлъ сократить объемъ своей книги, то привелъ бы доказательства на это; кто изъ поетовъ, кто изъ софистовъ, кто не пилъ изъ источника пророковъ? Отсюда-то философы утоляли жажду своего ума, не довольно вѣруя въ божественность священныхъ письменъ, чтобы не исказять ихъ, и не довольно понимая ихъ, какъ примрачныя и пригрвенныя для самихъ іудеевъ, которыхъ они по видимому были собственностью». ¹ За этими двумя апологетами слѣдуетъ третій латинскій писатель, опровергающій язычество, блаженный *Августинъ*. Въ обширномъ апологетическомъ сочиненіи своемъ: *De civitate Dei* (о градѣ Божіемъ), коснувшись между прочимъ вопроса, откуда философъ Платонъ могъ приобрести такое знаніе, что въ нѣкоторыхъ положеніяхъ своей философіи приблизился къ христіанскому ученію, *Августинъ* отвѣчаетъ на него такъ: «я почти согласенъ, что Платонъ былъ не несвѣдущъ въ тѣхъ книгахъ (Моисеевыхъ); потому что, когда святой Моисей спроситъ, какое имя того, кто повелѣвалъ ему идти освободить народъ еврейскій изъ Египта, то ему чрезъ ангела сказаны были такіе слова Божіи: *Я есмь сущій; такъ скажи сынамъ Израилевымъ: Сущій послалъ меня къ вамъ* (Исх. III, 14). А это и Платонъ утверждалъ и тщательно доказывалъ въ своемъ сравненіи: «тотъ по истинѣ существуетъ, кто неизмѣняемъ, а то, что сотворено измѣняемымъ, не существуетъ». И я не знаю, находится ли это гдѣ-нибудь въ книгахъ тѣхъ, которые жили прежде Платона, кромѣ сказаннаго (въ св. Писаніи): *Я есмь сущій; такъ скажи*

¹ Apologet. c. 47. ep. 19 и 45. Также Ad Nationes II, 2. и De testimonio apistaе, c. 5.

им: Сущій послалъ меня къ вамъ». ¹ Такимъ образомъ изъ соотнесенныхъ словъ цѣлаго ряда христіанскихъ апологетовъ ясно открывается взглядъ ихъ на древнихъ классическихкихъ писателей по отношенію къ писателямъ библейскимъ. Апологеты христіанства, если не все вообще, которыхъ сочиненія дошли до насъ, то пользовавшіеся большимъ авторитетомъ или большею извѣстностію ², признавали, что нѣкоторые изъ греческихъ философовъ, поетовъ, законодателей и другихъ мудрыхъ мужей имѣли непосредственное отношеніе къ боговдохновеннымъ писателямъ еврейскимъ и заимствовали изъ писаній ихъ весьма многія свѣдѣнія религіозно-нравственнаго содержанія, что слѣды этихъ заимствованій остались въ сочиненіяхъ классиковъ и составляютъ достояніе ученаго языческаго міра, хотя не во всей чистотѣ переданное ему изъ первоначальнаго своего источника, но тѣмъ не менѣе блистающее среди собственныхъ ихъ мудрованій и достаточно свидѣтельствующее о своемъ происхожденіи для умѣющихъ отличать и цѣнить эти отрывки богооткровенной истины. По мнѣнію апологетовъ, между тѣми и другими писателями было неслучайное и не относящееся къ какому-нибудь опре-

¹ De civit. Dei. VIII, 11. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: multo credibilis est; istos (т. е. классические писатели) potius de literis nostris havisse, quaecumque bona et vera dixerunt, quam de Platonis Dominum Jesum Christum, quod dementissimum est credere. De doctrina Christi. II, 28. § 43. О немъ еще будетъ сказано ниже.

² Такого взгляда на классиковъ не встрѣчается у другихъ греческихъ апологетовъ: Аспнагора, Эрмія, Медитона Сардійскаго, Энея Газскаго, Захаріи Митиленскаго и пр.; изъ латинскихъ у Кипріана, Арнобія, Фирмина Матерна и пр. У писателей болѣе съ догматическимъ направленіемъ такое мнѣніе можно встрѣтить чрезвычайно рѣдко, и притомъ высказанное какъ бы случайно, безъ всякаго разъясненія, на пр. у Амвросія Медиоланскаго (Serm. XVIII in Psalm 118), Немезіи Емескаго (Пері φηλοσ. ἀνδρῶν. XII. 19. Edit. Migne), Илія Критскаго (Orat. XXXVII. 12. Tom. 2 p. 831. edit. Wener.), и Филопона (Пері Κοσμοποιίας, II, 2. § 2). Приписываемое нѣкоторыми, напр. Константиномъ Экономидомъ (Пері τῶν ὀ ἐρημιτῶν τῆς παλαιῆς θείας γραφῆς. Т. IV. ст. 23) св. Иринею тоже мнѣніе не оправдывается собственными словами его, на которыя указываютъ: Противъ ересей кн. III, гл. 26.

дѣлспному періоду времени, но продолжавшееся нѣсколь-
ко столѣтій, прямое литературное общеніе, не похо-
жее на знакомство по слуху, который могъ бы какими-
нибудь путями доносить свѣдѣнія о еврейскомъ ученіи до
любезнательныхъ эллиновъ, или на знакомство при посред-
ствѣ сосѣдственныхъ народовъ (не евреевъ), которые въ
свое время и своимъ образомъ могли бы заимствовать отъ
евреевъ богооткровенныя истины и передать ихъ устно
или письменно мудрецамъ греческимъ. Знакомство же клас-
сиковъ съ библейскимъ ученіемъ чрезъ собесѣдованіе съ
евреями или другими народами, при непосредственномъ и
прямомъ отношеніи ихъ къ священнымъ писателямъ, ра-
зумѣется само собою.

§ 3. Основанія, на которыхъ христіанскіе апологеты
утверждали свое мнѣніе о заимствованіи многихъ истинъ
писателями классическими отъ библейскихъ, приводятся
ими отрывочно въ разныхъ мѣстахъ сочиненій и свидѣ-
тельствуя о тщательной заботливости—подкрѣпить свое
мнѣніе всеми возможными, внѣшними и внутренними, до-
казательствами, относящимися къ разбираемому предмету.
Совокупность этихъ основаній представляетъ цѣлый рядъ
доводовъ, довольно стройно связанныхъ между собою.—
Прежде всего, какъбы въ основаніе самыхъ основаній сво-
ихъ, они полагаютъ высокую древность священныхъ книгъ
еврейскихъ сравнительно съ сочиненіями классиковъ, до-
казываемую и объясняемую нѣкоторыми изъ нихъ съ боль-
шюю подробностію. Этотъ доводъ въ глазахъ ученыхъ эл-
линовъ, любившихъ относить начало своихъ религіозныхъ
и философскихъ ученій къ глубочайшей древности, имѣлъ
особенную силу, и потому апологетами придается ему важ-
ное значеніе ¹. Такъ какъ сущность довода должна состо-

¹ Иустин. Апол. I, 23. Увѣщ. къ Эллин. 9 и 10. Татіан. Рѣч. прот. Эллин. 31. 36—41. Осоевн. III, 1. 16. 20. 29. Ориген. cont. Cels. IV, 11. 12. 21. и VI, 7. Климент. Strom. I, 21. Тертул. Apolog. 19. Евсев. Praep. Ev. X, 1—14. Феодорит. Graec. af. cur. II, 28. Августин. De civit. D. XVІІІ, 37. Также Лактанцій Div. Institut. IV, 5.

ить въ приведеніи хронологическихъ и историческихъ дан-
ныхъ, то нѣкоторые изъ нихъ, какъ то: Татіанъ, Теофила
Антіохійскій, а за ними Климентъ Александрійскій и Ев-
севій Кесарійскій представляютъ хронологическую табли-
цу исторіи не только еврейскаго и греческаго народовъ
отъ начала ихъ до позднѣйшаго времени, но и халдей-
скаго, египетскаго, персидскаго и другихъ, и сравнитель-
ную перечень извѣстныхъ у нихъ писателей, чтобы «изъ-
разсмотрѣнія времяя и всего сказаннаго можно было ви-
дѣть древность пророческихъ писаній и божественность
нашего (Иудейско-христіанскаго) ученія, что это ученіе не
ново, и не баснословны и не ложны наши вѣрованія, какъ
думаютъ нѣкоторые, но самыя древнія и истинныя». ¹. А
для того, чтобы приводимый доводъ былъ болѣе убѣди-
теленъ для лицъ, къ которымъ обращалась рѣчь, и досту-
пенъ для всѣхъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ литера-
турными произведеніями, апологеты приводятъ свидѣтель-
ства и языческихъ писателей всего тогдашняго міра, дре-
ннѣйшихъ и позднѣйшихъ, Манефона и Птолемея (изъ
Мендиса) египетскихъ, Санхроніатона финикійскаго, Биро-
за халдейскаго, Флавія и Филона іудейскихъ и множества
другихъ историковъ, которыхъ сочиненія, болѣею частію
потеряныя въ послѣдствіи, существовали въ то время.
Изъ всѣхъ вмѣстѣ историческихъ и хронологическихъ дан-
ныхъ апологеты выводятъ заключеніе, что еврейскій бы-
тописатель Моисей древнѣе по времени не только всѣхъ
классическихъ писателей, но и большей части такъ назы-
ваемыхъ боговъ языческой міеологіи, и что древнѣйшіе
изъ греческихъ философовъ Фалесъ и Пифагоръ жили не
ранѣе послѣднихъ пророковъ еврейскихъ Захаріи и Ма-
лахіи ². Вслѣдъ за такими соображеніями непосредственно

¹ Осоевн. къ Автол. III, 29.

² Осоевн. тамъ же гл. 23. Климентъ: Strom. 1, 21. 143. Тертул. Apo-
log. с. 19. Кир. Ax. Cont. Julian. VII, 222.

поставляется вопрос: не естественнѣ ли допустить, что позднѣйшіе писатели, т. е. греческіе и римскіе, заимствовали разныя истины и сказанія отъ древнѣйшихъ, т. е. еврейскихъ? «Кто хочетъ,—говоритъ Евсевій Кесарійскій,—коснуться мудрыхъ мужей, то весьма существенное для своего предмета сдѣлаетъ дѣло, если напередъ опредѣлитъ древность ихъ, дабы, когда окажутся у эллиновъ мыслящіе согласно съ еврейскими пророками и богословами, уже не сомнѣваться, кто изъ нихъ у кого, вѣроятнѣе, заимствовалъ свое ученіе, древнѣйшіе ли отъ новыхъ, евреи ли отъ эллиновъ, варвары ли отъ философовъ, которыхъ и языка они слышать не могли, или, что гораздо вѣроятнѣе (*μᾶλλον εἰκός*), новые отъ древнѣйшихъ, и эллины, собиравшіе свѣдѣнія у многихъ народовъ, не знали писаній еврейскихъ, издавна переведенныхъ на греческій языкъ». ¹ — Но при всей справедливости того положенія, что священныя книги евреевъ древнѣе сочиненій классическихъ писателей, еще нужно было доказать, что возможность заимствования послѣдними изъ первыхъ осуществлялась въ дѣйствительности. Апологеты видѣли необходимость подтвердить вѣроятность факта заимствования новымъ доводомъ, который доставилъ бы ему большую достоверность; и съ этою цѣлію они ссылались на нерѣдкія путешествія греческихъ мудрецовъ въ различныя страны востока; они утверждали, что всѣ знаменитѣйшіе мыслители древней Греціи, путешествуя по Египту и Малой Азіи, встрѣчались съ евреями или по крайней мѣрѣ усвоили еврейскія истины, распространенныя между египтянами, ассиріянами, вавилонянами и другими восточными народами.

¹ Граер. Ев. X, 8. 483. Послѣднія слова, вставленныя здѣсь не совсѣмъ кетати: «издавна переведенныхъ на греческій языкъ», будутъ объяснены ниже. См. Оригена слова ниже на стр. II и Теодорита указ. соч. I, II. Тертуліанъ въ Arolog. с. 47 говоритъ: proficit antiquitas praestructa divinae literaturae, quo facile credatur thesaurum eam fuisse posteriori cuique sapientiae. Ср. сар. 45. и Ad Nationes, II, 2. contr. Marcion. IV, 4 и 5.

Къ этому они прибавляли, что многіе изъ греческихъ мудрецовъ сами были родомъ варвары, т. е. происходили изъ тѣхъ же восточныхъ странъ, наприм. Фалесъ милетянинъ, а по другимъ—фипикіанинъ, Пифагоръ съ острова Самоса, а по другимъ—тиранинъ. ¹ Что древніе классическіе писатели дѣйствительно путешествовали по восточнымъ странамъ для обогащенія себя познаніями, на это апологеты приводили свидѣтельство изъ греческихъ же позднѣйшихъ писателей. «Думаю,—говоритъ св. Іустинъ въ увѣщаніи къ эллинамъ,—не безъизвѣстно нѣкоторымъ изъ васъ, если вы читали сочиненія Діодора и другихъ историковъ, что Орфей, Омръ и Солонъ, написавшія законы аоніанамъ, также Пифагоръ и Платонъ и другіе нѣкоторые, бывши въ Египтѣ и воспользовавшись писаніями Моисея, послѣ того высказывали мысли, противоположныя прежнимъ ихъ ложнымъ мнѣніямъ о богахъ» ². А что греческіе путешественники поучались на востокѣ изъ еврейскихъ книгъ, это обстоятельство они подтверждали извѣстнымъ для всѣхъ фактомъ разсѣянія евреевъ и соображеніями объ извѣстности еврейскаго ученія среди гѣхъ народовъ, къ которымъ влекла грековъ ученая любознательность. «Первый изъ философовъ Пифагоръ,—говоритъ Евсевій Кесарійскій,—учился не только у Ферекиды Сиросскаго, но жилъ и у маговъ персидскихъ, учился и у пророковъ египетскихъ въ то время, когда одни изъ евреевъ, какъ извѣстно, переселились въ Египетъ, другіе въ Вавилонъ. Фалесъ также, какъ повѣствуютъ нѣкоторые, былъ финикіанинъ, а по мнѣнію другихъ— милетянинъ; и онъ, говорятъ, имѣлъ сношеніе съ пророками египетскими; равно и Солонъ, одинъ изъ семи мудрецовъ, который далъ законы аоніанамъ, по свидѣтельству Платона» ³.

¹ Климент. Strom. I, 14 и 15. Евсевій Praep. Ev. X, 4. 470. Теодоритъ соч. I, 7.

² Гл. 14. Также Кирилл. Алексан. Contr. Julian. I, 16. Θεοο. къ Автол. II, 38. Евсев. Пр. Ев. XIII, 16, и другіе во многихъ мѣстахъ.

тона, имѣлъ сношеніе съ египтянами въ то время, когда евреи опять обитали въ Египтѣ»¹. Для большей убѣдительности предложеннаго довода, апологеты кромѣ того широко развивали ту мысль, что вся греческая образованность получила свое начало съ востока, что всѣ отрасли наукъ, искусствъ и промышленности заимствованы эллинами отъ такъ называемыхъ ими варваровъ, или, справедливѣе сказать, отъ древнѣйшихъ и мудрѣйшихъ народовъ, которые были первоначальными изобрѣтателями астрономіи и геометріи, медицины и музыки, и самой письменности, а эллины отличались отъ всѣхъ только особенною склонностію къ заимствованіямъ². Если же греки вообще таковы, если обыкновенныя и житейскія ихъ познанія не отличаются самостоятельностью въ своемъ первоначальномъ происхожденіи, то тѣмъ болѣе надобно сказать это о высшихъ и лучшихъ философскихъ, религиозныхъ и нравственныхъ ихъ убѣжденіяхъ, касающихся Существа высочайшаго, начала всѣхъ вещей, состава и конца вселенной, сущности и назначенія души человѣческой и другихъ возвышенныхъ предметовъ. Откуда у нихъ иногда проявляются блески этихъ убѣжденій, какъ не отъ боговдохновенныхъ писателей библейскихъ? «Не ново и не баснословно наше ученіе, — говоритъ Теофилъ Антиохійскій къ Автолику, — но древнѣе и достовѣрнѣе всѣхъ вашихъ поэтовъ и сочинителей, писавшихъ безъ вѣрнаго знанія... Посему лучше быть ученикомъ закона Божія, какъ и самъ Платонъ въ Менонѣ призналъ, что нельзя иначе познать истину, если не научитъ Богъ чрезъ законъ. И поэты Омиръ, Исюдь и Орфей не говорили ли о самихъ

¹ Праер. Ев. X, 4. 471. Кириллъ Александ. утверждаетъ, что между египтянами Моисеево ученіе было въ немаломъ уваженіи (*ὡς ἐν μεγάλῃ βαρβαρίᾳ* — Contr. Iulian. I, 29).

² Климентъ написалъ объ этомъ обширныя главы: Strom. I, 15. 16. VI, 2. 3. 4. Евсевій сдѣлалъ извлеченія изъ нихъ и изъ другихъ источниковъ въ Праер. Ев. lib. X. и прочіе повторяли тоже.

себѣ, что они научены божественнымъ промысломъ? Ибо тогда еще были провѣщатели и провидцы, по словамъ писателей, и научившіеся отъ нихъ, говорятъ, писали вѣрно. Не тѣмъ ли болѣе знаемъ истину мы, научившіеся отъ святыхъ пророковъ, исполненныхъ святаго Духа Божія?»¹—Возвышенность религиозно-нравственныхъ истинъ, встрѣчающихся у греческихъ поэтовъ и философовъ, превышающая обыкновенныя сужденія человѣческія, служить для христіанскихъ апологетовъ новымъ доводомъ для подтвержденія мнѣнія о заимствованіи классиками изъ священныхъ книгъ, превышающихъ своимъ содержаніемъ всѣ человѣческія сочиненія. При полномъ уваженіи къ уму и высокому развитію нѣкоторыхъ изъ классическихъ мыслителей, особенно Платона, апологеты, имѣя въ виду предѣлы ума человѣческаго вообще и помраченнаго идолопоклонствомъ въ особенности, прямо утверждали, что «людямъ невозможно узнать столь высокія и божественныя истины ни по естеству, ни чрезъ дѣятельность человѣческаго ума, но только посредствомъ дара, который свыше сходитъ на святыхъ мужей».² Откуда же у классическихъ писателей мѣста, сходныя съ боговдохновенными истинами, если собственный умъ ихъ не могъ домыслиться до нихъ? Сами греческіе мудрецы, въ доказательство своихъ рѣдкихъ и высокіхъ понятій о единствѣ Бога, сотвореніи міра, безсмертіи души, будущей жизни и другихъ предметахъ основныхъ и общихъ у нихъ съ религіею богооткровенною, часто ссылаются то на древнее и священное преданіе (*παλαιὸς λόγος*, *ἱερός λόγος*), то на ученіе восточныхъ варварскихъ народовъ, о которыхъ въ такихъ случаяхъ они отзываются съ великимъ уваженіемъ.³ Напоминая имъ объ этомъ, апологеты по примѣру апостола Павла,

¹ Къ Автол. III, 16 и 17. также Іустин. Увѣщ. къ Эллин. 32.

² Іустин. увѣщ. къ Эллин. 8. Также Минуд. Фел. Октав. гл. 5.

³ Климент. Strom. I, 15. Cohort. ad gent. VII, 21. Евсев. Пр. Ев. XIII, 12 и 13. Феодор. ук. соч. V, 71.

возвѣщающаго ашнннамъ истиннаго христіанскаго Бога въ почитаемомъ или *несвѣдомомъ Богѣ* (Дѣян. XVII. 23). указывали современнымъ азычникамъ въ уважаемомъ ими древнемъ преданіи забытыя ими писанія Моисея и пророковъ и между древле-просвѣщенными народами—прежде всего народъ іудейскій. «Платонъ, — говорится въ приписываемомъ св. Іустину Увѣщаніи къ эллинамъ, — выразивъ прикровенно мысль о вѣчности Божіей, какъ бы для того, чтобы сдѣлать ее понятною для неразумныхъ, написалъ слѣдующія слова: Богъ, какъ говоритъ древнее преданіе, составляетъ начало, конецъ и средину всего». Здѣсь Платонъ явно и ясно называетъ древнимъ преданіемъ законъ Моисеевъ, опасаясь только упоминать имя Моисея по страху цыкуты; ибо онъ зналъ, что ученіе этого мужа противно эллинской религіи, по ясно указываетъ на Моисея въ своемъ выраженіи о древнемъ преданіи. ¹ Ученіе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, заключающееся въ священныхъ книгахъ евреевъ, въ главнѣйшихъ чертахъ своихъ и въ частности таково, что собственнымъ умомъ домыслиться до него невозможно, и кто какими бы то ни было образомъ получалъ о немъ свѣдѣніе, тотъ невольно питаетъ къ нему уваженіе, какъ къ свѣтлой истинѣ, блистающей среди мрака заблужденій. Не смотря на неточное разумѣніе библейскихъ истинъ язычниками и намѣренное или ненамѣренное искаженіе и смѣшеніе съ множествомъ ложныхъ мнѣній, свѣтъ этихъ истинъ и во тьмѣ языческой свѣтитъ и отъ окружающей его среды отличается такъ, что нельзя не видѣть его чуждаго происхожденія, т. е. заимствованія изъ книгъ еврейскихъ, по мнѣнію христіанскихъ апологетовъ. Подтвержденіемъ этого въ глазахъ апологетовъ, лично принадлежавшихъ нѣкогда къ той или другой философской сектѣ и болѣе или менѣе знавшихъ основанія всехъ системъ ихъ, служатъ тѣ противорѣчія, которая встрѣ-

¹ Увѣщ. къ Эллим. 25. Ср. Каам. Алек. Strom. II, 22. 180.

чаются у греческихъ мудрецовъ объ одномъ и томъ же предметѣ, и притомъ не у разныхъ писателей другъ съ другомъ, но даже у одного и того же писателя съ самимъ собою. Это обстоятельство, при высокихъ умственныхъ способностяхъ греческихъ мыслителей и ихъ систематическомъ образованіи объясняется не самостоятельнымъ достиженіемъ ихъ до высшихъ началъ религіи и нравственности, а прямымъ присвоеніемъ изъ чуждаго источника, причѣмъ собственныя ихъ сужденія и остались въ несогласіи съ богооткровенными истинами. Такъ «Платонъ, — говоритъ блаженный Теодоритъ, — правильно вѣровалъ, что бывають казанія во адѣ; ибо, встрѣтившись съ евреями въ Египтѣ, онъ слышалъ пророческія изреченія и узналъ объ огненной рѣкѣ, которую видѣлъ божественный Даниилъ, изучилъ и слова божественнаго Исаи, который въ одномъ мѣстѣ говоритъ: *червь ихъ не скончается и огонь ихъ не угаснетъ* (Исаи LXVI, 24), и еще: *кто возыститъ вамъ, что огонь горитъ, кто возыститъ вамъ мѣсто вѣчное* (Исаи XXXIII, 14)? И много другаго подобнаго можно найти у пророковъ; философъ же, одно заимствовавъ отсюда, а другое примѣшавъ изъ эллинскаго баснословія, такимъ образомъ и составилъ рѣчь объ этомъ предметѣ». ¹ Вообще все греческіе мудрецы, по словамъ св. Кирилла Александрійскаго, «когда говорили согласно съ изреченіями боговдохновеннаго Писанія, тогда были превосходнѣе самихъ себя и согласны между собою, а когда каждый выдавалъ собственные вымыслы, тогда они явно разногласили между собою и увлекались цѣлѣвыми мнѣніями; ибо совершенно невозможно было имъ и вообще выше ума и слова нашего, если Вседержитель Богъ не пошлетъ свѣта уму, не дастъ премудрости и не отверзеть устъ, постигнуть и сказать что-нибудь недовѣдомое о Немъ

¹ Теодор. ук. соч. XI, 155. Ср. Іустин. Увѣщ. къ Элл. гл. 3—7. Евсев. Praep. Eu. XIII, 16.

самомъ»¹. Если же языческіе писатели, «говорившіе о множествѣ боговъ, возвращались къ единовластительству Божію, отрицавшіе промыслъ говорили о промыслѣ, утверждавшіе отсутствіе суда признавали, что будетъ судъ, и не допускавшіе чувства по смерти, признавали, что оне останется».² то истинныя понятія о столь возвышенныхъ предметахъ, смѣшанныя съ ложными понятіями о тѣхъ же предметахъ, суть признаки заимствованія изъ свящ. Писанія.—Послѣ такихъ соображеній, въ пользу мнѣнія о заимствованіи рѣшительнымъ доводомъ апологеты считаютъ сходство многихъ отрывковъ изъ сочиненій классиковъ съ подлинными мѣстами священныхъ книгъ: сходство разумѣется здѣсь не безусловное и полное, но достаточное для того, чтобы на основаніи его сдѣлать заключеніе о заимствованіи. Объясняя разными причинами, почему у языческихъ писателей нѣтъ совершеннаго сходства съ библейскими писателями, то невозможностию для ученыхъ эллиновъ отвѣчаться отъ своихъ предзанятыхъ убѣжденій, то неспособностию ихъ надлежащимъ образомъ понять прочитанное въ Библии, то боязнію высказаться прямо предъ суетвѣрными народами, апологеты находили основаніе своего мнѣнія въ сходствѣ изреченій классическихъ съ библейскими или по мысли, или по выраженію, или по тому и другому вмѣстѣ. Сходство мѣстъ по содержанію прежде всего обращало на себя вниманіе въ этомъ случаѣ и служило достаточнымъ признакомъ заимствованія даже и тогда, когда не представляло тождества во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ наприм. рассуждалъ Θεοφιλος Антиохійскій: «поэты говорили согласное съ пророками и о сгорѣніи міра, впрочемъ, какъ позднѣйшіе ихъ по времени, нохитивъ это изъ закона и пророковъ. Но что за важность въ томъ, жили ли они позднѣе или раньше пророковъ? Вѣрно, что они говорили со-

¹ Contr. Julian. 1, 16.

² Θεοφ. къ Автол. II, 38. Также Евсев. Пр. Ев. XI, 28, 337.

гласно съ пророками. О сгорѣніи міра предсказалъ пророкъ Малахія: *вотъ идетъ день Господень, какъ пылающій котелъ, и пожжетъ всѣхъ нечестивыхъ* (IV, 1.); и Исаія: *иже Божій придетъ, какъ сильное паденіе града и какъ вода стремящаяся въ долину* (XXX, 28, 30). Такимъ же образомъ Сивилла и прочіе провѣщатели, даже ваши поэты и философы возвѣстили о правдѣ, судѣ и наказаніи; кромѣ того невольно говорили они и о промыслѣ, что Богъ заботится не только объ насъ живыхъ, но и объ умершихъ; ибо они побуждаемы были истивою».¹ Сходство по формѣ или по буквѣ изреченій, безъ прямого тождества въ содержаніи, подавало поводъ апологетамъ выказывать свое мнѣніе о заимствованіи до такой степени, что иногда одно выраженіе или даже одно слово принималось за доказательство, а тѣмъ болѣе, когда подъ словомъ можно было подкрѣпить изъясляющую мысль сходную у классика съ библейскимъ писателемъ. Такъ Климентъ Александрійскій, между прочимъ, приводитъ слѣдующіе примѣры:» философы, Стоики, Платонъ, Пифагоръ и Аристотель перипатетикъ полагаютъ между началами вещество, но не одно начало. Известно, что это вещество они называютъ безкачественнымъ, безвиднымъ, а Платонъ даже еще смѣлѣе—несуществующимъ. Допускать эту вещественную сущность подало имъ поводъ пророческое изреченіе: *земля же была безводна и пуста* (Быт. 1, 2). И Епикуру пришла мысль о случайномъ движеніи (атомовъ) изъ слѣдующаго, непонятаго имъ, изреченія: *суета суетствій и вселенская суета* (Екк. I, 2). И Аристотелю пришла мысль ограничить промыслъ пространствомъ только до луны изъ словъ псалма: *Господи, милость твоя до небесъ, и истина твоя до облаковъ* (Пс. XXXV, 6). Ибо смыслъ пророческихъ тайнъ еще не былъ открытъ прежде пришествія Господа».² Послѣ этого

¹ Къ Автол. II, 38. Срав. слова Минудія Феликса выпис на стр. 13 и Θεодорита на стр. 23.

² Strom. V, 14, 252. Множество классическихъ мѣстъ всякаго рода, сход-

понятно, что мѣста у классиковъ, которыя представляютъ сходство съ библейскими и по мысли и по выраженію, были съ особенною тщательностію замѣчаемы христіанскими апологетами и выставляемы на видъ язычникамъ. При малочисленности такихъ мѣстъ они болѣею частію одинаково повторяются у многихъ апологетовъ и безъ всякихъ сомнѣній приводятся въ доказательство мнѣнія о заимствованіяхъ. Для примѣра укажемъ на слѣдующія слова писателя Увѣщанія къ эллинамъ: «Платонъ узналъ это въ Египтѣ (т. е. изреченіе Бога къ Моисею: *Я есмь сущій*), и ему очень понравилось ученіе о единомъ Богѣ, но боясь Арѣопага онъ считалъ не безопаснымъ упоминать предъ аэинянами объ имени Моисея, учившаго о единствѣ Божіемъ, и прекрасно сказанное имъ изложилъ въ тщательно обдѣланномъ разговорѣ «Тимей»,—въ которомъ онъ рассуждаетъ о божественныхъ вещахъ,—не какъ слышанное отъ Моисея, а какъ свое собственное мнѣніе, написавъ о Богѣ тоже самое, что и Моисей; ибо онъ сказалъ: «по моему мнѣнію, прежде всего надобно различать, что есть всегда сущее и не имѣющее начала, и что всегда бывающее, но никогда не сущее». Не ясно ли, эллины, для тѣхъ, которые могутъ разумѣть, что одно и тоже въ словахъ ихъ, съ разницею только въ членѣ? Моисей сказалъ: *сущій* (ἐὶς ὅν), а Платонъ: *сущее* (τὸ εἶναι); но то и другое выраженіе, очевидно, приличествуетъ Богу всегда сущему; ибо только Онъ всегда есть и не имѣетъ начала.¹ Такимъ образомъ мысль христіанскихъ апологетовъ о заимствованіяхъ классическими писателями изъ еврейскихъ священныхъ книгъ была не случайнымъ и мимолетнымъ мнѣніемъ, но особымъ воззрѣніемъ ихъ на

ныхъ съ библейскими, изложенныхъ Климентомъ въ этой главѣ и переписанныхъ Евсевіемъ въ Рг. Evang. XIII, 13, служило для послѣдующихъ апологетовъ обильнымъ источникомъ подобныхъ обличеній.

¹ Ув. къ Элл. 22. Тоже у Евсевія Рг. Ev. XI, 9., Кирилла Алек. Contra Iulian. I, 23. Феодорита ук. соч. II, 26., Августина De Civit. Dei. VIII, II.

отношеніе классиковъ къ Библии, огражденнымъ съ разныхъ сторонъ подтверждающими его соображеніями; она опиралась на разнообразныхъ доказательствъ, изъ которыхъ одни подтверждали возможность заимствованія писателями языческими отъ библейскихъ, какъ древность Моисеевыхъ книгъ въ сравненіи съ сочиненіями эллинскихъ мудрецовъ, другія — вѣроятность этого пересаженія богооткровенныхъ истинъ въ міръ классической, какъ путешествіе греческихъ мудрецовъ по странамъ восточнымъ, третья — внутреннюю, неизбѣжную для обыкновенныхъ мыслителей необходимость обращенія къ божественному источнику высокихъ истинъ религіи и нравственности, недоступныхъ безъ того для ума человѣческаго, наконецъ четвертая—очевидность этого заимствованія, открывающаяся изъ содержанія и формы многихъ мѣстъ, изложенныхъ въ литературныхъ произведеніяхъ человѣческой мудрости сходно съ книгами священнаго Писанія.

§ 4. Впрочемъ, не смотря на множество соображеній, которыми поддерживалось изложенное мнѣніе апологетовъ, не всѣ они были вполне увѣрены въ совершенной справедливости такого воззрѣнія. Въ сочиненіяхъ некоторыхъ изъ нихъ нельзя не видѣть, что у нихъ зарождалось и сомнѣніе касательно этого предмета. Не говоря о томъ, что не всѣ апологеты указывали на однихъ и тѣхъ же классиковъ, какъ заимствователей изъ книгъ св. Писанія, и полагали не одинаковое число ихъ, но иногда указывали на очень многихъ, а иногда только на двоихъ или даже на одного философа,¹ самыя выраженія нѣкоторыхъ изъ нихъ и собственные ихъ сужденія о томъ же предметѣ.

¹ Обширнѣе всѣхъ допускалъ это мнѣніе Климентъ Александрійскій, распространяя его почти на всѣхъ греческихъ поэтовъ, философовъ, законодателей древняго времени; блаж. Феодоритъ—не болѣе, какъ на семерыхъ—Орфея, Ферекида, Пивагора, Фядеса, Солона, Аваксагора и Платона; Тертуліанъ называетъ по имени только двоихъ—Фалеса и Солона; Оригенъ и Августинъ — только одного Платона.

высказанныя въ другихъ мѣстахъ ихъ сочиненій, показываютъ явное колебаніе между отрицаніемъ и утверженіемъ составившагося мнѣнія. Мы видѣли, въ какой нерѣшительной формѣ Оригенъ высказалъ это мнѣніе касательно философа Платона: «я не отвергаю (*οὐκ ἀπερνῶσκει*), что Платонъ, какъ писали нѣкоторые (*ὡς τινες ἀνεγραφαί*), отъ какихъ-нибудь евреевъ узналъ сказанное имъ въ Федръ»¹. Притомъ онъ написалъ эти слова въ сочиненіи противъ Кельса въ томъ мѣстѣ, гдѣ приводилъ доводы противъ дерзкой и неосновательной клеветы философа, который къ униженію іудейско-христіанской вѣры утверждалъ совершенно противоположную мысль, будто писатели ветхаго заветъ, равно какъ І. Христосъ и апостолы, заимствовали многое изъ древнихъ греческихъ писателей, особенно Платона, и подробно раскрывалъ это сравненіемъ библейскихъ мѣстъ съ мѣстами изъ классиковъ. Прямымъ опроверженіемъ такой нелѣпой выдумки было бы показать, что напротивъ языческіе мудрецы, отъ Орфея до Платона включительно, заимствовали отъ писателей библейскихъ; однако Оригенъ нигдѣ не говоритъ этого прямо и рѣшительно, и еще въ другомъ мѣстѣ, кромѣ вышеприведеннаго, выражается такимъ образомъ: «Кельсъ думаетъ, что Моисей, написавшій о башнѣ и смѣшеніи языковъ, написалъ это, сказавъ повѣствуемое объ Алоадахъ; на это надобно сказать, что объ Алоадахъ, кажется, никто не говорилъ прежде Омира, а о башнѣ Моисей написалъ, какъ я увѣренъ, гораздо раньше не только Омира, но и самаго изобрѣтенія греческихъ письменъ. Кто же чьи изсказилъ сказанія: повѣствующие ли объ Алоадахъ—сказаніе о башнѣ, или написавшій о башнѣ и смѣшеніи языковъ—сказаніе объ Алоадахъ? Но извѣстно безпристрастнымъ слушателямъ, что Моисей древнѣе Омира».² Въ третьемъ мѣстѣ не ме-

¹ См. стр. 11.

² *Contra Cel.* IV, 38. Сыновья Адея, великаны Отъ и Есиалтъ, по сказанію Оригена (*Gen.* IV, 385. *Уд.* XI, 305), сражались съ богомъ Ариомъ и

нѣе уклончивымъ образомъ онъ по одинаковому поводу говорить: «на это и все подобное, что Кельсъ, не имѣя возможности опровергнуть истинность нашего ученія, высказалъ въ доказательство того, будто эллинами сказано тоже самое, надобно отвѣчать слѣдующее: если какое ученіе полезно и направленіе его здраво, то высказано ли оно у эллиновъ Платономъ или кѣмъ-нибудь изъ эллинскихъ мудрецовъ, у іудеевъ ли Моисеемъ или кѣмъ-нибудь изъ пророковъ, у христіанъ ли въ записанныхъ словахъ Иисуса или принадлежащихъ кому-нибудь изъ апостоловъ Его, не слѣдуетъ считать достойнымъ порицанія сказанное у іудеевъ или христіанъ потому, что и у эллиновъ тоже говорится, особенно когда доказано, что іудейское древнѣе эллинскаго».¹ Изъ снесенія всѣхъ приведенныхъ мѣстъ и выраженій Оригена видно, что онъ не только сомнѣвался въ справедливости мнѣнія о заимствованіи греческими классиками изъ книгъ св. Писанія, но и въ первомъ мѣстѣ привелъ это мнѣніе, какъ чужое, а самъ не держался его; послѣднее съ большою увѣренностію можно допустить на основаніи другихъ словъ его, сказанныхъ въ толкованіи на Пѣснь пѣсней: «Нынь,—говоритъ онъ,—слышится имя Моисея, которое прежде заключено было только въ тѣсныхъ предѣлахъ Іудей; ни изъ эллиновъ никто не упоминалъ о немъ, и ни въ какой исторіи языческихъ литературъ не находимъ ничего написаннаго о немъ или прочихъ (т. е. еврейскихъ писателяхъ, какъ священннхъ и боговдохновенныхъ); когда же явился въ міръ Иисусъ, то привелъ съ собою законъ и пророковъ».² Подобнымъ обра-

хотѣли поставить горы Осеу и Пидій на Олимпѣ, чтобы взойти на небо, но были за это умерщвлены богами.

¹ *Contra Cel.* VII, 59.

² *Homil. I. in Oreg. Hieron.* Т. II, р. 812. Эти слова Оригена, сохранившіяся только въ латинскомъ переводѣ бл. Иеронима, конечно, нельзя принимать безусловно и въ букввальномъ смыслѣ; они не совсѣмъ согласны и съ собственными доказательствами Оригена противъ Кельса (11, 16), что о Моисей и еврейскомъ народѣ упоминали очень многіе языческіе писатели

зомъ въ словахъ *Тертуліана*, приведенныхъ въ пользу мнѣнія о заимствованіяхъ классиками изъ Библии, нельзя не видѣть хотя довольно яснаго, но нерѣшительнаго утвержденія этого мнѣнія. ¹ Въ самыхъ выраженіяхъ его: «кто изъ поэтовъ, кто изъ софистовъ, кто не пиля изъ источника пророковъ?»—нѣтъ опредѣленнаго указанія на то, какихъ поэтовъ и софистовъ, какого времени до рождества Христова, разумѣлъ онъ въ числѣ пившихъ изъ источника пророковъ, позднѣйшихъ ли, жившихъ въ то время, когда писанія Моисея и пророковъ сдѣлались доступными для греческихъ поэтовъ и философовъ въ переводѣ на греческій языкъ, или древнѣйшихъ, жившихъ до эпохи этого перевода? ² Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ подлинныхъ сочиненій тотъ же учитель церкви выражается объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ такъ, что остается весьма сомнительнымъ, раздѣлялъ ли онъ возрѣніе другихъ апологетовъ объ этомъ предметѣ. Доказывая въ концѣ своей апологіи, что христіанство не есть какой-нибудь родъ философіи, какъ полагали нѣкоторые изъ язычниковъ въ то время, онъ объясняетъ различіе въ образѣ дѣйствій философовъ и христіанъ по отношенію къ истинѣ, хотя и тѣ и другіе возставали противъ языческаго ученія о богахъ, и замѣчаетъ, что философы ничего не знали о Богѣ истинномъ, какъ показываетъ примѣръ *Фалеса*, не умѣвшаго отвѣчать на вопросъ царя *Креза* о Божествѣ, и по своей нрав-

прежде рождества Христова. Но такъ какъ противъ подлинности словъ, приведенныхъ изъ латинскаго перевода, ничего сказать нельзя, то несогласіе Оригена съ мнѣніемъ о заимствованіи классиками изъ Библии подтверждается ими.

¹ См. стр. 14.

² Притомъ надобно замѣтить, что прямое указаніе надвоихъ классиковъ, *Фалеса* и *Содона*, встрѣчается въ такомъ отрывкѣ изъ его апологіи (гл. 19), который не находится во многихъ спискахъ *Тертуліановыхъ* сочиненій, а сдѣлался извѣстнымъ изъ одного кодекса *Фульдскаго* (*Fuldensis*) по изданію *Гагеркампа*, который впрочемъ самъ сомнѣвался въ его подлинности.

ственности не достойны носить имя философовъ, а христіанъ нельзя сравнивать съ ними «ни со стороны ученія, ни со стороны нравственности». ¹ Въ другомъ сочиненіи тотъ же христіанскій апологетъ, признавая, что философы иногда рассуждали сходно съ христіанами, раскрываетъ, какимъ образомъ могло это случиться: «иногда,—говоритъ онъ,—и во время бури по смутнымъ указаніямъ неба и благопріятному теченію иныя попадаютъ въ пристань; иногда и во мракѣ, по слѣпому счастью, отыскиваются какіе-нибудь входы и выходы; притомъ многое внушается и отъ природы, какъ-бы изъ общаго чувства, которымъ Богъ благоволилъ одарить душу; наконецъ, хотя и можно повѣрить, что какой-нибудь изслѣдователь мудрости по любознательности приближался къ самымъ пророкамъ, однако найдешь больше различія между философами (и пророками), нежели сходства, и въ самомъ сходствѣ оказывается ихъ различіе, такъ какъ и нѣчто истинное и согласное съ пророками они или съ другой стороны выставляютъ или иначе излагаютъ съ великимъ искаженіемъ истины». ² Неоднократное и пространное раскрытіе подобныхъ мыслей о языческихъ мудрецахъ у *Тертуліана* даетъ праводумать, что иприведеннаявъ началѣ мысль изъ его апологіи о заимствованіи поэтами и софистами изъ пророческихъ писаній или не относится къ древнѣйшимъ греческимъ мудрецамъ, или не составляетъ собственнаго его убѣжденія. Еще большее колебаніе въ сужденіи объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ обнаруживаетъ блаж. *Августинъ*. Въ той самой главѣ своего сочиненія, гдѣ онъ высказываетъ весьма нерѣшительное согласіе свое: «я почти согласенъ «(pene assentiar)» на мнѣніе о заимствованіяхъ

¹ Apologēt. c. 46. Neque de scientia, neque de disciplina, aequamur.

² De anima, c. 2. Tamen plus diversitatis invenias inter philosophos, quam societatis. Послѣ: inter philosophos, нужно подразумѣвать слова: et inter prophetas, по ходу рѣчи *Тертуліана*.

философомъ Платономъ изъ книгъ Моисеевыхъ¹, онъ говоритъ слѣдующее: «нѣкоторые изъ нашихъ общниковъ въ благодати Христовой удивляются, слыша или читая, что Платонъ разсуждалъ о Богѣ во многомъ согласно съ истиною нашей религіи, и по этому думаютъ, что онъ, путешествуя по Египту, слушалъ пророка Іеремію или читалъ пророческія писанія, каковое мнѣніе и я высказалъ въ нѣкоторыхъ книгахъ своихъ; но по тщательномъ соображеніи обстоятельствъ времени, по хронологіи оказывается, что Платонъ родился спустя почти сто лѣтъ послѣ того, какъ проповѣдывалъ Іеремія, а по истеченіи 81 года его жизни, отъ года его смерти до того времени, когда Птоломей царь египетскій испросилъ изъ Іудей пророческія писанія народа еврейскаго и при посредствѣ 70 еврейскихъ мужей, знавшихъ и греческій языкъ, приказалъ перевести и хранить ихъ, прошло почти 60 лѣтъ; слѣдовательно во время своего путешествія Платонъ не могъ ни видѣть Іеремію, задолго прежде умершаго, ни читать нѣтъхъ писаній, которыя еще не были переведены на греческій языкъ, которымъ онъ владѣлъ; развѣ, можетъ быть (nisi forte), онъ, какъ человѣкъ проникательнаго ума, посредствомъ переводчика изучалъ ихъ, подобно какъ и египетскія, не переписывая, но посредствомъ устныхъ бесѣдъ усвоивъ ихъ содержаніе»². Во всѣхъ этихъ словахъ слышится болѣе отрицаніе знакомства философа Платона съ еврейскимъ ученіемъ, нежели утвержденіе, отрицаніе, которое сдѣлается несомнѣннымъ, если принять во вниманіе отзывы того же учителя церкви вообще о греческихъ мудрецахъ и ихъ ученіи. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «не упоминая объ исторіяхъ, сами философы, которые повидимому трудились въ своихъ занятіяхъ только для того, чтобы найти, какъ надобно жить для достиже-

нія блаженства, почему разногласили и ученики съ учителями и соученики между собою, если не потому, что они искали этого, какъ люди, человѣческими чувствами и человѣческими разсужденіями?»¹ Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается такъ: «философы міра сего, хотя прозрѣвали вѣчную и неизмѣняемую истину, но пути, ведущаго къ ней, совершенно не знали; они усматривали Творца изъ твореній и достигали до познанія о виновникѣ міра посредствомъ того же міра, но *подавляли истину неправдою*; Богъ не являлся имъ ни чрезъ законъ, ни чрезъ откровеніе, но *невидимос Его* они видѣли *чрезъ разсматриваніе твореній*» (Рим. 1, 18—20).² При такомъ взглядѣ на языческихъ писателей не можетъ быть положительнаго мнѣнія о заимствованіи ими чего-нибудь изъ книгъ библейскихъ.—Всѣхъ же опредѣленныхъ въ отрицательномъ смыслѣ высказался объ этомъ предметѣ *Лактанцій*. Онъ не сомнѣніе только имѣлъ касательно факта заимствования классиками изъ Библии, какъ три вышеупомянутые апологета, и не прошелъ этого молчаніемъ, какъ многіе другіе, но въ одномъ мѣстѣ, по поводу разсужденія о сотвореніи человѣка, прямо сказалъ, что греческіе поэты «вовсе не касались письменъ истины (т. е. книгъ св. Писанія), но что предано въ пророчествахъ пророковъ и содержалось во святилищѣ Божіемъ, то въ видѣ искаженномъ многими баснями и темными мнѣніями, какъ обыкновенно истина бываетъ искажаема народомъ, разсѣивалась въ различныхъ рѣчахъ, въ которыхъ всякой прибавляетъ что-нибудь къ слышанному, они заключили въ своихъ стихотвореніяхъ».³ Въ другомъ мѣстѣ, какъ бы подрывая одно изъ важнѣйшихъ и употребительнѣйшихъ доказательствъ предполагаемаго заимствованія, именно знакомство языческихъ мудрецовъ съ еврейскимъ ученіемъ

¹ См. стр. 14.

² De civit. Dei. VIII, II. Также Retract. II, 4. § 2. и Confess. VII, 20. 21.

¹ De civit. Dei. XVIII, 41.

² Serm. 141. de Verb. Ioan. T. V. pag. 682. E. Bened. 1683.

³ Div. Institut. II, 11.

посредствомъ путешествій, онъ довольно рѣшительнымъ тономъ говоритъ: «я часто удивляюсь тому, что Писагоръ и послѣ него Платонъ, пламенѣя любовью къ изслѣдованію истины, достигли даже до египтянъ, маговъ и персовъ, чтобы узнать обычаи и богослуженіе этихъ народовъ, — ибо они полагали, что мудрость заключается въ религіи, — а къ іудеямъ не ходили, у которыхъ однихъ тогда и была она (мудрость) и куда они могли бы итти удобнѣе. Думаю, что они были отвращаемы отъ этого божественнымъ Промысломъ, дабы они не могли узнать истину; потому что еще не подобало религіи Бога истиннаго и правды открыться чуждымъ людямъ; Богъ опредѣлялъ, по наступленіи послѣдняго времени, послать съ неба великаго Вождя, который, отнявъ ее отъ вѣроломнаго и неблагодарнаго народа (Мат. 1, 43), открылъ бы ее вѣрнымъ народамъ».¹ Напрасно нѣкоторые писатели старались ослабить тонъ рѣчи Лактанція, прямо противоположной мнѣнію апологетовъ о заимствованіи классиками изъ библейскихъ книгъ, или примирить ихъ какимъ-нибудь особымъ истолкованіемъ словъ его. Ни объясненіе однихъ, что греческимъ философамъ вовсе не было нужды путешествовать собственно въ Палестину, чтобы заимствовать понятія объ истинномъ Богѣ и другихъ важнѣйшихъ предметахъ религіи и нравственности отъ іудеевъ, съ которыми они могли встрѣтиться въ Египтѣ и Персіи, чего не отвергаетъ въ словахъ своихъ и самъ учитель церкви,² — ни предположеніе другихъ, будто Лактанцій имѣлъ въ виду не совсѣмъ чистыя религіозныя понятія іудеевъ, жившихъ въ Персіи и Египтѣ, и потому приписывалъ однимъ іудеямъ, жившимъ въ Палестинѣ, истинную религію, до которой не достигали языческіе мудрецы,³ — не представляютъ достаточныхъ осно-

¹ Div. Instit. IV, 2.

² Haetiі—Demonst. Evang. Prop. 4. Cap. 2. p. 45.

³ Nicol. le Nonny, Ap. ar. ad Biblii. max. vet. patrū, T. 2. p. 239. Констанціанъ Экономъ въ ук. соч. Т. IV, стр. 27. утверждаетъ, что Лактанцій

ваній давать другой смыслъ словамъ этого писателя, нежели какой они внушаютъ съ перваго взгляда. Лактанцій утверждаетъ, что само божественное Провидѣніе не попустило языческимъ мудрецамъ узнать отъ іудеевъ истинную религію до опредѣленнаго времени, съ чѣмъ несогласно было бы ни знакомство ихъ съ несовѣмъ—чистымъ ученіемъ евреевъ (хотя бы эта догадка о различіи ученія однихъ изъ тогдашнихъ евреевъ отъ ученія другихъ была справедлива), подъ покровомъ котораго проникательнѣйшіе изъ философовъ могли бы дойти до истины, — ни соприкосновеніе ихъ съ обитавшими въ Палестинѣ іудеями для изученія отъ нихъ богооткровенной истины, котораго Лактанцій очевидно не допускаетъ, хотя и знаетъ о путешествіяхъ философовъ въ Египетъ, Персію и другія страны и нисколько не отвергаетъ пребыванія іудеевъ въ этихъ странахъ.⁴ Смыслъ словъ его, несогласныхъ съ возрѣніемъ другихъ христіанскихъ апологетовъ, совершенно ясенъ: классическіе мудрецы не знали и не заимствовали ничего изъ священныхъ книгъ еврейскаго народа, и не могли знать и заимствовать по волѣ самаго Промысла Божія. — Съ такимъ смысломъ рѣчи несовѣтна и та мысль, чтобы греческіе поэты и философы имѣли даже непрямое или посредственное знакомство съ богооткровеннымъ ученіемъ евреевъ; слова Лактанція очевидно отвергаютъ и это соображеніе и составляютъ отличіе мнѣнія его и отъ тѣхъ апологетовъ, которые, хотя подвергаютъ сомнѣнію прямое заимствованіе классиками изъ Библии, однако не совсѣмъ устраняютъ знакомство ихъ съ ея содержаніемъ по слуху, посредствомъ собесѣдованія съ встрѣчавшимися евреями или другими соседственными народами, имѣвшими сношеніе съ еврейскимъ народомъ.

просто ошибся (*is dicit*), не читавъ Аристотела, Климента и Иустина, но ничѣмъ не доказываетъ, что онъ самъ не ошибся въ своемъ отзывѣ о знаменитомъ учителѣ Церкви...

⁴ Cp. Div. instit. IV, 10.

§ 5. Сомнѣнія въ справедливости изложеннаго воззрѣнія, прямо высказанныя блаж. Августиномъ, а еще рѣшительнѣе Лактанціемъ въ такихъ сочиненіяхъ, которыя по своему разнообразному содержанию и превосходному изложенію имѣли многочисленныхъ читателей, произвели свое дѣйствіе, и съ ихъ времени у латинскихъ церковныхъ писателей такое воззрѣніе болѣе не встрѣчается. Но такъ какъ и апологетическія сочиненія Климента Александрійскаго, ревностнѣйшаго защитника его, въ то же время находились, по словамъ Евсевія Кесарійскаго, у всѣхъ въ рукахъ,¹ то въ восточной церкви многіе, какъ видно изъ примѣровъ самаго Евсевія, Кирилла Александрійскаго и Теодорита Кирскаго, продолжали раздѣлять его убѣжденіе, пока наконецъ наступившее господство христіанской вѣры надъ языческою, во всемъ классическомъ мірѣ, прекратило взаимную ихъ борьбу и съ тѣмъ вмѣстѣ вопросъ объ отношеніи классиковъ къ св. Писанію потерялъ живой интересъ свой. Въ теченіи среднихъ вѣковъ не было особеннаго повода поднимать этотъ вопросъ. Но возрожденію же наукъ въ западной Европѣ, особенно въ 16-мъ столѣтіи, когда запятія классическими сочиненіями Греціи и Рима поглощали вниманіе ученыхъ мужей не менѣе, чѣмъ изученіе св. Писанія, множество мѣстъ, представлявшихъ сходными въ томъ и другомъ источникахъ тогдашняго образованія, пробудило желаніе объяснить взаимное ихъ отношеніе. Первые опыты рѣшенія этого вопроса имѣли направленіе, согласное съ воззрѣніемъ христіанскихъ апологетовъ первыхъ вѣковъ.² Прежде другихъ западныхъ ученыхъ опредѣленнымъ образомъ высказалъ древ-

¹ Pr. Ev. X, 2. 462.

² Лютеръ высказывалъ мысль: Plato hat vielleicht in Aegypten etliche Fünklein aus der Väter und Propheten Predigten zusammen gelesen. Еразмъ Ротердамскій говорилъ: permulta reperire licet in ethnicorum libris, quae cum Christi doctrina consentiant. См. Schneider: Christliche Klänge aus Klassik. Got. 1865. s. IX.

нее мнѣніе о заимствованіи разныхъ истинъ классиками изъ Библии Августинъ *Штейхъ*, котораго сочиненіе «о вѣчной философіи», имѣвшее нѣсколько изданій, вызвало болѣе обширныя изслѣдованія объ этомъ предметѣ и въ томъ же направленіи со стороны другихъ филологовъ и богослововъ.¹ Такъ Муцій *Панза* въ своемъ сочиненіи «о согласіи языческой и христіанской философіи», старался доказать, что тайное ученіе о Богѣ у халдеевъ, египтянъ, персовъ, арабовъ, грековъ и латинянъ, какъ заимствованное отъ евреевъ, согласно съ христіанскимъ вѣроисповѣданіемъ.² Болѣе извѣстный ученый Іоаннъ *Фоссъ* въ обширномъ изслѣдованіи «о богословіи языческомъ и христіанскомъ» утвердительно раскрывалъ, что почти всѣ вѣрованія язычества изъ Сиріи и Египта распространились между другими народами и въ баснословныхъ сказаніяхъ грековъ находятя явные слѣды древней исторіи Адама, Ноя, Іосифа, Моисея, Соломона и другихъ библейскихъ мужей.³ Вслѣдъ за нимъ *Пфаннеръ* въ «системѣ чистаго языческаго богословія» предпринялъ объяснить, что лучшія положенія языческой мудрости весьма близки къ христіанскому ученію, и собственными словами классиковъ доказать, какъ часто и какъ точно они говорили о предметахъ божественныхъ выраженіями св. Писанія (ad sacri codicis formam. Praef. 2).⁴ Въ то же время многіе другіе, замѣчательные своими дарованіями, писатели то въ систематическомъ порядкѣ, то въ отдѣльныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій высказывали убѣжденіе, что язычество во-

¹ Aug. Steuchus Eugubini. De perenni philosophia, libri X. Lugd. 1540. Basil. 1542. Paris. 1578. Venet. 1591.

² Mut. Pansa: Oculi sive consensus ethicae et christianae philosophiae. Marpur. 1605.

³ Joah. Vossius: De Theologia gentili et physiologia christiana, sive de origine ac progressu idololatriae, deque naturae mirandis, quibus homo adducitur ad Deum. Libr. IX. Amstelod. 1642. Edit. 2. 1668.

⁴ Tob. Pfanner: Systema theologiae gentilis purioris, quaquam prope ad veram religionem gentiles accesserint, per cuncta fere eius capita, ex ipsis praecipue illorum scriptis ostenditur. Basil. 1679.

обще и классическое въ особенности есть не что иное, какъ искаженное іудейство и христіанство, напр. *Помей, Гузій, Божартъ, Турнеминъ*¹ и др. Послѣдній въ современномъ журналѣ напечаталъ свой проэктъ объяснить всѣ факты языческихъ религій сравнительно съ библейскими преданіями; но такъ какъ этотъ проэктъ не былъ приведенъ имъ въ исполненіе, то другіе ученые пошли по пути, указанному имъ и его предшественниками. Петръ *Юріей* написалъ «критическую исторію» ученій и культовъ, существовавшихъ со временъ Адама до Иисуса Христа, сравнительно съ ученіемъ и богослуженіемъ іудеевъ, въ духѣ плана Турнемина,² и *Ювенцій* къ своему изданію сочиненій Овидія присоединилъ обзоръ языческихъ боговъ и геросовъ, въ которомъ утверждалъ, что финикяне и египтяне могли знать тайное ученіе (арсана) священныхъ еврейскихъ книгъ, и что греки получили отъ этихъ двухъ народовъ свѣдѣнія о библейскихъ событіяхъ уже въ измѣненномъ видѣ и сами еще болѣе искажили ихъ новыми вымыслами, а римляне получили ихъ отъ грековъ.³ Такое или подобное убѣжденіе можно считать господствовавшимъ отъ начала до конца осьмнадцатаго столѣтія. Свидѣтельства объ этомъ находятся въ сочиненіяхъ писателей тогдашняго времени, которые были вполнѣ посвящены въ эту отрасль науки и сами принадлежали къ послѣдователямъ упомянутаго мнѣнія. Декартъ де *Ляворъ* въ тридцатыхъ годахъ 18-го столѣтія говорилъ: «отъ него-то (Моисея) и другихъ іудейскихъ писателей, послѣдующихъ за нимъ,

¹ Franc. Pomey: Pantheum mythicum. Lug. 1659. Huetius: Demonstratio Evangelica. Paris. 1679. Samuel Bochart: Phaleg et Canaan. Leyd. 1692. Geograph. sacr. Lug. 1712. и др. Tourneimine: Journal de Trévoux. Dec. 1702 и Januar. 1703.

² Petr. Iurieu: Histoire critique des dogmes et des cultes bons et mauvais, depuis Adam jusqu' à Jesus Christ, expliqués par rapport a ceux des Juifs. Amstelod. 1704.

³ P. Juvenius: Appendix de diis et heroibus poeticiis ad Ovidii Nasou. Metamorphos. lib. XV. Romae, 1704.

всѣ другіе самые древніе изъ историковъ и поэтовъ, по общему признанію ученыхъ (du commun aveu des sçavants), заимствовали то, что у нихъ есть самаго великаго и самаго древняго; они обогатили свои писанія тѣмъ, что переняли изъ этихъ священныхъ памятниковъ, которые были весьма извѣстны имъ. (très connus) за много вѣковъ прежде перевода сдѣланнаго при Птоломѣѣ Филадельфѣ и прежде побѣдъ Александра».¹ Въ концѣ столѣтія, послѣ многихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ произведеній въ этомъ родѣ, напр. *Стангейма, Рошера* и другихъ, еще изданы были сочиненія *Кудворта и Линдемана*, которые хотя занимались изслѣдованіями о частныхъ предметахъ классической древности, но высказывали и общее мнѣніе о вліяніи еврейскихъ письменныхъ памятниковъ на древнихъ греческихъ классиковъ.² Впрочемъ и во время господства этого мнѣнія изрѣдка появлялись ученые люди, не раздѣлявшіе его и писавшіе опроверженіе на исчисленные выше сочиненія, но не въ главныхъ основаніяхъ и не во всемъ объемѣ ихъ, а по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, какъ то: *Криспъ, Ротій, Вухереръ, Колбергъ* и другіе, которые мало по малу подготовляли перемѣну во взглядѣ на духовную жизнь какъ вообще всѣхъ народовъ, находившихся внѣ іудейскаго и христіанскаго откровенія, такъ и греческаго.³ Въ концѣ 18-го столѣтія, при рас-

¹ Decar. de Lavour: Histoire de la fable conferée avec l' histoire Sainte. 1731. Онъ ссылается еще на своихъ предшественниковъ въ разработкѣ этого предмета, каковы: Vives, Grotius, Casavbonus, Thomassinus. Согласно съ нимъ Николай le Nourry называлъ упомянутое воззрѣніе всеобщее — принятымъ (pro confesso habitum ab omnibus) въ Appar. ad Bibl. maxim. vet. patr. Paris. 1697. Tom. 2. p. 262.

² Spanheim: Callimachi hymni etc. Lug. 1761. Guerin de Roher: Histoire veritable des temps fabuleux. Paris. 1776. Cudworth: Mysteriorum illustratio. Lug. 1778. Lindemann: Geschichte der Meinungen älterer und neueren Völker von Gott, Religion und Priesterthum. 1784.

³ Io. Bapt. Crispus: De ethnicis philosophis, caute legendis. Rom. 1594. Rothius: De trinitate Platonica. Lips. 1693. Wucherer: De defectibus theologiae Platonicae. Jen. 1706. Dom. Colbergius: Hermetisch — Platonisches Christenthum. Lips. 1710.

пространеніи большихъ свѣдѣній объ ученіяхъ и культахъ языческихъ народовъ не только близкихъ къ Европѣ, но и живущихъ во всѣхъ частяхъ свѣта, и при обширѣйшемъ изученіи философскихъ системъ Греціи и всего, относящагося къ классическому міру, перемѣна взгляда, неблагоприятная мнѣнію о заимствованіи классиками изъ Библии, обусловливалась вліяніемъ съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны Англійскіе деисты и французскіе энциклопедисты, враждебно относясь къ іудейской и христіанской и всякой положительной религіи, и считая такъ называемую естественную религію, въ противоположность сверхъ-естественному откровенію, за совершеннѣйшую форму вѣры и нравственности, скорѣе согласны были производить все лучшее въ іудействѣ и христіанствѣ изъ древняго парсизма или индійскаго брамизма, нежели допустить какое-нибудь вліяніе книгъ св. Писанія на другія религіи, а тѣмъ болѣе на религію и философію міра классическаго. ¹ Съ другой стороны нѣмецкіе ученые въ то время выработывали теорію самостоятельнаго духовнаго развитія въ особенности греческаго народа и стали доказывать ее на основаніи не тѣхъ началъ, которыя допускались прежде, а другихъ, заключающихся въ коренныхъ свойствахъ этого народа и выразившихся въ національной самородности (avtochthonie) всей греческой цивилизаціи. Когда *Германъ, Отфр. Мюллеръ, Велкеръ, Зольгеръ* и ихъ послѣдователи провозгласили, что «хотя основныя начала греческой религіи вышли изъ Азіи и Египта, какъ доказываетъ исторія древнихъ колоній, но при этомъ никакъ (auf keine Weise) нельзя говорить, что греки, какъ народъ, заимствовали свое ученіе отъ другихъ народовъ, потому что они выработали его совершенно самостоятельно, и посему ихъ религіозная система должна быть объясняема сама изъ себя, только при малой помощи иногда въ

¹ Voltaire, Wolney, Holwell, Collins, Tindal, Bolinbrock и проч.

чемъ-нибудь изъ тѣхъ (восточныхъ) религій» (слова Зольгера); ¹ то этимъ внушалось не смѣшивать религіозныя формы греческаго культа и всѣ коренившіяся въ нихъ религіозныя и философскія воззрѣнія съ воззрѣніями восточныхъ, а между ними и еврейскаго, народовъ, какъ существенно различныя между собою, при всемъ видимомъ ихъ сходствѣ. То и другое направленіе сдѣлались господствующими въ западной Европѣ и вытѣснили древнюю мысль о заимствованіи греками лучшихъ истинъ, вѣрваній и убѣжденій изъ книгъ Моисея и пророковъ, такъ что знаменитый *Крейцеръ* въ своей «символикѣ и миологіи» уже съ ироніею говорилъ: «древняя система великаго Фосса, который считалъ все вообще баснословное ученіе язычниковъ за искаженіе откровенія, даннаго народу Божию, въ своихъ основаніяхъ гораздо справедливѣе и въ слѣдствіяхъ благотворнѣе, нежели мнѣніе тѣхъ, которые наприимѣръ у Гомера ищутъ первоначальной религіи грековъ; та теорія столько же истинна, сколько величественна и возвышенна, если только при этомъ не будутъ забывать, что, какъ сама Библия говоритъ, Богъ не переставалъ свидѣтельствовать о Себѣ никакому народу (Дѣян. XIV, 17), и что еще въ древнѣйшія времена между египтянами, персами, индійцами и пр. были мудрецы, которые были способны къ принятію божественныхъ свидѣтельствъ и къ ихъ развитію (Fortpflanzung)». ² Впрочемъ различіе мнѣній объ отношеніи классическаго міра къ восточному и въ частности къ еврейскому не уничтожилось по распространеніи изложенныхъ направленій. При дальнѣйшемъ болѣе глубокомъ изу-

¹ Solger: Mythologische Ansichten. Leipz. 1826. B. 2. S. 684. Welcker: Anhang zu Schwenccks etymol. Mytholog. 1823 и другія сочин. въ 3 том. O. Müller: Oeginetica. Berol. 1817. Orchomenos. 1819. Prolegomena zu einer wissenschaft. Mythol. 1825 и другія. S. Hermann: Briefe an und von Kreuzer. Heidel. 1815. Über Wesen und die Behand. der Mythol. Leipz. 1819 и друг.

² Gr. Kreuzer: Symbolik und Mythologie der alten Völker, insbesondere der Griechen. Darm. 1810—1812. Vorrede zum B. 4.

ченіи всего строя жизни и духовной дѣятельности языческих народовъ и при открытіи въ классическихъ произведеніяхъ болѣе высокихъ сторонъ, которыя не могутъ быть объяснены ни естественнымъ развитіемъ человѣческаго самосознанія, ни историческими сношеніями саморазвивающихся народовъ, мысль о вліяніи еврейской письменности на классическую проявлялась и въ нынѣшнемъ столѣтіи въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ лицъ; ¹ а въ послѣднее время таже мысль переродилась въ два особые взгляда, не новые въ своей сущности и не совсѣмъ чуждые древнимъ христіанскимъ писателямъ, но никогда прежде не раскрывавшіеся столь систематически и въ такомъ видѣ, что ими опять исключается возрѣніе апологетовъ на отношеніе классиковъ къ Библии. Въ одномъ изъ этихъ взглядовъ допускается, что важнѣйшія религиозно-нравственныя истины не только теоретическія, какъ-то: о единствѣ Божества, о происхожденіи міра, бытіи высшихъ духовныхъ существъ, безсмертіи души человѣческой и т. п., но и фактическаго содержанія, какъ то: о первобытномъ блаженствѣ людей въ раю, о грѣхопадении прародителей, всемірномъ потопѣ, грѣхѣ столпотворенія и разсѣяніи народовъ, принадлежатъ первоначальному откровенію (Uroffenbarung, Urreligion), которое передавалось племенами изъ рода въ родъ и послѣ разсѣянія ихъ по всѣмъ частямъ свѣта сохраняется въ болѣе или менѣе ясныхъ чертахъ въ видѣ священнаго наслѣдія отъ предковъ, точно такъ же, какъ еврейскій народъ наслѣдовалъ отъ своихъ патріарховъ многія преданія, вошедшія въ его библейскія сказанія; при чемъ предполагается, что первоначальное откровеніе не принадлежитъ всецѣло и исключительно какому-нибудь одному восточ-

¹ Kanne: Analecta philologica. Lips. 1802. Mythologie der Griechen. Leipz. 1805. Sickler: Kadmus. Hild. 1818. Ннг: Über dem Mythos der Völker der alten Welt. Frankf. 1814. Gladisch: Anaxagoras und die Israeliten. Leipz. 1864.; гдѣ еще цитуются Iahn: Biblisch. Archaeolog. B. V. s. 164. Le Batteux: Memoir. Academ. T. XXV. p. 68 и др.

ному или западному народу, египтянамъ, индійцамъ или евреямъ, грекамъ, этрускамъ или римлянамъ, но въ глубокій древности было достояніемъ неизвѣстнаго первоначальнаго народа (Urvolk), который имѣлъ болѣе чистыя понятія о религиозно-нравственныхъ предметахъ, нежели послѣдующіе языческіе народы, уже видоизмѣнившіе потомъ эти понятія сообразно съ своими мѣстными и національными индивидуальностями и затемнившіе ихъ собственными вымыслами въ духѣ политеизма. Такъ разсуждаютъ *Гюльмангъ*, *Штолбергъ*, *Виндшмангъ*, *Ласольхсз*, *Септъ*, *Люккенз* и другіе. ¹ Второй взглядъ состоитъ въ томъ, что народы языческаго міра во всѣ времена историческія и до-историческія жили и дѣйствовали, вѣровали и думали подъ вліяніемъ невидимаго промыслительнаго Слова Божія, которое производило у нихъ почти такія же благотворныя дѣйствія, какія производило письменное слово Божіе въ избранномъ народѣ израильскомъ; при чемъ какъ у всѣхъ языческихъ народовъ, какъ особенно у грековъ лучшіе представители ихъ—поэты, философы и другіе мудрецы получали обильнѣйшую долю этого божественнаго просвѣщенія, приобщавшуюся къ іудейскому и христіанскому религиозно-нравственному просвѣщенію, но нисколько отъ него независимую. Сборникъ отрывковъ изъ сочиненій классиковъ, изданный Р. *Шнейдеромъ*, и недавно вышедшій подобный же сборникъ Э. *Штисса*, съ обширными предисловіями авторовъ, ² составлены по этому взгляду, ко-

¹ Hüllmann: Über den Ursprung der Religion des Alterthums. Berl. 1804. Fr. Stolberg: Geschichte der Religion Jesu Christi. 1806—1819. Windischmann: Die Philosophie im Fortgange der Weltgeschichte. 1827. Laseaulx: Studien des classischen Alterth. Regen. 1854. Sepp: Thaten und Lehren Jesu mit ihrer weltgeschichtlichen Beglaubigung. Schaf. 1864. Lücken: Die Traditionen des Menschengeschlechts. Münst. 1869.

² R. Schneider: Christliche Klänge aus der griechischen und römischen Klassikern. Got. 1865. Отрывки изъ классическихъ сочиненій расположены по порядку предметовъ лютеранскаго катихизиса. Ed. Spiess: Logos spermaticos — Parallelstellen zum Neuem Testam. aus der Schriften der alten Griechen. Leipz. 1871. Отрывки расположены по порядку стиховъ, главъ и

торый въ основаніи своемъ полагаетъ мысль, прямо утверждаемую и довольно широко раскрытую христіанскими апологетами первыхъ вѣковъ (ученіе ихъ о *Logos spermatikós*), но по направленію своему отнюдь не соглашается съ мнѣніемъ ихъ о заимствованіи классиками религіозно-нравственныхъ истинъ отъ писателей библейскихъ и не имѣетъ въ себѣ зачатковъ къ примиренію съ этимъ воззрѣніемъ. — Столь различные взгляды, то несогласные съ воззрѣніемъ христіанскихъ апологетовъ, то близкіе и по видимому одинаковые съ нимъ, если не касательно всѣхъ вообще классиковъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, доказываютъ, что вопросъ объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ, какъ еще не вполне проясненный до настоящаго времени, можетъ быть предметомъ ученаго изслѣдованія. Воззрѣніе, господствовавшее съ нѣкоторыми перерывами въ продолженіи многихъ столѣтій, само по себѣ заслуживаетъ полнаго вниманія, а въ виду разнорѣчныхъ сужденій еще болѣе требуетъ надлежащаго изслѣдованія, какъ одно изъ важнѣйшихъ мнѣній объ этомъ предметѣ.¹ Апологеты первыхъ вѣковъ христіанства, которыхъ воззрѣніе съ его основаніями изложено выше, рѣшали вопросъ о заимствованіяхъ классиками изъ Библии утвердительно и въ свое время, при доступныхъ для нихъ средствахъ учености, считали свои основанія достаточными; но

книгъ св. Писанія новаго Завета. Тотъ и другой въ предисловіяхъ ссылаются на другихъ писателей новѣйшихъ, согласныхъ съ ихъ мнѣніями.

¹ Аббатъ Gerbel въ лекціяхъ о христіанскихъ апологетахъ нашелъ нужнымъ опровергать это мнѣніе ихъ въ легкихъ очеркахъ (S. Justin. Par. 1859. p. 207—227. Clement d' Alex. Par. 1865. p. 127—152). Константинъ Экономидъ въ сочиненіи о переводѣ 70 толк. нашелъ нужнымъ кратко подтверждать и доказывать это мнѣніе (Том. IV, стр. 22—46, 1849 г.). Въ русскихъ сочиненіяхъ встрѣчаются замѣтки въ пользу мнѣнія, напр. Библия. Историографъ. Препод. Филарета, въ концѣ первыхъ періодовъ подъ рубрикою: «Исторія сего періода у язычниковъ». Философія отцевъ и учителей церкви — Сковорода, Киев. 1868, стр. 30. 212 и др. — Специальнаго сочиненія о воззрѣніи христіанскихъ апологетовъ, съ критическимъ разборомъ всѣхъ мнѣній, приводимыхъ ими изъ классиковъ, не встрѣчается ни въ русской, ни въ нѣмецкой, ни во французской литературѣ.

въ настоящее время, при болѣе обширномъ знакомствѣ ученыхъ съ міровоззрѣніями разныхъ народовъ древности и историческимъ ихъ развитіемъ и большей возможности сравненія ихъ между собою, изслѣдованіе объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ можетъ задаваться вопросомъ: въ какой мѣрѣ справедливо самое мнѣніе апологетовъ и тверды ли его основанія, откуда оно произошло и отъ чего зависѣло, составляетъ ли оно прямой выводъ изъ дѣйствительнаго отношенія классиковъ къ св. Писанію, или вслѣдствіе составленнаго напередъ взгляда сдѣланъ подборъ доказательствъ въ его защиту. Определенный и правдивый взглядъ на этотъ предметъ можетъ съ одной стороны послужить къ оцѣнкѣ истиннаго достоинства усилій и успѣховъ ума человѣческаго въ познаніи высшихъ истинъ вѣры и нравственности, а съ другой прояснить важность положительнаго откровенія Божія для просвѣщенія всего рода человѣческаго, коснувшись, при обстоятельномъ изслѣдованіи предмета, различныхъ случаевъ предполагаемаго соприкосновенія сочиненій классическихъ писателей съ книгами св. Писанія; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ доставить руководительную помощь при чтеніи сочиненій многочисленныхъ авторовъ, опредѣлявшихъ отношеніе классиковъ къ Библии своими мнѣніями. Мнѣнія ихъ различны, иногда противоположны, и обнимаютъ всѣ стороны этого обширнаго предмета; по поставляя задачей настоящаго изслѣдованія разборъ собственно воззрѣнія древнихъ христіанскихъ апологетовъ, мы очевидно не можемъ входить въ изслѣдованіе многихъ другихъ вопросовъ, которые рождаются при мысли объ отношеніи классиковъ къ Библии. Въ настоящую задачу не входитъ обсужденіе того предположенія, не заимствовали ли съ своей стороны библейскіе писатели, какова бы то ни было времени образованія библейскаго канона, изъ сочиненій классическихъ писателей или изъ книгъ другихъ современныхъ имъ народовъ; такого предположенія не было въ виду древ-

нихъ апологетовъ по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ писателямъ ветхозавѣтнымъ, о которыхъ главнымъ образомъ должна быть здѣсь рѣчь, въ отношеніи же къ новозавѣтнымъ оно хотя иногда и высказывалось, — не со стороны христіанъ, а со стороны язычниковъ, напр. Кельса, — но тогда же было признаваемо положительно нелѣпнымъ и не останавливало на себѣ особеннаго вниманія апологетовъ.¹ Равнымъ образомъ въ составъ настоящаго изслѣдованія не входитъ рѣшеніе вопроса о томъ, какъ вообще нужно поставить содержаніе классической литературы въ отношеніи къ содержанію библейской письменности, все богатство религіозно-нравственныхъ убѣжденій классическаго міра къ богатству вѣрованій и убѣжденій, изложенныхъ въ книгахъ іудеевъ и христіанъ, иначе сказать — вопросъ объ отношеніи и сравнительномъ достоинствѣ міровоззрѣній естественнаго и богооткровеннаго; этотъ предметъ, по необходимости входившій въ сочиненія христіанскихъ апологетовъ и раскрытый ими гораздо обширнѣе вопроса о заимствованіи классиками изъ Библии, составляетъ общій и всегдашній предметъ апологетики, къ которому настоящій вопросъ относится какъ часть къ цѣлому; по соединенію того и другаго вмѣстѣ повело бы къ разбору многихъ, хотя сопряженныхъ, но слишкомъ обширныхъ и отдаленныхъ вопросовъ о томъ, наприм. не есть ли іудейско-христіанская религія естественное развитіе религіозно-нравственной потребности человѣчества, или она есть благодатный даръ свыше, не происходитъ ли она отъ какой-либо ближайшей по времени и мѣсту языческой религіи, или существенно превосходитъ всѣ другія, не можетъ ли она считаться удачнымъ эклектизмомъ изъ всѣхъ религій и философемъ, ей предшествовавшихъ, или есть нѣчто новое, отмѣченное печатію божественнаго проис-

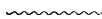
¹ Ориген. *Contra Cels.* IV, 11. 12. 21. VI, 19. Слова его см. выше на стр. 11 и 28.

хожденія, и том. под. Ограничивая свое изслѣдованіе мнѣніемъ христіанскихъ апологетовъ о заимствованіяхъ изъ Библии классиками, какъ извѣстными писателями изъ извѣстныхъ писаній, и притомъ имѣя въ виду направленіе мыслей апологетовъ при раскрытіи этого вопроса, котораго рѣшеніе въ ту или другую сторону можетъ имѣть не малое вліяніе и на рѣшеніе всѣхъ вышеизясненныхъ вопросовъ, мы позволимъ себѣ только безпристрастно сопоставить мнѣніе ихъ съ вѣрными данными, сюда относящимися, какъ высказанными въ сочиненіяхъ самихъ апологетовъ, такъ и добытыхъ наукою въ послѣдствіи времени, и вывести по возможности отчетливое о немъ заключеніе. При этомъ, слѣдуя въ точности взгляду христіанскихъ апологетовъ, мы должны обратить вниманіе на писателей не всѣхъ вообще періодовъ классической литературы, но только на древнѣйшихъ, которыхъ свидѣтельства преимущественно приводятъ апологеты, какъ особенно важныя въ настоящемъ вопросѣ и авторитетныя въ глазахъ ихъ современниковъ¹. Хотя они иногда упоминаютъ на равнѣ съ древнѣйшими писателями и о позднѣйшихъ и даже новѣйшихъ для ихъ времени, указывая наприм. на Клеанѳа, Арата, Плутарха, такъ же, какъ на Орфея, Пифагора и Платона, но такое смѣшеніе классиковъ, находившихся въ неодинаковыхъ отношеніяхъ къ Библии, встрѣчается у немногихъ апологетовъ и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ²; главнымъ же образомъ они ссылаются на греческихъ писателей отдаленнаго и для нихъ времени. Исторически извѣстно и въ сознаніи христіанскихъ апологетовъ несомнѣнно существовало убѣжденіе, что между древнѣйшими и позднѣйшими классиками была многозначительная эпоха, которая совершенно измѣнила отношеніе ихъ

¹ См. Иустин. *Увѣщ.* къ Эллин. гл. 3. О единствѣ. гл. 1. Феодорит. указ. соч. въ предисловіи. Миноп. Фел. Октав. гл. 20.

² Оно объяснено въ изслѣдованіи само собою.

къ священнымъ книгамъ богооткровенной религіи. Эта эпоха—сближеніе восточныхъ и западныхъ народовъ послѣ завоеваній Македонскаго царя Александра великаго въ Азіи и Африкѣ, приведшее къ важнѣйшему въ религіозно-нравственномъ вопросѣ послѣдствію, къ переводу св. писанія съ еврейскаго на греческій языкъ. Посему, разумѣя подъ именемъ древнихъ классиковъ всѣхъ вообще греческихъ писателей—такъ какъ латинскихъ тогда еще не было¹,— жившихъ до означенной эпохи, отъ самыхъ отдаленныхъ временъ до ближайшихъ къ ней, до философовъ Платона и Аристотеля включительно, какъ большею частію разумѣютъ и апологеты, мы ограничимъ ими настоящее изслѣдованіе о томъ, дѣйствительно ли эти классики заимствовали что-нибудь и какъ-нибудь изъ священнаго Писанія, составлявшаго данную Богомъ собственность еврейскаго народа.

¹ Изъ Латинскихъ того времени упоминается только царь Нума Помпиль (715—672 до Р. Х.), какъ издатель закона—не дѣлать изображенія Бога въ видѣ человека или животнаго (Климент. Ad. Strom. 1, 15. 131. Евсѣв. Pг. Ev. IX, 6. 410. Кирилл. Алекс. Contr. Iulian. VI, 193. Тертуліан. Apolog. 25 и ad Nation. II, 17), и по поводу того преданія, будто въ гробницѣ около него въ 181 году до Р. Х. найдены были книги, одѣя на латинскомъ, а другія на греческомъ языкѣ, подрывавшія въ основаніи Римскую и всякую языческую религію, и потому были обнаружены и сожжены по опредѣленію правительства (Августин. De civ. Dei. VII, 34. Лактанц. Div. Instit. 1, 22). Означенный законъ и другія несомнѣныя съ язычествомъ постановленія, по словамъ Климента, заимствованы Пумою изъ книгъ Моисея (изъ τῶν Μωυσέως). Но это есть только комментарий Климента на слова Плутарха (въ жизни Нумы с. 1), который говоритъ, будто Нума былъ наставленъ въ предметахъ вѣры какимъ-то варваромъ, знавшимъ больше, нежели Пинеогоръ. Преданія о Нумѣ, даже въ отношеніи его къ Пинеогору, опровергаются самими языческими писателями: Плутархомъ (тамъ же с. 64 и 65), Т. Ливіемъ (lib. XL, 29), Цицерономъ (de Orat. II, 37. Tuscul. I. IV). Діонисіемъ Галикарн. (Antiqu. Rom. I. II) и Плиніемъ (Hist. nat. XIII, 13).

ОТДѢЛЪ II.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

§ 1. Отношеніе древнихъ, жившихъ до перевода св. Писанія на греческій языкъ, писателей классическихъ къ библейскимъ, по воззрѣнію христіанскихъ апологетовъ, состояло въ заимствованіи религіозныхъ и нравственныхъ истинъ изъ книгъ Моисея и пророковъ. Это заимствованіе какимъ-либо классикомъ апологеты обыкновенно выражали то словами: читалъ (ἀνέγνων), выписалъ (ἀνταῖς γραφεὶ τὰς λέξεις), извлекъ (ἐσπάκει) и т. п., то словами: слышалъ (ἀκίκοος), перебралъ (παρέλαβε), узналъ (ἔγνων) и т. п. Посему при разборѣ такого воззрѣнія прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, одинаковый ли смыслъ нужно приписывать какъ тѣмъ, такъ и другимъ выраженіямъ, или различный; потому что для перевода св. Писанія на греческій языкъ вся древность назначала и нынѣ общепринятое убѣжденіе назначаетъ извѣстное время, а здѣсь идетъ рѣчь о языческихъ писателяхъ, жившихъ прежде этого времени, и объ нихъ утверждается, что они вставляли въ свои сочиненія на греческомъ языкѣ тексты священныя еврейскихъ книгъ. Иначе сказать: нужно ли принимать первыя изъ упомянутыхъ выраженій не въ буквальномъ смыслѣ, а въ одинаковомъ съ вторыми, не столь точно означающими понятіе заимствованія, или нужно допустить какой-нибудь другой переводъ св. Писанія съ еврейскаго языка, существовавшій прежде перевода, извѣстнаго подѣ

именем 70 толковниковъ, гдѣ-либо въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ случалось быть греческимъ поэтамъ, философамъ и прочимъ ученымъ мужамъ? Третье предположеніе, которое въ настоящемъ случаѣ можно было бы сдѣлать, именно не знали ли греческіе мудрецы того времени еврейскій языкъ и не читали ли іудейскія книги въ подлинникѣ, здѣсь не имѣетъ мѣста; потому что для подтвержденія такого предположенія нѣтъ никакихъ доказательствъ; напротивъ есть свидѣтельства, что древніе классики не знали и не хотѣли знать этого языка. «Исидоръ и другіе весьма многіе (греческіе писатели),—говоритъ Оригенъ,—не изучали и не знали древнѣйшей и важнѣйшей литературы палестинской»¹. Блаженный Августинъ выражаетъ ту же мысль, когда высказываетъ свое сомнѣніе касательно заимствованія изъ пророческихъ книгъ философомъ Платономъ². Вообще извѣстно, что изъ древнихъ классическихъ писателей никто и изъ позднѣйшихъ до послѣдняго времени греко-римскаго язычества почти никто не изучалъ еврейскаго языка, который наравнѣ съ прочими восточными языками никогда не входилъ въ кругъ ихъ образованія³. Итакъ одно изъ двухъ: древніе классики или читали св. Писаніе ветхаго Завета на греческомъ языкѣ, или вовсе не читали его; въ первомъ случаѣ выраженія христіанскихъ апологетовъ о чтеніи и списываніи класси-

¹ *Ἰσίδωρος καὶ οἱ ἄλλοι μῦθοι τοὺς πολλὰς προεβυτέρως καὶ σπουδαίως ἐν τῷ Παλαιστίνῳ λόγῳ μὴτε μαθόντες, μὴτε ἀκηκόοντες.* Cont. Cels. IV, 36. 529. Edit. Migne. Можно разумѣть эти слова и въ отношеніи къ содержанию еврейскихъ книгъ; притомъ и нельзя совершенно отдѣлить рѣчь отъ содержанія рѣчи; но въ виду нерѣшительнаго отрицанія Оригеномъ мнѣнія о заимствованіи истинъ классиками, по крайней мѣрѣ Платономъ, изъ св. Писанія, съ большою увѣренностію можно относить слова его къ еврейскому языку.

² Слова его см. на стр. 32. Согласно съ этимъ говорятъ и позднѣйшіе знатоки классическихъ древностей: neque Pythagoras, Plato, Aristoteles, hebraico sermone fuerunt edocti aut lectitarunt nunquam. Petr. Wesselingii, Lectio publica de Fragm. Orphici et caet. App. 2. ad Euseb. Praep. Evang. edit. Gaisford. T. IV. Oxon. 1843. p. 454.

³ Только о Неоплатоникѣ Порфиріѣ достоверно извѣстно, что онъ зналъ еврейскій языкъ, читалъ св. Писаніе ветхаго Завета въ подлинникѣ и на

ками текстовъ св. Писанія надобно принимать въ буквальный смыслъ, а во второмъ не въ буквальномъ. Если же допустить первое предположеніе, то вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо допустить, что прежде общеизвѣстнаго перевода св. Писанія 70 толковниковъ былъ другой подобный переводъ въ какой-либо странѣ, доступной для ученыхъ грековъ до-александровскаго времени. И дѣйствительно, издавна сохранялось преданіе, будто прежде временъ египетскаго царя Птолемея Филадельфа, при которомъ сдѣланъ общеизвѣстный переводъ, существовалъ другой переводъ пятикнижія Моисеева, а можетъ быть и другихъ еврейскихъ книгъ, на греческій языкъ, преданіе, которое, если не явно утверждали, то по крайней мѣрѣ предполагали всѣ писатели, державшіеся мнѣнія о заимствованіи древними классиками изъ Библии¹. Но это преданіе первоначально составилось на основаніи словъ одного чуждаго еврея, Аристовула, жившаго въ Александріи при царѣ Птоломѣѣ Филомоторѣ (181 — 146 до Р. Хр.)². Разберемъ его свидѣтельство въ отношеніи къ настоящему предмету. Іудейскій философъ Аристовулъ, посвящая покровителю своему Птоломѣю Филомотору свое аллегорическое толкованіе закона Моисеева³, приложилъ къ нему пространную объяснительную записку⁴, въ кото-

основаніи его дѣлалъ возраженія христіанскимъ учителямъ. Евсевія Hist. Eccl. VI, 19. Даже Кельсъ, говорившій противъ христіанства по видимому на основаніи еврейскихъ книгъ, не читалъ еврейской Библии. Kellner: Hellen. und Christenth. s. 31 и 207. «Греки достигли изумительной высоты умственнаго развитія, не пользуясь вовсе иностранными языками, какъ предметомъ школьнаго изученія», говоритъ академикъ Наукъ въ ст. «Нѣсколько замѣч. о педагог. значеніи древнихъ языковъ», въ календарѣ на 1866 г. страи. 391.

¹ Бароній (Ann. ad an. 231 § IV) говоритъ: hanc esse omnium prope modum scriptorum opinionem. Ср. Nic. le Nourry, Apparat. ad Bibl. max. vet. pat. 1697. Tom. 2. p. 264.

² Онъ считается за одно лице съ Аристовуломъ, упоминаемымъ во 2-й Макк. книгѣ (1, 10) и называется философомъ Перипатетикомъ у Климента Ал. Str. 1, 15. 132 и V, 14. 254. и Евсевія Кес. Pr. Ev. VIII, 9. 375.

³ *Ἐβραϊστικῶς τῆς Μουσαϊκῆς γραφῆς* — Chron. Paschal. 1, 337. Edit. Rom. или *τῶν ἱερῶν νόμων ἐρμηνεία* — Евсев. Pr. Ev. VII, 13. 313.

⁴ *Προπτερολογημένα*, или *σύγγραμμα*, Pr. Ev. VIII, 9. 375 и XIII, 12. 663.

рой, между прочимъ, высказалъ слѣдующее: «извѣстно, что Платонъ слѣдовалъ нашему законодательству, и явно изучилъ все, въ немъ заключающееся; ибо еще прежде Дмитрія Фалерейскаго, прежде побѣдъ Александра надъ персами, переведено было сказаніе объ исшествіи изъ Египта евреевъ, нашихъ гражданъ, и описаніе всего чудеснаго, случившагося съ ними, и занятія земли (обѣтованной), и изложеніе всего законодательства, такъ что очевидно вышеупомянутый философъ заимствовалъ многое (отсюда); потому что онъ былъ многоученъ, равно какъ и Пифагоръ, который многое изъ нашего перенялъ въ свое ученіе»¹. Въ этихъ словахъ мысль о древнѣйшемъ переводѣ св. Писанія, вставленная Аристовуломъ безъ указанія мѣста и времени перевода и лицъ, сдѣлавшихъ его, очевидно ничѣмъ не доказывается, а сама приводится, какъ доказательство мнѣнія о томъ, что греческіе философы заимствовали многое изъ книгъ Моисея. Для этого мнѣнія она дѣйствительно могла служить подтвержденіемъ, но, чтобы не показаться прямо тенденціозною, она требовала доказательства или какого-нибудь объясненія. Климентъ Александрійскій и Евсевій Кесарійскій, повторяя слова Аристовула, также не прибавляютъ отъ себя никакого ни объясненія ни доказательства справедливости такой мысли, между тѣмъ какъ безъ этого она возбуждаетъ въ читателяхъ множество недоумѣній: какимъ образомъ могъ осуществиться и для какого употребленія могъ быть сдѣланъ въ Египтѣ или другихъ странахъ греческій переводъ Библии на языкъ, почти неизвѣстный въ Египтѣ и Палестинѣ до походовъ Александра великаго, прежде нежели евреи начали вести осѣдлую жизнь между греками и прежде нежели распространившійся по всей Александровой монархіи

¹ Слова эти неоднократно повторяются у Климента и Евсевія: Strom. 1, 22. 148. Pr. Ev. IX, 6. 410 и XIII, 12. 664. Здѣсь переводится съ текста, нѣсколько исправленнаго Константиномъ Экономидомъ въ сочиненіи о перен. 70 Толк. Т. II, ст. 456 и Т. IV, ст. 1004.

греческій языкъ вытѣснилъ употребленіе природнаго языка между нѣкоторыми евреями? ¹» Если же вмѣсто нихъ мы станемъ искать доказательствъ, то увидимъ, что 1) въ исторіи еврейскаго народа, предшествующей переводу 70 толковниковъ, нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія другаго подобнаго перевода Библии или нѣкоторыхъ частей ея; напротивъ даже тогда, когда уже былъ сдѣланъ и гласно объявленъ переводъ 70 толковниковъ, палестинскіе іудеи приняли это событіе за свое національное несчастіе, время перевода—за время грѣха, подобное тому, въ которое воздвигнутъ былъ золотой телецъ въ пустынѣ для поклоненія ему вмѣсто Бога истиннаго, и установили по поводу его постъ, въ восьмой день мѣсяца Тебета ². Этотъ историческій фактъ ясно показываетъ, что отъ палестинскихъ іудеевъ нельзя было и ожидать перевода Библии на греческій языкъ безъ посторонней могущественной воли. Равнымъ образомъ и отъ іудеевъ александрійскихъ невозможно было ожидать подобнаго перевода до времени Птолемея Филадельфа, какъ по малочисленности евреевъ, жившихъ до того времени въ Египтѣ, такъ и по той причинѣ, что употребленіе ими природнаго языка не могло вдругъ прекратиться по переселеніи ихъ въ Александрію и уступить потребности не только говорить, но и читать св. Писаніе на повомъ для нихъ языкѣ греческомъ ³. Если же такого перевода не было у евреевъ, то, конечно, тѣмъ болѣе не могло быть его у какого-нибудь языческаго народа; гдѣ же

¹ Quae graeca versio in Aegypto ante graecorum dominationem extitisse dicatur? Quem in usum, dum nullae adhuc judaeae societates inter graecos extarent? Qua fide Aristobulus, quo majorum testimonio haec dicta confirmaret?—говоритъ ученый Нуг въ Commentatio de Pentatevchi vers. Alexand. p. 16. См. Конст. Эконом. ук. соч. Т. IV, ст. 6.

² Massechet Sopherim, I, 7. См. Graetz: Geschichte der Juden, Leipz. 1856. Т. III. с. 42 и 479.

³ Такія же соображенія о невозможности древнѣйшаго перевода см. у P. Wesseling. l. c. p. 454 и 455. у Walkenar: Diatrib. de Aristobulo Indaco, Lugdun. 1806. p. 58. и Herzfeld: Geschichte des Volks Israel. Leipz. 1863, В. III. s. 540.

послѣ этого предполагать древнѣйшій, указываемый Аристовудомъ переводъ, изъ котораго могли бы почерпнуть истины греческіе философы и поэты? 2) Ни одинъ изъ многихъ историковъ, по времени стоявшихъ не далѣе, а можетъ быть, гораздо ближе Аристовула къ переводу св. Писанія, ни Аристей, ни Димитрій, ни Филонъ старшій и другіе ¹, также ни одинъ и изъ послѣдующихъ писателей, излагавшихъ исторію перевода 70 толковниковъ, какъ-то: Іосифъ Флавій и Филонъ Александрійскій, св. Епифаній и св. Златоустъ, бл. Іеронимъ и другіе учителя церкви не знали и не предполагали никакого другаго перевода, кромѣ общеизвѣстнаго, сдѣланнаго при Птоломѣѣ Филадельфѣ ². Даже христіанскіе апологеты, допускавшіе мнѣніе о заимствованіи древними классиками изъ Библии и касавшіеся перевода св. Писанія на греческій языкъ, св. Іустинъ и Тертуліанъ, нигдѣ не подтверждаютъ, — хотя и не отвергаютъ, а необходимо предполагаютъ, — заявленія Аристовула о древнѣйшемъ переводѣ пятокнижія Моисеева или другой какой-либо части св. Писанія ³. Правда, изъ цѣлага ряда этихъ писателей, между которыми есть и языческіе и іудейскіе и христіанскіе, можно указать, какъ и дѣйствительно указываютъ ⁴, на два свидѣтельства, по видимому намекающія на существованіе предполагаемаго древняго перевода, но свидѣтельства весьма неопредѣленные и легко объясняемыя инымъ образомъ. Одно приписывается Димитрію Фалерейскому и заключается въ его рассказъ о томъ, будто современные переводу 70 толковниковъ уче-

¹ Аристей — извѣстный писатель сочиненія къ Филократу о переводѣ 70 толковниковъ; Димитрій, писавшій *περί τῶν ἐν Ἰουδαίᾳ βασιλέων*; Филонъ старшій, писавшій *περί τῶν Ἰουδαίων* и многіе другіе. О нихъ см. Herzfeld въ ук. соч. Т. III. с. 564—572.

² Свидѣтельства всѣхъ ихъ собраны въ концѣ сочиненія Константина Экономиды о переводѣ 70 толк. Т. IV.

³ Іустина Апол. I, гл. 31. Разговоръ съ Трифономъ. 68 и 137. и Увѣщ. къ Эллину. 13. Тертуліана *Apologet.* с. 18.

⁴ Констант. Эконом. ук. соч. Т. IV, стр. 14 и 19.

ные язычники Теопомпъ и Теодектъ, хотѣвшіе изъ содержанія Моисеевыхъ книгъ, *прежде переведенныхъ* (*προπρὶν ἐμῶν*), составить народную повѣсть и драму, были жестоко наказаны Богомъ, первый сумасшествіемъ, а другой — слѣпотою ¹. Выраженіе: *прежде переведенныхъ*, употребленное здѣсь, принимается нѣкоторыми за доказательство существованія древнѣйшаго перевода еврейскихъ книгъ. Но, если весь рассказъ о Теопомпѣ и Теодектѣ, дошедшій до Димитрія только по слуху (*ἀκροάσειν*), какъ прямо говорится у Аристeya, не есть чистая выдумка какихъ-либо іудеевъ, не желавшихъ перевода, подобная выдумкѣ ихъ о трехдневномъ затмѣніи солнца на всей землѣ по случаю перевода 70-ти толковниковъ ², то употребленное здѣсь выраженіе, которос, по словамъ Аристeya, сказано было Димитріемъ Фалерейскимъ Птоломѣю Филадельфу уже послѣ окончанія предпринятаго по ихъ желанію перевода, можетъ гораздо естественнѣе относиться къ этому самому переводу, незадолго *предъ тѣмъ переведенному*, нежели къ древнему, неизвѣстному; иначе опять рождаются вопросы, гдѣ и кѣмъ сдѣланъ прежде существовавшій переводъ, какъ могли знать о немъ греческіе ученые Теопомпъ и Теодектъ и т. п. ³ Другое свидѣтельство заключается въ словахъ Евсевія Кесарійскаго, гдѣ онъ, доказывая, что греческіе философы могли заимствовать многое отъ евреевъ, говоритъ: «элліны, собиравшіе свѣдѣнія у многихъ народовъ, не знали писаній еврейскихъ, издавна (*ἀρχαῖον*) переведенныхъ на греческій языкъ». ⁴ Вы-

¹ По рассказу Аристeya § 44.

² Joseph. Scalig. *Calend. Jud. in can. isag.* L. 1. *Animadv. ad Euseb.* num. 1734. Johan. Selden, *de jure Natur. et Gent. juxt. Hebr.* L. III. с. 3.

³ А слѣдующее выраженіе Димитрія Фалерейскаго: *ἴσως ἀλέστερον* (дурно), относимое Экономидомъ къ *προπρὶν ἐμῶν* съ объясненіемъ, что прежній переводъ былъ несправенъ, по смыслу рѣчи можно отнести къ стоящимъ рядомъ съ нимъ словамъ: *ἐκ τῶν ὀβίων προεστότερον*, т. е. Теопомпъ хотѣлъ составить *дурную исторію* изъ закона Моисеева и за то наказанъ Богомъ; иначе за что же наказывать?

⁴ Контекстъ его рѣчи см. выше на стр. 18.

раженіе: *издана переведенныхъ*, весьма неопредѣленное по отношенію къ факту перевода священныхъ книгъ, для нѣкоторыхъ служить доказательствомъ въ пользу мнѣнія о древнѣйшемъ переводѣ этихъ книгъ. Но оно гораздо проще объясняется съ одной стороны предносившеюся въ умѣ Евсевія мыслию о непосредственномъ заимствованіи древними эллинами разныхъ истинъ изъ священныхъ еврейскихъ книгъ, котораго иначе объяснить нельзя, а съ другой стороны—не точнымъ разграниченіемъ со стороны Евсевія, равно какъ и другихъ апологетовъ, между эллинскими мудрецами, жившими до перевода 70 толковниковъ и жившими послѣ этого событія. Столь неопредѣленные намеки на предполагаемый Аристовуломъ прежній переводъ св. Писанія не могутъ имѣть никакой силы въ сравненіи съ молчаніемъ о немъ множества другихъ писателей, или прямымъ и точнымъ свидѣтельствомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ о несуществованіи такого перевода, на прим. блаженнаго Августина, который говоритъ о Платонѣ, жившемъ не задолго до египетскихъ Птоломеевъ: «онъ не могъ читать тѣхъ писаній, которыя еще не были переведены на греческій языкъ, которымъ онъ владѣлъ». ¹ 3) Самые снисходительные критики Аристовулова свидѣтельства о прежнемъ переводѣ находятъ возможнымъ допустить, что какіе-нибудь евреи, знавшіе греческій языкъ, представляли первому Птоломею — Лагу, отцу Филадельфа, сдѣланный ими на этотъ языкъ переводъ закона Моисеева, впрочемъ неудовлетворительный и неисправный, который послѣ принятаго вслѣдъ затѣмъ болѣе исправнаго, исполненнаго надежными и свѣдущими людьми, утратилъ свое значеніе и потерялся изъ виду. ² Но эта догадка, не имѣющая твердыхъ основаній и опровергаемая предшествующими сообра-

¹ De civit. Dei. VIII, II.

² Herzfeld въ указ. соч. В. III. с. 536—540. Подобнымъ образомъ разсуждаетъ и Константинъ Экономидъ, только не ограничивая появленія прежняго перевода временемъ Птолемея Лага. Ук. соч. Т. IV, стр. 20—22.

женіями, нисколько не объясняетъ возможности чтенія греческими классиками разныхъ и отдаленныхъ эпохъ столь позднихъ въ сравненіи съ ними и столь малоизвѣстнаго манускрипта. Притомъ, по словамъ Аристовула, въ прежнемъ переводѣ заключались «сказаніе объ исшествіи евреевъ изъ Египта», «описаніе чудесъ, случившихся съ ними», «описаніе занятія земли обѣтованной» взятыя изъ Моисеевыхъ книгъ Исходъ, Левитъ и Числъ, и наконецъ «изложеніе всего законодательства», подъ которымъ можно разумѣть содержаніе Второзаконія и книги Бытія. Слѣдовательно, по большей мѣрѣ въ составъ предполагаемаго перевода, если онъ существовалъ, входило только пято-книжіе Моисеево; а, вникая ближе въ смыслъ іудейскаго философа, можно думать, что онъ съ намѣренною или ненамѣренною точностію говоритъ не болѣе, какъ объ отрывкахъ изъ св. Писанія или неполныхъ извлеченіяхъ изъ исторіи евреевъ отъ исшествия ихъ изъ Египта до занятія земли обѣтованной. ¹ Между тѣмъ христіанскіе апологеты, проводя мысль о заимствованіи древними греческими мудрецами изъ книгъ св. Писанія, употребляютъ выраженія: *читалъ, выписалъ* и т. п. не только въ отношеніи къ пято-книжію Моисееву, но и къ другимъ книгамъ ветхаго Завета, къ писаніямъ псалмопѣвца Давида, пророковъ Исаи, Іереміи и т. д. Изъ всего этого слѣдуетъ, что какъ предполагаемый Аристовуломъ переводъ не могъ служить и не служилъ для древнихъ классиковъ источникомъ заимствованій, такъ и самое свидѣтельство его, ни на чемъ не основанное, не можетъ вести ни къ какимъ выводамъ, кромѣ недоумѣній и сомнѣній. ² Если же это вѣрно, то за неизмѣ-

¹ Такъ разумѣютъ слова его Константинъ Экономъ въ ук. соч. Т. II, стр. 458. Walckenâr въ ук. соч. р. 48. Dähne въ Jüdisch—Alexandrin. Religions philos. 1834. В. II, s. 72 и другіе.

² Поэтому не удивительно, что новѣйшій писатель исторіи іудеевъ Graetz рѣшительно признаетъ это свидѣтельство подложнымъ, не принадлежащимъ Аристовулу (Geschichte der Juden, Т. III, s. 485), не смотря на то, что оно приводится тѣми же писателями, Климентомъ и Евсевіемъ, которые приво-

ніемъ книгъ св. Писанія на греческомъ языкѣ въ періодъ времени древнихъ греческихъ классиковъ остается принять, что вышеупомянутыя выраженія христіанскихъ апологетовъ не могутъ имѣть буквального смысла и никакъ не означаютъ болѣе того, что означаютъ другія ихъ выраженія о томъ или другомъ классическомъ писателѣ: *узналъ, перенялъ, слышалъ* отъ евреевъ. Но и касательно этихъ выраженій необходимо нужно спросить: когда и гдѣ? Способъ сообщенія классиковъ съ евреями догадочно представляется блаженнымъ Августиномъ и могъ бы состоять въ собесѣдованіи первыхъ съ послѣдними посредствомъ переводчиковъ, знающихъ еврейскій и греческій языки. Но когда это было и гдѣ? Утвердительный отвѣтъ на эти существенные въ настоящемъ случаѣ вопросы со стороны самихъ классиковъ былъ бы рѣшительнымъ подтвержденіемъ мнѣнія о заимствованіи ими религіозно-нравственныхъ истинъ изъ св. Писанія. Но напрасно мы стали бы искать у нихъ утвердительнаго отвѣта на эти вопросы такъ же, какъ и собственнаго ихъ свидѣтельства на первое предположеніе, не читали ли они еврейскихъ книгъ сами лично. Досто- вѣрно то, что во весь періодъ греческой литературы до времени Александра Македонскаго никто изъ классиче- скихъ писателей въ сочиненіяхъ, неопровержимо подлин- ныхъ, не только не произносилъ такого отвѣта, но и не упоминалъ имени іудеевъ или евреевъ и не рассказывалъ ничего, написаннаго въ священннхъ еврейскихъ книгахъ, зависимо отъ этихъ книгъ и этого народа. Такое положеніе нисколько не ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что до нашего времени сохранилась только малая часть класси-

дять другіе два отрывка изъ сочиненій Аристовула, признаваемые у Graetz-a подлинными; но какъ по недостатку доказательствъ, такъ и по явной при- чинѣ опроверженія этого свидѣтельства, несомнѣннаго съ собственной (лож- ной) мыслию этого новѣйшаго писателя, будто пятюннжіе Моисея въ первый разъ переведено самимъ Аристовуломъ съ четырьмя товарищами для Пто- лемея Филопитора, такая догадка съ несомнѣнностію не можетъ быть до- пущена.

ческихъ произведеній древности; надобно думать, что и къ потеряннымъ сочиненіямъ оно относится во всей своей силѣ. Въ первомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ былъ случай, когда сами іудеи, уже вполне знакомые съ класси- ческими сочиненіями, хотѣли доказать противное, но не могли сдѣлать этого. Одинъ александрійскій грамматикъ Апіонъ, стараясь устно и письменно очернить ненавист- ныхъ ему іудеевъ, между прочимъ утверждалъ, что объ нихъ не упоминалъ ничего никто изъ греческихъ писате- лей.¹ Современный ему еврейскій ученый Іосифъ Флавій принялъ на себя трудъ опровергнуть его заявленіе, но не нашелся и въ тогдашнее время указать ни на одно прямое и несомнѣнное свидѣтельство кого-нибудь изъ греческихъ писателей періода времени раньше эпохи Александра великаго и Птоломеевъ. Приведенныя имъ свидѣтельства исто- рика Иродота и поэта Хирилла, жившихъ нѣсколько раньше этой эпохи, произвольно прилагаются имъ къ іудеямъ и ско- рѣе доказываютъ, какъ несвѣдущи были въ исторіи еврей- скаго народа даже тѣ ученые эллины, которые по обстоя- тельствамъ находились весьма близко къ мѣсту его житель- ства.² Если же древніе классическіе писатели не имѣли простыхъ историческихъ свѣдѣній о евреяхъ, или по край- ней мѣрѣ не выразили точныхъ понятій о внѣшнихъ явле- ніяхъ жизни и дѣятельности избраннаго народа Божія,³

¹ Слова его у Іосифа Флавія въ сочиненіи: *Κατὰ Ἀπίωνα* (contra Ari- onem), I, II: *μὲν περὶ αὐτῶν, φασὶν, λέλειπται παρὰ τοῖς ἑλληνικοῖς συγγραφεῦσι.* Тоже утверждалъ во 2 вѣкѣ по Р. Хр. Кельсъ: *μη̄ πάνυ τι τὴν περὶ αὐτῶν ἱστορίαν ἐπίσχεσαι παρὰ τοῖς ἑλλήσι.* Ориген. *Cont. Cels.* IV, 31.

² Въ указанномъ у Іос. Флавія мѣстѣ изъ Иродота (II, 104) говорителъ собственно о Фликианахъ и Сирийцахъ, живущихъ въ Палестинѣ. О Сирий- цахъ Палестинскихъ говорителъ еще у Иродота въ I, 105. III, 5 и 91. IV, 39 и VII, 89; но относитъ все это къ евреямъ, которыхъ имя не упоми- нается, нельзя. Въ приведенныхъ стихахъ Хирилла упоминается о народѣ, говорящемъ финикійскимъ языкомъ и живущемъ на горахъ Солимскихъ (вѣ- роятно въ Ликии, области малой Азіи). Евсевій Кес. повторяетъ слова Хи- рилла съ тою же цѣлію (Pr. Ev. IX, 9. 412); но комментаторъ его сочиненія Seguienus a S. Brissone (p. 1562. Ed. Migne) замѣчаетъ: *ergo, quo capitur Eusebius, est potius Josephi, quam ipsius.*

³ Указываютъ (Вибл. Ист. Филар. 1837. стр. 382), что Иродотъ упоминаетъ

то отсюда можно заключать, имѣли ли они свѣдѣнія объ ученіи его и слышали ли о содержаніи священныя книгъ его, которое открывалось не каждому встрѣчному, какъ замѣчаетъ Климентъ Александрійскій. ¹ Такимъ образомъ грамматикъ Апіонъ былъ правъ, утверждая, что никто изъ греческихъ писателей не упоминалъ объ евреяхъ, если разумѣть подъ этими писателями всѣхъ жившихъ до эпохи завоеваній Александра Македонскаго; но онъ былъ не правъ, если включалъ сюда и тѣхъ классиковъ, которые писали послѣ этой знаменитой эпохи. Въ послѣднемъ Іосифъ Флавій опровергъ его съ достаточною ясностію и убѣдительностію, приведши много именъ послѣдующихъ греческихъ писателей и отрывковъ изъ ихъ сочиненій, упоминающихъ объ еврейскомъ народѣ, его исторіи, замѣчательныхъ лицахъ, городахъ и пр. Если и мы, для настоящей цѣли, обратимся къ этимъ послѣдующимъ писателямъ и будемъ искать у нихъ свидѣтельство о томъ, не имѣлъ ли кто-нибудь изъ древнихъ классиковъ сношеній съ евреями и не получалъ ли непосредственно отъ нихъ свѣдѣній объ ихъ религіозно-нравственномъ ученіи, то и здѣсь не найдемъ ничего достовѣрнаго. Единственное свидѣтельство подобнаго рода приписывается Іосифомъ Флавіемъ Клеарху, ученику извѣстнаго философа Аристотеля. Въ первой книгѣ своего сочиненія *o снѣ*, по словамъ Флавія, Клеархъ приводитъ слова своего учителя, будто онъ (Аристотель), находясь въ Азіи, встрѣтился съ однимъ іудеемъ (*Ἰουδαίος*), родомъ изъ Келесиріи, который впрочемъ былъ похожъ на эллина (*ἑλληνας*) не только по наружнѣю, но и по душѣ, и который, бесѣдуя съ нимъ и съ нѣкоторыми другими схоластиками, «сообщилъ имъ болѣе, нежели сколько самъ отъ нихъ получилъ». ² Такъ какъ Аристотель по смерти философа Платона войдя въ еврейскій храмъ Іосифъ съ Фаравонъ Пехо (II, 159). Но, говоря объ этомъ событіи, греческій историкъ занимается собственно египтянами, не упоминаетъ имени Іосифъ, іудеевъ называетъ Сирійцами, и даже свѣдѣваетъ городъ Магдоловъ съ речкою Мегиддо.

¹ Strom. V, 4. 237.

² Contr. Аріон. I, 22. Повторяется у Евсевія Pr. Ev. IX, 5. 409; упоминается

тона въ 348 году до Р. Х. жилъ нѣсколько лѣтъ въ малоазійскомъ городѣ Атарнѣ, то встрѣча его съ кѣмъ-либо изъ разсѣявшихся по Азіи іудеевъ могла бы произойти въ это время, т. е. раньше 335—322 годовъ, въ продолженіи которыхъ онъ преподавалъ философію въ Афинахъ и потомъ вскорѣ умеръ на о. Евбеѣ; и по такому соображенію свидѣтельство Клеарха подходило бы къ предполагаемому знакомству классиковъ съ евреями до эпохи Александра великаго. Но обращая вниманіе въ самомъ разсказѣ Іосифа Флавія на то, какія невѣрныя свѣдѣнія объ евреяхъ должны были остаться у Аристотеля послѣ бесѣды его съ упомянутымъ іудеемъ, отъ котораго онъ будто бы узналъ, что іудеи «происходятъ (*εἰσὶν ἀπὸ γένου*) отъ индійскихъ философовъ Калановъ» или Гимнософистовъ; также имѣя въ виду, что вся философія Аристотеля не представляетъ слѣдовъ вліянія на него со стороны еврейскихъ учителей, напротивъ тѣмъ болѣе отступаетъ отъ богооткровеннаго ученія Моисея и пророковъ, чѣмъ болѣе по направленію и содержанію своему противоположна идеальному ученію Платона, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ христіанскіе апологеты ¹,—нельзя не признать, что или Клеархъ, уже могшій знать іудеевъ палестинскихъ и александрійскихъ, отнесъ къ нимъ слова Аристотеля, когда-то слышанныя отъ него и относившіяся вѣроятно къ другому народу, напр. Идеямъ (*Ἰδαίαι*) Фригійскимъ, или подъ именемъ ученика Аристотелева выдано было кѣмъ-нибудь изъ позднѣйшихъ упомянутое преданіе съ тенденціозною цѣлію

нается и у Климента Strom. 1, 15. 131. Константинъ Экономъ, приводя слова Клеарха, замѣчаетъ: «не то же ли это самое, что онъ (іудей) буквально переводилъ имъ священныя книги?» Ук. соч. т. IV, стр. 11.

¹ Евсевій въ Pr. Ev. XV, 3—13 пространно распръваетъ, какъ несогласно и даже противоположно ученію Аристотеля съ ученіемъ Моисея и Платона о важнѣйшихъ предметахъ религіи и нравственности: о цѣли человѣческой жизни, о промышлѣ, о происхожденіи міра, безсмертіи души и пр. Ср. слова Климента объ Аристотелѣ выше на стр. 25.

и принято Флавиємъ безъ надлежащей критики¹. Впрочемъ и въ случаѣ подлинности и справедливости Клеархова свидѣтельства объ Аристотелѣ, столь близкомъ ко временамъ Птоломеевъ философа, что можетъ оно значить въ отношеніи ко всѣмъ другимъ важнѣйшимъ и гораздо болѣе относящимся къ настоящему вопросу философамъ, поэтамъ, историкамъ и законодателямъ классической древности? Такимъ образомъ мнѣніе о томъ, что древніе классики слышали или перенимали богооткровенное ученіе непосредственно отъ евреевъ, подобно мнѣнію о чтеніи ими еврейскихъ книгъ, не подтверждается тѣми источниками, въ которыхъ главнымъ образомъ слѣдуетъ искать для него твердыхъ историческихъ основаній. Глубокое молчаніе самихъ древнихъ классиковъ и ближайшихъ учениковъ ихъ² о томъ народѣ и томъ ученіи, съ которымъ близкое знакомство приписывается имъ защитниками воззрѣнія о заимствованіи ими богооткровенныхъ истинъ изъ св. Писанія, внушаетъ основательное сомнѣніе въ справедливости этого воззрѣнія.

¹ Такія сомнѣнія о словахъ Клеарха выставляютъ Ricardus Simon, Jonsius и другіе. См. Comm. Sequenti ad Pr. Ev. p. 1558. Во времена Клеарха и позднѣе смѣшивали іудеевъ съ Идаеями (Jdaei Dactyli), жившими во Фригіи, славившимися древнею мудростію и родствомъ съ персидскими магами и индійскими Гимнософистами. Nic. le Nougry Appar. ad Clem. c. XIX. Art. II. Pauly, Real-Encyclop. V. IV. 1846. Idaeï. Слѣды этого смѣшенія см. у Евсевія Pr. Ev. X, 4. 475 и Климента Strom 1, 15. 132.

² Кромѣ Клеарха, указываютъ еще на слова ученика Аристотелева Теофраста и философа Мегасена, изъ которыхъ первый будто бы выразился объ іудеяхъ, что они «философскій народъ» (φιλοσοφοὶ τὸ γένος ἱουδαῖοι); а второй заявлялъ: «всѣ, что древними сказано о природѣ, сказано и тѣми, которые философствуютъ внѣ Греціи, именно у индійцевъ Брахманами и въ Сиріи такъ называемыми іудеями (опять не *Идаеями* ли?)» Евсев. Pr. Ev. IX, 2. 404 и 6. 410. Клим. Strom. 1, 15. 132. Иос. Флав. Cont. Ap. 1, 22. Но, кромѣ того, что имъ сказано слишкомъ мало объ іудеяхъ, свидѣтельства ихъ относятся уже ко времени послѣ разсматриваемаго періода (Теофрастъ умеръ въ 286 г., Мегасенъ жилъ при Селевкѣ Никаторѣ), и доказываютъ только то, что греки уже во времена Александра В. стали обращать вниманіе на небольшой народъ, жившій въ Палестинѣ. Слова Мегасена у св. Кирилла Алекс. (Cont. Julian. IV, 134) приписываются Аристотелю; если вѣрить

§ 2. Противъ такого вывода можетъ быть представлена одна мысль, которая дѣйствительно у христіанскихъ апологетовъ среди доказательствъ мнѣнія о заимствованіи древними классиками изъ Библии, неоднократно повторяется, будто греческіе мудрцы, знаа Моисея и пророковъ и имѣя заимствованныя отъ евреевъ свѣдѣнія объ ихъ ученіи, не открывали этого предъ своими слушателями, опасаясь подвергнуться гоненіямъ и смерти отъ своихъ согражданъ, подобно Сократу, Диагору Милійскому, Ираклиту Ефесскому и другимъ¹. Но изложенная здѣсь мысль, не подтверждаемая никакими свидѣтельствами классической древности, составляетъ только предположеніе; по поводу его нельзя не выставить на видъ того соображенія, что философамъ и поэтамъ, возвѣщавшимъ нѣкоторыя высокія истины, ненавистныя многобожнымъ и преданнымъ чувственности эллинамъ, кажется, гораздо безопаснѣе было бы выдавать эти истины отъ имени чужихъ и отдаленныхъ учителей, нежели отъ своего собственнаго; ссылка на ученіе другихъ образованныхъ, особенно древнѣйшихъ народовъ, могла доставить философамъ не только безопасность отъ нападений толпы, но и нѣкоторое уваженіе. И что они охотно сдѣлали бы это по отношенію къ іудеямъ, если бы имѣли какое-нибудь сношеніе съ ними, доказательствомъ служатъ нерѣдкія указанія на другихъ восточныхъ народовъ со стороны тѣхъ самыхъ философовъ, которые подвергались или только могли подвергнуться гоненію за преподаваемыя истины. Тагъ Демокритъ, учившій о происхожденіи міра несогласно съ общимъ взглядомъ греческаго народа, самъ объ себѣ писалъ, что онъ во время своихъ далекихъ путешествій слушалъ ученія очень многихъ людей и не уступалъ въ познаніяхъ тагъ назы-

Nic. le Nougry (App. ad Clem. Diss. II, c. XIX), то это—ошибка памяти св. Кирилла.

¹ Климента Cohort ad gent. II, 7. Іустин. Апол. I, 46. Апол. II, 8. Слова изъ Увѣщ. къ Эллин. см. выше на стр. 22 и 26.

ваемымъ Арпедонаптамъ египетскимъ¹. Послѣдователи софиста Продика, возставая противъ общепринятыхъ правилъ богопочтенія и нравственности, хвалились, что они имѣютъ у себя тайныя книги персидскаго мага Зороастра². Платонъ, какъ бы въ оправданіе нѣкоторыхъ оригинальныхъ положеній своей философій, напоминалъ, что онъ былъ въ Египтѣ и о Пивагорѣ, равно и о себѣ самомъ отзываясь, что они научились многимъ превосходнѣйшимъ истинамъ отъ варваровъ³. Если же греческіе мудрецы не стѣснялись и даже находили нужнымъ ссылаться на другихъ восточныхъ народовъ, отъ которыхъ они дѣйствительно заимствовали разныя свѣдѣнія, то будетъ совершенно непонятно, почему они никогда не указывали на однихъ только іудеевъ, какъ на учителей своихъ въ чемъ бы то ни было, если не признать, что они не имѣли съ этими послѣдними никакого сношенія. Такимъ образомъ изъ предположенія христіанскихъ апологетовъ касательно намѣреннаго будто бы и систематическаго умалчиванія древнихъ классиковъ объ имени и ученіи евреевъ предъ своими согражданами мы можемъ извлечь только подтвержденіе и единогласное признаніе изъ устъ самихъ апологетовъ того факта, что древніе греческіе мудрецы никогда и нигдѣ не упоминали о Моисеѣ и пророкахъ, о евреяхъ и ихъ ученіи, и не ссылались на нихъ въ преподаваніи и защищеніи какихъ-либо религіозныхъ и нравственныхъ истинъ; а причиною такого ихъ молчанія должны быть съ предпологаемыми боязнь и опасеніе, но другія болѣе достовѣрныя и болѣе непреодолимые обстоятельство. Эти обстоятельства содержатся въ исторіи еврейскаго народа и прояснены людьми, весьма близко знавшими его международныя отношенія. Иосифъ Флавій, объясняя причины, почему

¹ Арпедонаптамъ, — отъ *ἀρπείωνος* *ἀπτεσις*, составлятъ линіи, — названіе геометровъ. Климентъ Strom. I, 15. 131. Евсев. Pr. Ev. X, 4. 472.

² Климентъ Strom. I, 15. 131. III, 3. 188. VII, 7. 306.

³ Клим. Strom. I, 15. 130.

многіе¹ греческіе древніе писатели не знали объ евреяхъ, говорить: «мы не живемъ въ приморской странѣ, мы не занимаемся торговлею и не имѣемъ чрезъ это сношеній съ другими, но города наши расположены далеко отъ моря, и, наследуя хорошую землю, мы воздѣлываемъ ее, а больше всего заботимся о воспитаніи дѣтей и необходимѣйшимъ дѣломъ всей своей жизни считаемъ соблюденіе законовъ и преданнаго въ нихъ благочестія; кромѣ того, при особенностяхъ въ образѣ нашей жизни, въ древнія времена не было ничего такого, что способствовало бы къ сближенію насъ съ эллинами, подобно какъ египтянамъ отвозъ отъ нихъ и привозъ къ нимъ (товаровъ), а жителямъ приморской Финикіи — страсть къ торговлѣ и мореплаванію изъ любостыжанія; поэтому удивительно ли, что нашъ народъ многимъ былъ неизвѣстенъ и не подавалъ имъ повода упоминать о немъ въ сочиненіяхъ, обитая въ такой отдаленности отъ моря и провозждая такой образъ жизни?» Обѣтованная земля Палестины, которую Богъ даровалъ въ наследіе еврейскому народу, имѣла особенное положеніе; находясь тамъ, гдѣ Европа, Азія и Африка соприкасаются между собою, и слѣдовательно какъ бы въ средоточіи между важнѣйшими народами древности, эта небольшая область была однако, по своему мѣстоположенію, рѣзко отдѣлена отъ окрестностей и болѣе заключена въ самой себѣ; огражденная съ однихъ сторонъ горами, а съ другихъ пустынями, она при своемъ очертаніи, подобномъ острову, на сушѣ болѣе всякаго острова обособлялась отъ прочихъ сосѣднихъ странъ. И народъ еврейскій, хотя находился между Египтомъ и великими азіатскими государствами близъ важнѣйшихъ путей тогдашней дѣятельности и торговли, по своему характеру и образу жизни былъ чуждъ всемірной дѣятельности, довольствуясь своею почвою, которая доставляла ему всѣ необходимыя

¹ Онъ не говоритъ, что *все* древніе писатели не знали объ евреяхъ, по выше изложеннымъ дѣламъ его. Cont. Ap. I, 12.

средства къ жизни (Исход. III, 8. Втор. XI, 10. 11), и не переступая предѣловъ своей земли, которые были опредѣлены законодателемъ со всѣхъ сторонъ самымъ точнымъ образомъ (Быт. XV, 18—21. Исход. XXIII, 31. Числ. XXXIV, 3—15. Иср. Нав. XIII, 3—12). Если всѣ эти внѣшнія причины способствовали отдѣльности евреевъ отъ прочихъ народовъ и сосредоточенности въ собственныхъ своихъ вѣрованіяхъ и учрежденіяхъ, то дарованныя имъ учрежденія составляли внутреннюю, еще болѣе дѣйствительную причину того же явленія, имѣя рѣшительное вліяніе на развитіе самаго характера и образа жизни еврейскаго народа. Объ этомъ согласно съ боговдохновенными писателями (Псал. LXXIX, 9—15. Исai. V, 1—3), свидѣлствуютъ и другіе мужи, напр. о первосвященникѣ Елеазарѣ разсказывается, что онъ, разсуждая съ греками, присланными къ нему отъ царя Птолемея Филадельфа за еврейскими книгами св. Писанія и переводчиками ихъ, выразилъ такія мысли: «мудрый законодатель нашъ, наученный отъ Бога всякому познанію, оградилъ насъ несокрушимой оградой и какъ бы желѣзными стѣнами, чтобы мы ни въ чемъ не смѣшивались ни съ однимъ изъ другихъ народовъ, оставаясь чистыми по тѣлу и душѣ, чуждыми суетныхъ мнѣній и почтающими единого надъ всеми тварями и всемогущаго Бога; дабы мы, смѣшиваясь и сообщаясь съ кѣмъ нибудь дурнымъ сами не получили вреда, Онъ оградилъ насъ со всѣхъ сторонъ законами объ очищеніяхъ, о пищахъ и нитьяхъ, о предметахъ осязанія, слуха, зрѣнія и пр.»¹. Избранный Богомъ

¹ Ср. Дризенъ ук. соч. § 27. Подобнымъ образомъ говорить и одинъ изъ христіанскихъ апологетовъ, Оригенъ, возражая на слова Кельса, что евреи никогда не отличались никакими замѣчательными дѣяніями: «они жили, какъ родъ избранный и парское сплещество (Исход. XIX, 6), и, уклоняясь отъ общенія съ другими (עם ג'וֹלִים), чтобы не повредились ихъ нравы, были хранимы божественною силою, не желая, какъ многіе изъ людей, покорять себя другія царства, и не бывъ оставляемы (Богомъ) такъ, чтобы по мало-

народъ еврейскій занималъ во всемирной исторіи особенное мѣсто и имѣлъ единственное въ своемъ родѣ назначеніе—быть хранителемъ истинной религіи единого Бога, оставленной прочими народами (Втор. XXVI, 17—19, 2 Цар. VII, 24); а для исполненія этой задачи, трудной среди господствовавшихъ заблужденій язычества, ему надлежало находиться подъ крѣпкою защитою такихъ учреждений, которыя предохраняли бы его отъ вторженія несовмѣстныхъ съ чистою религіею и нравственностію убѣжденій и отдѣляли бы отъ самыхъ носителей языческихъ заблужденій до тѣхъ поръ, пока по судьбамъ Промысла не произойдетъ благодѣтельная перемѣна въ средѣ, его окружающей; къ этой цѣли направлены были всѣ церковныя и гражданскія, общественныя и частныя законы еврейскаго народа, начертанныя въ книгахъ св. Писанія. Правда, законъ Моисеевъ не предписывалъ евреямъ совершенно отчуждаться отъ всѣхъ иноземныхъ народовъ (впрочемъ исключая самыхъ близкихъ къ нимъ хананейцевъ, аммонитянъ и моавитянъ—Втор. XXIII, 4—7), или питать къ нимъ ненависть и отвращеніе, которыя были бы несовмѣстны съ высокимъ понятіемъ объ Иеговѣ, какъ Богѣ не одного только еврейскаго народа, но всего человѣчества и всей вселенной (Быт. I, 1. XI, 8. Исai. LXV, 1); но дозволяя дружелюбное обращеніе съ иноземцами, которые по какому-либо случаю появлялись въ предѣлахъ земли обѣтованной (Втор. X, 19. XXIII, 7. Лев. XIX, 33), законъ повелѣвалъ евреямъ всегда помнить и цѣнить исключительное избраніе ихъ изъ всѣхъ другихъ народовъ въ удѣлъ Господень и вслѣдствіе этого не входить съ ними въ общеніе ни въ религіозномъ, ни въ гражданскомъ отношеніяхъ (Втор. IV, 6—20). Такое направленіе духа и жизни этого народа, данное ему первымъ законодателемъ,

численности своей подвергаться обидамъ и за тѣмъ совершенно погибнуть; и такъ было до тѣхъ поръ, пока они были достойны храненія Божія». Contr. Cels. IV, 32. Ср. IV, 8 и II, 34, и сказанное на стран. 29.

не только не ослабло въ послѣдствіи времени до эпохи Александра великаго, но еще болѣе усилилось вопреки политическимъ обстоятельствамъ, выведшимъ евреевъ изъ предѣловъ собственной земли ихъ. Въ древнѣйшій періодъ исторіи, когда стояло еврейское національное царство, нѣкоторые члены его иногда забывали законъ отдѣленія отъ прочихъ націй, хотѣли вступать въ сношеніе и родниться съ сосѣдними язычниками и вмѣстѣ съ своимъ Богомъ признавать и боговъ чуждыхъ народовъ (Суд. III, 6. 7. VIII, 33. X, 6. 3 Цар. XI, 1—39. 4 Цар. XVII, 1—24)¹; но послѣ тяжкаго испытанія въ плѣну вавилонскомъ, которое объяснено было пророками, какъ наказаніе Божіе за преступное общеніе съ нечистыми племенами (Исаія LII, 1—11. Іезек. XX. Іерем. III. Зах. 1, 3—6), прежнее недозволенное стремленіе совершенно исчезло; законы объ отдѣленіи отъ всѣхъ людей, не принадлежащихъ къ обществу израильтянъ, были усилены вождями Ездраю и Неемією (Ездр. IX, 12—14. Неем. XIII, 23—28), и за тѣмъ іудеи стали жить и дѣйствовать вездѣ по тому правилу, что между ними и всѣми другими націями находится непроходимая пропасть (Ездр. VI, 21); въ тѣхъ иноземныхъ городахъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ оставались по неизбѣжной необходимости, они составляли особую корпорацію съ собственными правами и обычаями, а прежде всего съ духомъ отчужденія отъ прочихъ согражданъ;² въ

¹ Только не эллинистаго, который тогда не имѣлъ еще ни политическаго устройства, ни ученыхъ мужей (кромя немногихъ поэтовъ, которые ничего общаго съ евреями не имѣютъ, какъ увидимъ ниже), и самъ былъ почти неизвѣстенъ на востокъ. Нѣкоторые писатели хотѣли доказать противное на основаніи упоминаемой въ 1 Макк. книгѣ гл. XII переписки между сиртандцами и іудеями, гдѣ первые увѣряютъ послѣднихъ, что «они братья, и происходятъ отъ рода Авраамова, какъ найдено въ одной писаніи» (ст. 7 и 21). Но, если признать эту переписку подлинною, то она относится ко 2 вѣку до Р. Хр., и самое писаніе, на которое дѣлается въ ней ссылка, не можетъ означать ничего болѣе, какъ книги св. Писанія въ общезвѣстномъ греческомъ переводѣ 70 толковниковъ, по основательному изслѣдованію критиковъ. См. Конст. Экон. ук. соч. Т. II, стр. 119—125.

² Друзья Антиоха Сидета (280—260 л. до Р. Хр.) жаловались, что іудеи

предѣлахъ же земли обѣтованной, которую каждый еврей, гдѣ бы онъ не находился, считалъ своимъ истиннымъ и исключительнымъ отечествомъ, общеніе съ иноземными и иновѣрными пришельцами казалось измѣною противъ Бога и отечества¹. Прямыми результатами такого отношенія іудеевъ къ прочимъ націямъ были: во первыхъ непріязненное и презрительное обращеніе съ ними ближайшихъ народовъ, входившихъ съ ними въ необходимое соприсношеніе, о чемъ ясно свидѣлствуютъ и библейскіе и другіе писатели²; во вторыхъ полное невниманіе этихъ народовъ къ вѣрованіямъ, нравственнымъ правиламъ и вообще къ внутренней жизни іудеевъ, замкнувшихся въ самихъ себѣ и, если заявлявшихъ иногда о своемъ существованіи, то съ одной внѣшней стороны, на что также есть достаточныя свидѣтельства³; въ третьихъ совершенное невѣдѣніе объ нихъ болѣе отдаленныхъ народовъ, напр.

μόνος ἀπάντων ἰδούων ἀκοινωνήτας εἶναι τῆς ποδῆς ἕλλο ἕθνος σαρμυθίασ. Diod. Sicul. cel. XXXIV, 1. Тацитъ изъ всѣхъ свидѣній объ іудеяхъ, какія дошли до него, вывелъ заключеніе, что у нихъ *adversus omnes alios hostile odium*, что они *separati epulis, discreti subhibus, alienarum (gentium) concubitu abstinent* (Hist. V, 2—8). По словамъ Филострата, іудеи извѣстны тѣмъ, что они отдѣлялись отъ всѣхъ вообще людей и по своимъ правамъ и обычаямъ отстоятъ отъ римлянъ гораздо дальше, нежели Суза, Бактра и еще отдаленнѣйшая Индія (Apollon. V, 33). Подобныя свидѣтельства у Діона Кассія (XLIX, 22), Квинтиліана (Instit. III, 7. 21) и другихъ. Если такъ было во времена римлянъ, то тѣмъ болѣе во времена древнѣйшихъ.

¹ Въ выпискахъ изъ исторіи Трога Помпея между прочими разсказами объ іудеяхъ говорится, что они удалились со времени Моисея отъ всякаго сношенія съ иностранцами и это мало по малу сдѣлалось составною частію ихъ религіи и правовъ (Justin. Hist. XXXVI, 2). Въ Талмудѣ запрещалось привозить изъ чужой земли въ Палестину всякіе съѣстные припасы и даже уголья, такъ какъ эти вещи и пыль, на нихъ лежащая, могутъ уничтожить чистоту святой земли, и внушалось, что для каждаго іудея коснуться ногою иностранной земли значитъ оскверниться (трактатъ Sanhedrin, также Gittin, Berachoth, Sabbath и др. см. Rabbin. Quellen, von Nork. s. 63. 410. Leipz. 1839).

² Псал. CXXXII, 3. CXXXVI, 3—5. Псал. I, 69. LIV, 4. Іез. XVI, 57. XXII, 5. Іона. II, 19. Прем. Солом. III, 10. V, 3. Также и Тацитъ говоритъ: *dum Assyrios penes Medosque et Persos oriens fuit, despectissima pars servientium (іудеи)*. Hist. V, 2.

³ Киръ, царь персидскій, названный Помазанникомъ Божіимъ и сдѣлавшій

эллинскаго и римскаго, которыхъ отдѣляли отъ нихъ кромѣ всего вышесказаннаго эти самыя, сосѣдственныя съ іудеями, націи, какъ крѣпкое средостѣіе, еще не потрясенное и не сокрушенное до временъ великаго Македонскаго завосвателя¹. Отрицательнымъ доказательствомъ послѣдняго, кромѣ недостатка для классиковъ источника свѣдѣній—перевода еврейскихъ книгъ на греческій языкъ, служитъ общее молчаніе греческихъ историковъ, философовъ и другихъ ученыхъ мужей, жившихъ до Александровской эпохи, объ іудеяхъ или евреяхъ; положительныя же доказательства невѣдѣнія ихъ объ этомъ народѣ, объ его религіозномъ и нравственномъ ученіи, кромѣ самой особенной евреевъ, находятся въ первоначальныхъ извѣстіяхъ о переводѣ св. Писанія съ еврейскаго на греческій языкъ при Птоломѣѣ Филадельфѣ, записанныхъ Аристеемъ и составляющихъ основной и дренѣйшій, хотя, быть можетъ, не во всѣхъ частностяхъ достовѣрный документъ истории этого перевода². Въ нихъ встрѣчаются весьма уважительныя замѣчанія объ отношеніи древнихъ писателей классическихъ къ библейскимъ, опровергающія всякое знакомство первыхъ съ послѣдними. По сказанію Аристея, Димитрій Фалерейскій, заботясь о приобрѣтеніи наибольшаго

много добра іудеямъ, не познавъ Бога истиннаго (Исаи. XLV, 1—5). Тамъ болѣе надобно сказать это о Навуходоносорѣ, Даріѣ, Ксеркѣ и другихъ, по видимою знавшихъ и уважавшихъ іудейское ученіе, а еще болѣе — о подвластныхъ имъ народахъ. Евсев. Pr. Evang. VI, 11. 285.

¹ Natio (iudaica) inter Aegyptum et Syriam omnino a Graecis nesciri non poterat, говоритъ комментаторъ ad Praer. Ев. Евсевія р. 1560. Но это замѣчаніе нужно отнести ко временамъ послѣ Александра Македонскаго; и даже въ эти времена классическій міръ зналъ объ іудеяхъ только какъ о націи, болѣе съ внѣшней, а не съ внутренней и духовной стороны; доказательствомъ служатъ нелѣпыя слухи, какіе распространены были до Р. Хр. и позднѣе въ Греціи и Римѣ объ іудейскихъ нравахъ и религіи. Посему справедливо говорить тотъ же комментаторъ далѣе: tunc ut natio cognoscerentur iudaei, sed eorum origo et constitutiones satis ignotae erant, ut eis falsae attribuerentur traditiones, mores et caer. Эти нелѣпыя слухи классиковъ объ іудеяхъ собраны въ статьѣ: Die Berichte des classischen Alterthums über die Religion der Juden, von A. Göser (Theolog. Quartal. 1868).

² Сочиненіе Аристея о переводѣ 70 толковниковъ (равно и самая личность

количества книгъ для вновь заведенной Александрійской библіотеки, однажды сказалъ царю Птоломѣю Филадельфу: «до меня дошелъ слухъ (προσίγγυλται), что и книги закона Моисеева достойны списанія и того, чтобы имъ быть въ твоей библіотекѣ»¹. Изъ этихъ словъ видно, что самая мысль о приобрѣтеніи св. Писанія для библіотеки родилась въ умѣ Димитрія Фалерейскаго, ученѣйшаго мужа своего времени, не вслѣдствіе собственнаго знакомства его съ содержаніемъ книгъ Моисеевыхъ, а на основаніи слуха о достоинствѣ этихъ книгъ, который легко могъ достигнуть до него отъ евреевъ, наславшихъ тогда Александрію и находившихся въ близкихъ гражданскихъ отношеніяхъ къ александрійскимъ грекамъ. Далѣе говорится, что Димитрій, въ письменномъ представленіи Филадельфу о приобрѣтеніи для библіотеки не имѣвшихъ въ ней еврейскихъ книгъ, между прочимъ высказалъ слѣдующее: «писатели и поэты и историки (греческіе) были далеки отъ упоминанія о сказанныхъ книгахъ и о мужахъ, жившихъ и живущихъ по нимъ; потому что въ нихъ заключается нѣкоторое чистое и священное созерцаніе (Σεωρα), какъ говорить Экатей Авдиритъ»². Слухъ о достоинствѣ книгъ св. Писанія былъ тогда подтверждаемъ однимъ философомъ и историкомъ Экатесемъ изъ г. Авдиры. Этотъ ученый мужъ,

его) подвергалось безчисленнымъ сомнѣніямъ критиковъ, а другие защищались во всей цѣлости и подлинности. См. Конст. Эконом. ук. соч. Т. I—IV. Въ настоящее время существенная часть этого сочиненія—переводъ св. Писанія при Птоломѣѣ Филадельфѣ — признается исторически вѣрною; подробности же перевода, которыя, можетъ быть, собраны изъ устныхъ преданій, если Аристей жилъ послѣ временъ Филадельфа, признаются достовѣрными на столько, на сколько вообще достовѣрны народныя преданія. Herzfeld: Geschichte des volkes Israel. 1863. Т. III. s. 534—556. Jost: Geschichte des Judenthums. 1857. Abth. 1. s. 102 и дал. Впрочемъ, содержащаяся здѣсь замѣчанія объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ не оспариваются критиками.

¹ Арист. ук. соч. § 4. Въ сочин. Конст. Экон. Т. IV, стр. 946. Языкъ рекомендуемыхъ книгъ св. Писанія Димитрій Фалерейскій называлъ то еврейскимъ, то сирскимъ.

² Арист. ук. соч. § 10. Эконом. Т. IV, стр. 951.

сопровождая Александр Македонскаго при въѣздѣ его въ іудейскій городъ Іерусалимъ, былъ первый греческій классикъ, лично ознакомившійся съ бытомъ еврейскаго народа съ ученой точки зрѣнія и оставившій послѣ себя описание Іудей и Іерусалима, нравовъ и обычаевъ евреевъ; нѣкоторыхъ событій изъ ихъ исторіи и отчасти внѣшнихъ принадлежностей ихъ религіи. Переселившись въ Александрію при первыхъ Птоломеяхъ, онъ естественно могъ сообщить свои свѣдѣнія объ іудеяхъ другимъ греческимъ ученымъ, между ними и Димитрію Фалерейскому¹. Но даже и объ этомъ Экатеѣ², имѣвшемъ столь благопріятный случай изучить религіозно-нравственныя постановленія еврейскаго народа, нельзя сказать, чтобы онъ дѣйствительно изучилъ ихъ, усвоилъ себѣ и проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ. Во всѣхъ отрывкахъ изъ его произведеній, какіе сохранились до насъ у Іосифа Флавія, Климента Александрійскаго и Евсевія Кесарійскаго, нѣтъ ничего такого, въ чемъ выражались бы іудейскія вѣрованія и убѣжденія или обнаруживалось бы знакомство его съ религіозно-нравственными истинами св. Писанія; вездѣ онъ описываетъ евреевъ, какъ наблюдательный путешественникъ, и противопоставляетъ себѣ имъ, какъ изычникъ, не выражая никакого къ нимъ сочувствія³. Посему надобно полагать, что и его отзывъ о достоинствѣ книгъ

¹ Онъ писалъ исторію іудеевъ (*ἡ περί Ἰουδαίων ἱστορία*, Евсев. Пр. Ев. IX, 4. 408. Іос. Флав. Cont. Ар. I, 22. Orig. Cont. Cels. I, 15) и объ Авраамѣ (Пр. Ев. IX, 16. 417. Флав. Antiquit. I, 7. 7). Впрочемъ, эти сочиненія не были отдѣльными и самостоятельными, а вѣроятно входили, какъ части, въ его большое историческое сочиненіе о восточныхъ народахъ (Клим. Strom. V, 14. 257).

² Его нужно отличать отъ Экатея Милетскаго, историка, жившаго во время Дарія Истаспа и упоминаемаго у Геродота (V, 343). См. Suidas—*Ἐκκταῖος*.

³ Книга пророка Давида была показана Александру великому, если вѣрить Іосифу Флавію in Antiqu. XI, 8,—говоритъ ученый Dodwell (Discours concernant l'histoire phénicienne de Sanchoiathon. 1681. p. 110) и продолжаетъ: c'est l'époque la plus reculée, que nous avons de la connaissance de ses livres par les Grecs, soit quant à leur désir de les connaître, ou à leur capacité de

Моисеевыхъ, въ которыхъ онъ подозрѣвалъ какую-то теорію, подобно отзыву Димитрія Фалерейскаго, или основывался на слухѣ, полученномъ имъ отъ еврейскихъ раввиновъ, или согласовался съ тогдашнимъ почтеннымъ положеніемъ іудеевъ, удостоившихся благосклонности Александра великаго и уважаемыхъ первыми Птоломеями. Это предположеніе подтверждается взглядомъ на сочиненія Экатея, высказаннымъ во 2-мъ христіанскомъ вѣкѣ Филономъ младшимъ, который сомнѣвался въ подлинности всего хорошаго, сказаннаго у Экатея объ іудеяхъ, если же слова его подлинны, то полагалъ на вѣрное, что они писаны подъ влияніемъ іудеевъ и со словъ ихъ самихъ¹. Такимъ образомъ ни Димитрій Фалерейскій, считающійся главнымъ распорядителемъ перевода св. Писанія съ еврейскаго на греческій языкъ, ни историкъ Экатей, содѣйствовавшій тому своимъ отзывомъ о книгахъ еврейскаго народа, не были надлежащимъ образомъ свѣдуши въ содержаніи этихъ книгъ²; во всѣхъ же прочихъ предшествовавшихъ классикахъ первый изъ нихъ прямо свидѣтельствовалъ, что они вовсе не упоминали ни о книгахъ Моисеевыхъ, ни объ еврейскихъ знаменитыхъ мужахъ, потому что сами ничего объ этомъ не знали. Тоже самое онъ повторилъ во вто-

les entendre; on ne saurait remonter plus haut. Но и въ эпоху Александра великаго познанія греческихъ классиковъ въ еврейскихъ книгахъ, за нѣмнѣишемъ греческаго перевода, могли быть самыя поверхностныя и основанныя на разказахъ евреевъ.

¹ *ἦσαν Ἐβραῖοις* или *Βιβλίοις* у Оригена (Cont. Cels. I, 15) говоритъ объ Экатеѣ: *εἰδὼς ἑαυτὸν συναρπάσσει ἀπὸ τῆς παρὰ Ἰουδαίους πεδανότητος καὶ συγκαταστήσει αὐτῶν (вѣроятно αὐτῶν) λόγους*. Мнѣніе нѣкоторыхъ (Vossius de Hist. Graec. I, 40), выводимое изъ этихъ словъ Филона, будто Экатей былъ іудей или, по крайней мѣрѣ, іудейскій прозелитъ, не имѣетъ твердыхъ основаній, хотя и не противорѣчитъ тогдашнимъ историческимъ обстоятельствамъ.

² Даже о сочиненіяхъ Димитрія Фал., написанныхъ послѣ перевода 70 толковн., Флавій говоритъ, что въ нихъ ошибочно, не со всюю точностію (*ὡς μετὰ πᾶσις ἀκριβέως*) излагалось содержаніе св. Писанія (Cont. Ар. I, 23). Отрывки изъ нихъ у Евсевія (Пр. Ев. IX, 21 и 29) доказываютъ тоже, если только авторъ ихъ дѣйствительно есть Фалерейскій, а не какой-либо другой Димитрій. См. выше на стр. 54.

рой разъ по окончаніи перевода 70-ти толковниковъ. Когда Птоломей Филадельфъ, принявъ сдѣланный переводъ и вѣроятно припомнивъ прежде высказанное Димитріемъ заявленіе о древнихъ классикахъ и нѣсколько темное съ перваго взгляда объясненіе невѣдѣнія ихъ о столь важныхъ писаніяхъ, спросилъ: «почему же никто ни изъ историковъ, ни изъ поэтовъ, не упоминалъ о нихъ?»,—то Димитрій опять указалъ на ту же причину: «потому, что законъ (евреевъ) достоуважителенъ и произошелъ отъ Бога»¹, и для поясненія и подтвержденія своей мысли при настоящемъ случаѣ указалъ на дошедшіе до него слухи объ историкѣ Теопомпѣ и трагикѣ Теодектѣ, которые хотѣли недостойнымъ образомъ воспользоваться этими книгами и были жестоко наказаны Богомъ². Если смыслъ предложеннаго объясненія такого рода, что трудно приписать его собственному убѣжденію Димитрія Фалерейскаго, очевидно руководившагося мнѣніями другихъ, то приписываемое ему заявленіе о классическихъ писателяхъ всѣхъ вѣковъ, предшествовавшихъ его времени, независимо отъ такого объясненія, носитъ характеръ положительнаго убѣжденія какъ его собственнаго, такъ и всѣхъ окружавшихъ его лицъ,—убѣжденія, состоящаго въ томъ, что древніе классики не только не читали св. Писанія, но и не слышали о немъ, не знали ни его содержанія, ни его достоинствъ и историческаго значенія. Это убѣжденіе еще болѣе подтверждается въ томъ же разсказѣ Аристее примѣромъ философовъ, которые находились тогда въ Александріи, присутствовали при приѣмѣ 70-ти толковниковъ Филадельфомъ и участвовали въ предложенныхъ имъ еврейскимъ мужамъ угощеніяхъ. Среди угощений царь задавалъ каждому изъ толковниковъ вопросы, на

¹ Смыслъ сказанной причины болѣе раскрытъ Иос. Флавіемъ: *ὅτι ἀγνοῦντες τὴν νομοθεσίαν καὶ μὴ δεόντων βιβλίους ἀπόμασι διακαρτέοναι*. Antiq. XII, 2.

² Арист. ун. соч. § 44. У Эконом. Т. IV стр. 998. см. выше на стр. 55.

которые они отвѣчали болѣею частію мыслями и словами св. Писанія, примѣняя ихъ къ даннымъ вопросамъ; и тогда какъ царю весьма нравились ихъ отвѣты, находившіеся при этомъ философы (между прочими Менедимъ Еретрійскій, ученикъ Платона) удивлялись всему сказанному, какъ новому для нихъ и никогда не слыханному, и признавали превосходство предъ ними еврейскихъ мудрецовъ, какъ начинавшихъ отвѣты свои болѣею частію мыслями о Богѣ.¹ Такое удивленіе обыкновеннымъ для іудея, но необыкновеннымъ для язычника сужденіемъ ничѣмъ инымъ объяснено быть не можетъ, какъ совершеннымъ незнакомствомъ греческихъ философовъ съ библейскимъ ученіемъ, доколѣ не получили они возможности читать книги св. Писанія въ понятномъ переводѣ и доколѣ не началось общеніе между греческими и еврейскими учеными въ Александріи. Только съ этого времени открылся для образованныхъ людей классическаго міра новый источникъ познаній въ писанномъ Словѣ Божіемъ, такъ какъ и цѣль перевода еврейскихъ книгъ на греческій языкъ, ясно высказанная въ современныхъ извѣстіяхъ объ этомъ дѣлѣ, состояла не только въ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей еврейскихъ подданныхъ египетскаго царства, говорившихъ по гречески, но и въ томъ, чтобы приобретенныя изъ Іудеи и переведенныя книги были читаемы и изучаемы поэтами, философами и другими классиками въ устроенныхъ первыми Птоломеями библиотекъ и музеѣ. «Мы желаемъ, — писалъ Птоломей Филадельфъ къ іудейскому первосвященнику Елеазару, — сдѣлать полезное и здѣшнимъ и находящимся по всей вселенной и будущимъ іудеямъ, и потому рѣшились перевести вашъ законъ на греческій языкъ съ вашихъ такъ называемыхъ еврейскихъ письменъ, съ тѣмъ, чтобы и онъ былъ у насъ въ библио-

¹ Арист. ун. соч. § 33. 34 и 39: «*ἄριστοι ἑσθητοὶ κατεράνουντο* (еврейскіе переводчики), *μάλιστα τοῖς φιλοσόφοις*. Въ издан. Экономид. Т. IV, стр. 995.

текъ съ прочими царскими книгами». ¹ «По окончаніи перевода 72-ми мудрыми переводчиками, — говоритъ одинъ христіанскій писатель, — Птоломей царь египетскій положилъ его въ храмъ (гдѣ помѣщались библіотека и музей) ², чтобы приходившимъ изъ Ахайи и другихъ провинцій философамъ, поэтамъ и историкамъ, желавшимъ читать ихъ, не было препятствій; отсюда-то заимствуя множество предметовъ по собственному желанію, философы, поэты, ораторы и историки примѣшивали къ нимъ ложныя мнѣнія своего изычества». ³ Изъ всего этого слѣдуетъ, что древніе, жившіе до времени первыхъ Птоломеевъ классики не только не читали книгъ св. Писанія, находившихся въ рукахъ у евреевъ на ихъ природномъ языкѣ, но и другимъ путемъ не достигали до познанія богооткровенныхъ истинъ, путемъ непосредственнаго собесѣдованія съ евреями. Положительныя свидѣтельства, близкія къ тому времени, и вся исторія еврейскаго народа до самыхъ отдаленныхъ временъ, производятъ это убѣжденіе, тѣмъ болѣе, что невозможно представить изъ тѣхъ же временъ никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ въ доказательство противнаго мнѣнія — о заимствованіи истинъ древними классиками изъ Библии или отъ собственниковъ ея — іудеевъ.

§ 3. Если нѣтъ основаній допустить непосредственное заимствованіе древними классиками религіозно-нравствен-

¹ Арист. ук. соч. § II и 43. Изд. Эконом. Т. IV, стр. 952 и 997. Ср. Евсевія Пр. Ев. VIII, 1. 249.

² Въ Серапій, по свидѣтельству Тертуліана, Arolog. с. 18.

³ Филастрій въ Lib. de haeresibus с. CXLIII. Quorum causa, прибавляетъ онъ, dicebat et Dominus fures atque latrones eos esse (Іоан. X, 8), какъ говорилъ Климентъ Алекс., относя это изреченіе Господа ко всѣмъ классикамъ древнимъ. См. выше стр. 10. Всѣ апологеты, конечно, знали упомянутые въ сочиненіи Аристеса отзывы объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ, такъ какъ они заимствовали изъ этого разказа свѣдѣнія о переводѣ 70 толковниковъ, но между тѣмъ нигдѣ не упоминали объ этихъ отзывахъ. Только Евсевій Кесарійскій, буквально повторяя разговоръ первосвященника Елазара съ греками (Пр. Ев. VIII, 9), не опускаетъ словъ его объ отдаленіи евреевъ отъ прочихъ народовъ, но болѣе нигдѣ не обращаетъ на нихъ особеннаго вниманія.

ныхъ истинъ изъ Библии или отъ еврейскаго народа, то остается предположить, что они поучались такимъ истинамъ отъ тѣхъ народовъ, которые находились между эллинами и евреями и входили въ соприкосновеніе съ тѣми и другими. Христіанскіе апологеты дѣйствительно держались этого предположенія, которое съ ихъ точки зрѣнія можно объяснять или такъ, что одни и тѣже классики заимствовали богооткровенное ученіе частью отъ евреевъ, а частью отъ котораго — нибудь изъ другихъ сосѣдственныхъ народовъ, или такъ, что изъ греческихъ мудрецовъ кто не могъ слышать еврейскихъ учителей, тотъ почерпалъ ихъ ученіе отъ финикійцевъ, египтянъ и другихъ, научившихся въ свое время отъ Моисея и пророковъ, хотя ни того, ни другаго объясненія не встрѣчается въ сочиненіяхъ апологетовъ. Высказывая такое предположеніе, они обыкновенно рассуждаютъ подобно Клименту Александрійскому въ слѣдующихъ его словахъ: «мы найдемъ и другое свидѣтельство въ подтвержденіе того, что лучшіе изъ философовъ лучшіи изъ истинъ, которыми они хвалятся, заимствовали отъ насъ (т. е. іудеевъ съ христіанами), именно то свидѣтельство, что они и отъ другихъ варваровъ, особенно отъ египтянъ, перенимали ихъ и присвоивали каждый своей сентѣ». ¹ Подтверждалось же оно тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что отъ самаго начала греческой науки до высочайшаго ея развитія всѣ замѣчательные мужи: Фалесъ, Ферекидъ, Пифагоръ, Эмпедоклъ, Анаксагоръ, Демокритъ, Платонъ, Евдоксъ, путешествовали на востокъ, особенно въ Египетъ, для изученія разныхъ отраслей науки, и притомъ нѣкоторые изъ нихъ совершали такіа многолѣтнія и соединенныя съ долгимъ пребываніемъ въ од-

¹ Strom. VI, 4. 268. ср. Евсевія Пр. Ев. X, I. 461. Между многими варварскими народами, которые перечисляются апологетами, какъ старѣйшіе по мудрости въ сравненіи съ эллинами (Климент. Strom. I, 15. Евсев. Пр. Ев. X, 5. Кирил. Алекс. Contr. Julian. IV, 133. Августин. De civ. D. VIII, 9. и др.), посредниками обмѣна идей между эллинами и евреями считаются преимущественно египтяне, финикійцы и халдеи или вавилоняне.

номъ мѣстѣ путешествія, которыя, по словамъ Плинія, походятъ болѣе на изслѣдованія земель и поселенія на чужбинѣ, нежели на простыя путешествія.¹ Но какого бы рода ни были сношенія греческихъ ученыхъ съ египтянами, финиціянами и халдеями, во всякомъ случаѣ мы не можемъ утверждать, чтобы восточные мудрецы варварскихъ народовъ сообщали имъ какія-либо истины, какъ принадлежація собственно евреямъ и почерпнутыя изъ св. Писанія. Это противорѣчило бы всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ о надменности египетскихъ, халдейскихъ и другихъ мудрецовъ востока своею высокою ученостію, о тщательномъ храненіи ими своихъ познаній, какъ исключительной ихъ собственности, недоступной для непосвященныхъ, о господствовавшемъ у нихъ расчетливомъ обычаѣ выдавать свое ученіе за таинственные внушенія боговъ и полубоговъ, сходявшихъ нѣкогда на землю для ихъ наставленія.² Слѣдовательно греческіе ученые путешественники, приобрятая познанія отъ восточныхъ народовъ, могли сознательно приписывать сообщаемыя истины только непосредственнымъ своимъ учителямъ; и, хотя бы эти истины дѣйствительно происходили отъ какого-нибудь другаго, неизвѣстнаго имъ народа, можно ли назвать усвоеніе духовныхъ сокровищъ безъ признанія первоначальнаго ихъ источника заимствованіемъ именно изъ этого источника?³ Кромѣ того въ сказанномъ предположеніи, хотя и опирающемся на несомнѣнный фактъ—путешествіи греческихъ ученыхъ мужей на востокъ,—еще не достаѣтъ очень

¹ Hist. natur. XXX, 2. Объ этомъ см. выше на стр. 12 и 19.

² Origен. Contr. Cels. I, 12. 330. Климентъ Александрийскій изображая, подъ какими невразумительными символами и сколь немногимъ лицамъ жрецы упомянутыхъ народовъ, единственные хранители всякой мудрости, открывали свои тайныя ученія, замѣчаетъ объ египтянахъ, что по скрытности (*κατά τὴν ἐπιτροπήν*) они были похожи на евреевъ. Strom. V, 7. 242.

³ Въ прошедшемъ столѣтіи нѣкоторые защитники мнѣнія о заимствованіи древними классиками изъ Библии приписывали имъ даже это сознание и говорили: ceux qui étoient instruits des doctrines des Egyptiens étoient donc instruits des doctrines des Juifs. Ceux qui alloient chercher par des longs voja-

многаго для его твердости и убѣдительности. Оно въ сущности своей не отличается отъ доказательства заимствованій древними классиками изъ Библии, которое опирается также на несомнѣнный фактъ, что греческіе классики списывали многое другъ отъ друга, но въ отношеніи къ предмету настоящаго изслѣдованія ничего не доказывають¹. Оно своею постановкою² уступаетъ и тому доказательству въ пользу мнѣнія о заимствованіяхъ, которое выходитъ также изъ несомнѣннаго факта, что писанія пророка Моисея древнѣе сочиненій всѣхъ извѣстныхъ классиковъ, но не простираетъ своей силы далѣе одной только возможности утверждаемыхъ заимствованій. Оно логически составляетъ слѣдующій силлогизмъ: древніе классики во время своихъ путешествій по востоку заимствовали религиозно-нравственныя истины отъ разныхъ варварскихъ народовъ; а эти народы сами заимствовали ихъ отъ евреевъ; слѣдовательно классики заимствовали тѣ истины отъ евреевъ. Но такъ какъ средняя посылка не можетъ считаться извѣстною, пока не доказана, то и заключеніе остается безъ надлежащей твердости и убѣдительности. Нѣкоторые изъ христіанскихъ апологетовъ видѣли необходимость болѣе подкрѣпить эту среднюю посылку и разными соображеніями старались удостовѣрить, что восточные народы,

ges de la Grèce en Egypte et par des longs séjours auprès des prêtres et des sages Égyptiens les grandes et anciennes connaissances y alloient chercher *uniquement* les connaissances des livres et des traductions des Juifs (Dec. de Lavaur, Hist. de la fable; conférée avec l'hist. sainte. 1731). Но безъ доказательства принять это невозможно.

¹ См. выше на стр. 20.

² Климентъ Алек. говоритъ (Str. I, 15, 131), что іудейскій родъ гораздо древнѣе всѣхъ варваровъ (*τῶν πάντων προσφύτατον γένος τὸ Ἰουδαίων γένος*), вѣроятно по отношенію къ мудрости, такъ какъ у него въ этомъ мѣстѣ рѣчь идетъ о мудрости варваровъ. Епирилъ Александ. называетъ Моисея первымъ изъ всѣхъ законодателей (Сопъ. *Ἰουδα. VII, 222*). Блажен. Августинъ утверждаетъ, что мудрость египтянъ не могла быть раньше мудрости нашихъ пророковъ (De civit. Dei. XVIII, 37—39). Здѣсь какъ древность мудрости евреевъ предъ мудростію другихъ восточныхъ народовъ, такъ и заимствованіе истинъ послѣдними отъ первыхъ оставлены безъ доказательства.

жившіе между еллинами и евреями, научились многому от Авраама, Моисея и пророковъ еврейскаго народа. Такъ блаж. Феодоритъ говоритъ: «и финикияне, какъ близкіе сосѣди евреевъ, отъ нихъ научились, если научились, истинѣ; и египтяне весьма много получили пользы отъ ихъ переселенія; ибо евреи жили въ Египтѣ долгое время; равно и халдеи отъ нихъ приобрѣли величайшую пользу, когда по работѣ ихъ переселили въ Вавилонъ».¹ Но не смотря на довольно рѣшительный тонъ этого свидѣтельства, въ немъ несомнѣнно опредѣленно рѣшается столь малоизвѣстный и сложный вопросъ, что нельзя принять вышесказаннаго положенія безъ какихъ-либо данныхъ, подтверждающихъ его. Выше было замѣчено, что національное сопряженіе разныхъ народовъ, зависящее отъ вѣдѣнныхъ и политическихъ обстоятельствъ, при различномъ настроеніи самихъ народовъ и неблагоприятныхъ нравственныхъ отношеній ихъ другъ къ другу, можетъ и не сопровождаться заимствованіемъ религиозно-нравственныхъ истинъ однимъ отъ другаго². Посему когда говорится, что знакомство упомянутыхъ восточныхъ народовъ съ еврейскою націею сопровождалось перемѣною религиозныхъ или нравственныхъ идей у первыхъ зависимо отъ послѣдней, то слѣдуетъ пояснить, какимъ именно истинамъ научились финикияне отъ евреевъ и какую именно пользу получили отъ нихъ египтяне и халдеи³? Если же собрать указанія самихъ апологетовъ объ этомъ предметѣ, существенно необходимы въ настоящемъ случаѣ, то число ихъ окажется очень не велико, а итогъ предметовъ, которыми древніе варварскіе народы были бы обязаны евреямъ, еще менѣе. Блаж. Феодоритъ, въ разъясненіе своего положенія, упоминаетъ о философѣ Пифагорѣ, приняв-

¹ Graec. affect. curat. I, 10. Также Кирилл. Алек. Contr. Julian. VII, 231.

² См. выше на стр. 68 и 69.

³ Такъ обыкновенно поступаютъ всѣ тѣ писатели, которые утверждаютъ, что напротивъ сами евреи заимствовали многое и въ ученія и въ учрежденія своихъ отъ египтянъ, финикиянъ, а впоследствии отъ персовъ.

шемъ въ Египтѣ обрѣзаніе для того, чтобы имѣть доступъ въ общество египетскихъ жрецовъ, утверждаетъ, что египтяне отъ евреевъ заимствовали законъ обрѣзанія, котораго прежде у нихъ не было.¹ Въ доказательство того, что у египтянъ прежде не было обрѣзанія, онъ приводитъ библейское сказаніе о младенцѣ Моисеѣ, который по извѣстному признаку былъ принятъ дочерію Фараона за еврейское дитя, а самое заимствованіе обрѣзанія египтянами отъ евреевъ относить ко временамъ Авраама, который получилъ эту заповѣдь отъ Бога и послѣ того посѣщалъ египетскую страну.² Если обрѣзаніе было тогда символомъ особенной мудрости, что подразумевается въ словахъ блаж. Феодорита, въ такомъ случаѣ оно, равно какъ и всякой не важный самъ по себѣ обрядъ, могло имѣть важное значеніе; вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ египтяне могли заимствовать отъ евреевъ цѣлыя воззрѣнія и затѣмъ передавать ихъ подъ условіемъ того же символа греческихъ ученымъ путешественникамъ. Но во первыхъ, введеніе обрѣзанія между египтянами и другими соплеменными имъ народами, произошло не во времена еврейскихъ патріарховъ и пророка Моисея, хотя начало его и не можетъ быть опредѣлено съ точностію. По свидѣтельству св. Писанія по колѣнїи изычскихъ народовъ, сосѣдственныхъ и современныхъ патріархамъ, еще не имѣли обычая обрѣзывать-ся, такъ какъ жители Сихема должны были подчиниться этому обряду, чтобы вступить въ союзъ съ домою Іакова (Быт. гл. XXXV). Египтяне еще не обрѣзывались во времена Моисея; иначе Моисей не могъ бы запрещать иденіе пасхальнаго агнца всякому необрѣзанному въ зем-

¹ Ук. соч. I, 6. Объ обрѣзаніи Пифагора говоритъ также Климентъ въ Strom. I, 15. 130.

² Еврейскій писатель Артапанъ, у Евсевія Пр. Ев. IX, 27. 433. говоритъ, что не только еѳіопы, но и всѣ жрецы (египетскіе) научились обрѣзанію отъ Моисея. Этимъ извѣстіемъ по крайней мѣрѣ устраняется недоумѣніе, рождающееся при чтеніи словъ блаж. Феодорита, какимъ образомъ обрѣзаніе, заимствованное египтянами при Авраамѣ, не было у нихъ въ употребленіи при Моисеѣ?

лѣ египетской (Исх. XII, 48), и Богъ не сказалъ бы, по совершеніи обрѣзанія народомъ еврейскимъ въ землѣ ханаанской при Исусѣ Навинѣ: *никогда Я спалъ съ васъ посярженіе египетское* (Нав. V, 9). Филистимляне гораздо позднѣе не обрѣзывались (1 Цар. XVIII, 25); и другіе сосѣдственные съ ними народы, между прочими и египтяне, во времена плѣна вавилонскаго пророками Іезекиилемъ и Іереміею назывались необрѣзанными (Іезек. гл. XXXII, Іер. IX, 26). Если даже не распространять обычая обрѣзывать на цѣлыя народы, а приписывать его однимъ высшимъ классамъ общества, какъ дѣйствительно объ египтянахъ извѣстно, что у нихъ обрѣзывались только жрецы высшихъ разрядовъ;¹ то и объ нихъ мы не можемъ утверждать, чтобы они приняли законъ обрѣзанія отъ Авраама или Моисея; напротивъ того Иродотъ, изучавшій нравы и обычаи египтянъ въ 5-мъ вѣкѣ до Р. Хр. и собиравшій свѣдѣнія отъ тамошнихъ жрецовъ, утверждаетъ, что прежде только еѳіопы, египтяне и колхи совершали обрѣзаніе, а отъ египтянъ оно перешло къ финикіянамъ и къ палестинскимъ сирійцамъ, «о самихъ же египтянахъ и еѳіопцахъ,—прибавляетъ онъ,—не могу сказать, кто изъ нихъ у кого заимствовалъ». ² Хотя нѣтъ твердыхъ основаній разумѣть въ этихъ словахъ греческаго историка подъ именемъ палестинскихъ сирійцевъ именно евреевъ, какъ разумѣетъ Іосифъ Флавій, не подтверждающій впрочемъ заимствования закона обрѣзанія евреями отъ египтянъ, и даже можно принимать извѣстіе объ этомъ Иродота за хвастливый рассказъ египетскихъ жрецовъ, но во всякомъ случаѣ происхожденіе обрѣзанія у египтянъ отъ евреевъ, и притомъ въ указанное время, остается сомнительнымъ. Во

¹ Оригенъ in Epist. ad Roman. II, 13.

² Иродот. II, 104 и 36. Также Іосифъ Флав. Contr. Аріон. II, 13. Диодор. Сицил. I, 48. III, 32. Страбон. XVI, 761. и XVII, 824. Импер. Юліанъ утверждалъ, что Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ научились обрѣзанію у египтянъ, но противъ этого говоритъ Кириллъ Алек. Cont. Iul. X, 354.

вторыхъ значеніе обрѣзанія, какъ символа особенной мудрости, безъ чего оно не имѣетъ важности въ вопросѣ о знакомствѣ языческихъ восточныхъ народовъ съ еврейскимъ ученіемъ, также не подтверждается никакими свѣдѣтельствами; съ достовѣрностію можно только полагать, что какъ у евреевъ обрѣзаніе дѣтей мужескаго пола составляло священный знакъ принадлежности ихъ къ избранному народу Божию, а не символъ какой-нибудь особенной мудрости, такъ и у египтянъ и другихъ народовъ оно было только вѣнчимъ знакомъ принадлежности къ извѣстному сословію и служенія извѣстному божеству; наприм. въ Египтѣ, гдѣ обрѣзывали мальчиковъ на 14-мъ году жизни,¹ оно служило знакомъ принадлежности къ высшимъ разрядамъ жрецовъ, преимущественно посвященнымъ на служеніе тамошнимъ богамъ; у финикянъ оно было знакомъ посвященія богу Сатурну и считалось залогомъ избавленія отъ гнѣва этого бога и безопасности, при его защитѣ, отъ бѣдъ и несчастій.² Въ связи съ религіозными воззрѣніями восточныхъ языческихъ народовъ обрѣзаніе ихъ могло имѣть, если только имѣло, какое-нибудь и внутреннее значеніе, соответственное собственнымъ ихъ воззрѣніямъ, и на этомъ основаніи получить свое начало совершенно независимо отъ еврейскаго обрѣзанія, установленнаго Богомъ исключительно для потомковъ Авраамовыхъ, какъ объясняетъ въ одномъ мѣстѣ Оригенъ въ апологетическомъ сочиненіи своемъ противъ Кельса: «причина обрѣзанія іудеевъ не одна и таже съ причиною обрѣзанія египтянъ или колховъ; посему и не надобно думать, чтобы это было одно и то же обрѣзаніе; какъ приносящій жертву приносить ее не одному и тому же (Богу), хотя кажется приносящимъ одинаково съ другимъ, и молящійся молится не одному и тому же (Богу),

¹ Св. Амвросій Медиолан. de Abrahamo II, 9.

² Movers: Die Phönizier. 1841. B. I. s. 61 и 362. Иродотъ принималъ египетское обрѣзаніе за символъ чистоты гдѣсной (II, 37).

хотя въ молитвахъ просить объ одномъ и томъ же (о чемъ и другой); такъ если кто и обрѣзывается, то его обрѣзываніе отнюдь еще не разнится отъ обрѣзанія другаго; основаніе, законъ и намѣреніе обрѣзывающагося дѣлаютъ инымъ и самое дѣйствіе; по различному ученію обрѣзывающихся можетъ быть различно и обрѣзаніе.»¹ Такимъ образомъ указаніе на вѣднѣе дѣйствіе, каково обрѣзаніе, которое представляется сходнымъ у двухъ различныхъ народовъ, не можетъ подтверждать сходства ихъ ученій и происхожденія этихъ ученій другъ отъ друга, а надлежащее изслѣдованіе внутренняго значенія египетскаго обрѣзанія, если бы въ настоящее время возможно было опредѣлить его, можетъ быть, привело бы къ выводамъ совершенно противоположнымъ.² Кромѣ обряда обрѣзанія, изъ котораго безъ особенныхъ натяжекъ нельзя вывести заключенія о религіозно-нравственномъ вліяніи евреевъ на сосѣдственные языческіе народы, христіанскіе апологеты сами отъ себя не указываютъ ни на какой другой предметъ, въ которомъ обнаруживалось бы подобное вліяніе; но въ дополненіе къ тому Климентъ Александрійскій и Евсевій Кесарійскій приводятъ, безъ собственныхъ отзѣвовъ и подтвержденій, свидѣтельства писателей Еволема и Артапана о томъ, будто праотецъ Авраамъ и законодатель Моисей, какъ старѣйшіе мудрецы на востокѣ, научили халдеевъ, финикійцевъ и египтянъ, а чрезъ нихъ и эллиновъ, *фи-*

¹ Contr. Cels. V, 47.

² Нѣкоторые, въ доказательство знанія древнихъ классиковъ объ евреяхъ, указываютъ на слова греческаго комика Аристофана о кукушкѣ, упоминаемой въ пословицѣ: «куку, обрѣзанные въ поле» (Птицы, стих. 507), полагая, что эта пословица относится къ евреямъ, бывшимъ въ порабощеній у египтянъ и финикійцевъ и занимавшимся полевыми работами (Movers, ук. соч. В. 2. Т. I. я. 315). Но такъ какъ въ древности обрѣзывались не одни евреи, а многіе и другіе народы, окружающіе грековъ, то относитъ Аристофану пословицу именно къ евреямъ неосновательно; самъ комикъ говоритъ прямо о финикійцахъ. Также въ его Ахарянахъ стихи (155—157) объ обрѣзанныхъ Одомантахъ «ракійскихъ» относятся къ нимъ, а не къ иудеямъ, какъ думаетъ схоластика.

*лософійи и многomu полезному.*¹ Но если мы обратимъ вниманіе на то, какъ упомянутые писатели противорѣчатъ сами себѣ, приписывая изобрѣтеніе первыхъ началъ общечеловѣческой образованности то Аврааму, то Моисею, какія невѣроятныя и несогласныя съ св. Писаніемъ извѣстія сообщаютъ они объ этихъ и другихъ знаменитыхъ еврейскихъ мужахъ, и припомнимъ, что упомянутые повѣствователи принадлежатъ къ такому періоду александрійской литературы, когда нѣкоторые языческіе ученые позорили честь еврейскаго народа, а еврейскіе изъ національной ревности возвышали своихъ праотцевъ не только разказами о дѣйствительныхъ дѣлахъ ихъ, но и вымыслами событій и заслугъ, вовсе не относящихся къ святымъ мужамъ;² то надобно будетъ согласиться съ судомъ новѣйшей ученой критики, которая считаетъ ихъ не заслуживающими довѣрія. Что же касается до культурнаго вліянія, приписываемаго ими евреямъ въ лицѣ Авраама и Моисея на сосѣдніе народы, халдеевъ, финикійцевъ и египтянъ, а чрезъ нихъ и на классическій міръ эллиновъ, то прежде всего это — вопросъ историческій и хронологическій, къ рѣшенію котораго можно приблизиться на основаніи древнихъ свидѣтельствъ и памятниковъ, письменныхъ и устныхъ преданій, при-

¹ Климент. Strom. I, 23. 148 и 149. Евсев. Pr. Ev. IX, 17 и 18. 418—420. IX, 26 и 27. 431 и 432. Ср. Евсев. Pr. Ев. X, 5. и Кирил. Алек. Contr. Iulian. VII, 231.

² Еволема и Артапана иные изъ новѣйшихъ считаютъ язычниками, а другіе иудеями. См. Коуст. Эконом. ук. соч. Т. II, ст. 129—138. Graetz. ук. соч. В. III. s. 490. Not. 2. Herzfeld. ук. соч. В. III. s. 481—486 и 572—574. Здѣсь же заключается и критика этихъ повѣствователей; также у Dähne: Jüdische — alexandrin. Religionsphilos. 1834. Abth. I и II и др. По направленію сохранившихся отрывковъ изъ сочиненій Еволема и Артапана можно полагать, что они были иудеи, или, по крайней мѣрѣ, иудейскіе прозелиты. Время жизни ихъ относятъ къ половинѣ 2-го вѣка до Р. Хр. Отъ нихъ же вѣроятно заимствовалъ свои свидѣнія объ иудеяхъ Николай Дамасскій, жившій при Императорѣ Августѣ и утверждавшій, что «до прибытія Авраама египтяне не знали арифметики и астрономіи; ибо онъ отъ халдеевъ перешелъ въ Египетъ, а оттуда къ эллинамъ.» Евсев. Pr. Ev. IX, 16. 417. Иос. Флав. Antiqu. I, 7, 2. I, 8, 9.

надлежащихъ этимъ народамъ и тщательно изслѣдованныхъ позднѣйшими учеными. Согласно съ достовѣрными выводами новѣйшей науки надобно признать, что политическое устройство и необходимое для того большее или меньшее образованіе упомянутыхъ восточныхъ народовъ восходятъ къ такому отдаленному времени, которое превышаетъ нѣсколькими вѣками не только іудейскихъ пророковъ и законодателя Моисея, но и праотца ихъ Авраама. *Халдеи* (по еврейски—*Kasdim*), принадлежащіе къ семитическимъ народамъ и происшедшіе отъ родоначальника своего Арфаксада, близкаго по родословію къ праотцу Ною,¹ обитали на восточной сторонѣ рѣки Тигра и еще задолго до рожденія Авраама стали отдѣлять отъ своего племени отрасли въ разныя мѣста малой Азіи. Важнѣйшая изъ этихъ отраслей была та, которая поселилась по нижней части рѣки Евфрата въ странѣ, названной Халдеею или Вавилонією (Исаі. XLVII, 1. Иерем. XXI, 4. Іез. XXIII, 15—23. Дан. IX, 1). Пророкъ Іезекиль говоритъ о Вавилоніи, какъ о родинѣ халдеевъ (XXIII, 15), изъ чего слѣдуетъ заключить, что поселеніе ихъ въ этой странѣ относится ко времени, уже вышедшему тогда изъ народной памяти. По свидѣтельству халдейскаго историка Бероза въ Вавилоніи были халдейскіе цари еще прежде ассирійскаго владычества въ Азіи, утвердившагося въ древней Ниневіи.² Греческіе историки относятъ халдеевъ, живущихъ въ Вавилоніи, къ мифологическому времени и разсказываютъ, что у этого народа издавна была особая каста жрецовъ бога Бела, которые занимались астрономією, снотолкованіемъ и гаданіемъ, подобно египетскимъ жрецамъ,

¹ Быт. X, 24, 25. Евсев. Chron. Armen. I, 110. II, 9. Георгія Синкелла Chron. I, 85. Зонара—Ann. I, 5.

² Династія халдейскихъ царей Бероза полагается въ 2448—2224 годахъ. Начало ассирійскаго царства считается по Иродоту съ 1273 года, по Экзатею (старшему) и Ктисіасу съ 2188 года до Р. Хр. Ниневія въ св. Писаніи представляется колонією Вавилона (Быт. X, 10, 11. ср. Евсев. Chron. Armen. I, 40, 48). Pauly: Real-Encycl. T. I. Assyria.

персидскимъ магамъ и индійскимъ гимнософистамъ, и отъ которыхъ, равно какъ и отъ египтянъ, Греки научились времячисленію.¹ Священные книги халдейскихъ жрецовъ, приписываемыя то самому богу Беду, то истолкователю воли его мнѣческому существу Аиносу или Оаннису (*Ωαννισ*) и относимыя къ чрезвычайно отдаленному времени, состояли изъ семи частей и заключали въ себѣ какъ астрономическія и геометрическія свѣдѣнія, такъ и правила общежитія, наставленія практической мудрости и гражданскіе законы, которыми руководились и управлялись жители Вавилоніи еще до появленія между восточными народами небольшого племени евреевъ.² Если всѣ подобныя преданія и соображенія не имѣютъ совершенной опредѣленности въ хронологическомъ отношеніи и не сообщаютъ точныхъ свѣдѣній о степени цивилизаціи халдеевъ, то о праотцѣ еврейскаго народа Авраамѣ съ несомнѣнною историческою достовѣрностію извѣстно, что онъ по повелѣнію Божию отдѣлился отъ нихъ уже въ девятомъ поколѣніи послѣ Арфаксада; идолопоклонство, господствовавшее въ родственныхъ ему халдеевъ и сообразный съ этимъ строй жизни ихъ усилились въ его время до того, что нужно было ему самому удалиться изъ отечества въ чужую землю, дабы не потерять остатка истиннаго богопознанія и богочитанія на своей родинѣ; по отдѣленіи онъ отправился съ своими домохозяцами изъ Ура халдейскаго въ городъ Харранъ, находившійся въ сѣверо-

¹ Диодор. Сиц. I, 28. II, 29. Павзан. I, 3. 16. Страб. XVI, 739 и XVII, 806. Ср. Ирод. I, 181. 183. Исаі. XLVII, 13. Stephan. Byzant. *Χαλδαίοι*.

² По баснословному преданію (Абидена у Евсевія Pr. Ev. IX, 12. 414) богъ Бель сообщилъ свои откровенія халдеевъ въ этихъ книгахъ еще до всемірнаго потопа; когда же наступалъ потопъ, то онъ повелѣлъ одному достойному мужу Кисутхру (*Xisuthrus*) зарыть ихъ въ землю въ городѣ Синарѣ, а послѣ потопа опять вырыть ихъ, чтобы по содержащимся въ нихъ наставленіямъ построить Вавилонъ и другіе города. По другому преданію Оаннискъ, человекъ—рыба, вышедши послѣ потопа изъ моря Ериврійскаго, написалъ эти книги, которыя, по словамъ Бероза, содержали *πάντων ἀρχαίς και μέσα και τέλειος*. Бероз. р. 48—56. Юліан. Or. V, 171. Аполлодора—Fr. р. 404. Георг. Синк. Chron. р. 54—56. Movers: Die Phöniciers. B. I. s. 92—112.

западной Месопотамии, и оттуда уже никогда болѣе не возвращался въ Халдею или Вавилонію, чтобы внушать тамошнимъ жителямъ какія-либо религіозныя и нравственныя истины или научныя познанія ¹.—Изъ Харрана прародецъ Авраамъ перешелъ въ землю Ханаанскую, гдѣ встрѣтился съ тамошними жителями *Финикійцами*, составлявшими часть цѣлаго ханаанскаго народа. Финикійяне, одинъ изъ древнѣйшихъ восточныхъ народовъ, происшедшихъ отъ Хама, жили въ благоустроенныхъ городахъ и принадлежали къ довольно образованнымъ націямъ въ то время, когда прибывшій къ нимъ Авраамъ былъ только странникомъ, не имѣвшимъ постояннаго мѣста жительства (Быт. гл. X, XXIII и XXIV). Поселеніе ихъ въ странѣ, лежащей къ западу отъ Палестины близъ Средиземнаго моря, въ которой они не были туземцами, относится къ до-историческому времени. Финикійскій городъ Тиръ съ своимъ храмомъ Иракла, при жизни историка Иродота и по его свидѣтельству, насчитывалъ 2300 лѣтъ своего существованія ². Во времена занятія евреями обѣтованной земли подъ предводительствомъ Исуса Навина Тиръ и Сидонъ были большими и укрѣпленными городами (Нав. XIX, 28. 29), и еще до троянской войны дѣятельные финикійяне вели обширную торговлю не только сухопутную по областямъ малой Азіи, но и по отдаленнѣйшимъ странамъ посредствомъ мореплаванія, для котораго уже были приобретены ими необходимыя познанія ³. Между этими познаніями искусство письма если не было собственнымъ изобрѣтеніемъ финикійянь, которымъ оно приписывалось у грековъ, ⁴ то по крайней мѣрѣ употреблялось у нихъ, равно

¹ Быт. X, 24. XI, 10—31. XV, 7. Неем. IX, 7. А. Knobel: Die Völkertafel der Genesis. 1850. s. 170.

² Ирод. II, 44.

³ Омир. Илиад. XXIII, 743. Odys. XIV, 295. Ирод. V, 57. Страбон. IX, 401. Плин. Hist. natur. V, 13. Movers въ ук. соч. В. 2. Th. 3.

⁴ Климент. Strom. I, 21. 139. Bochart, Chanaan. p. 448. Въ Вавилоніи учителямъ письма считали Оанниса, въ Финикіи Кадма или Осіона, въ Египтѣ Тота, — существа мифическія.

какъ вавилонянъ и египтянь, гораздо прежде, нежели написаны были книги Моисея; и самое еврейское письмо есть только отрасль общаго семитическаго и сроднаго съ нимъ финикійскаго письма ¹. Даже не только простое искусство письма, которое служитъ необходимымъ условіемъ культуры всякаго народа, но цѣлая литература финикійянь, извѣстная подъ именемъ Сан-хон-иатъ (San-chon-iath—весь законъ Хона) и приписываемая откровенію бога Хона или истолкователю воли его Таауту (Тааут), появилась въ числѣ семи книгъ не позже того, какъ у халдеевъ составились ихъ священныя книги; подобно послѣднимъ она также содержала въ себѣ еогонію и космогонію, начала астрономіи и физики, и такія сказанія о богахъ, о мѣрѣ и человѣкѣ, которыя по свойству своему носятъ слѣды глубочайшей древности ².—Еще древнѣе, чѣмъ у двухъ упомянутыхъ народовъ, гражданское устройство и культура *Египтянь*, происшедшихъ отъ Хама, какъ и финикійяне. За шесть сотъ лѣтъ до рожденія Авраама, около 2800 лѣтъ до Р. Хр., въ Египтѣ уже окончили свою дѣятельность двѣнадцать владѣтельныхъ династій, ³ кото-

¹ Вѣроятно, по этому самый языкъ евреевъ въ св. Писаніи называется ханаанскимъ (Исаи. XIX, 18). Ученый Fürst въ Geschichte der biblisch. Literatur, 1867. В. I. s. 3—24, на основаніи многихъ соображеній доказываетъ, что Моисей не былъ изобрѣтателемъ письма не только для другихъ древнихъ народовъ (что даже не требуетъ доказательствъ), но и для еврейскаго. Тоже говорить и блаж. Ангуеддъ (De Civ. Dei. XVIII, 39), хотя не допускаетъ глубокой (до Авраама) древности египетской мудрости.

² Во 2-мъ вѣкѣ по Р. Хр. Филонъ Ереній издалъ переводъ «Финикійской исторіи» подъ именемъ Санхоніатона, жившаго будто бы при ассирийской царствъ Семирамидъ (за 1300 л. до Р. Хр.), писавшаго противъ аллегорическаго изложенія книгъ Тааута и изложившаго финикійскую мифологію въ видѣ исторіи смертныхъ людей (Евсев. Pr. Ev. I, 9. 31. IV, 16. 156). Если Филонъ и не перенесъ названіе финикійскихъ книгъ — San-chon-iath—на мнимую личность Санхоніатона, какъ доказываютъ новѣйшіе изслѣдователи (Movers, ук. соч. В. I. s. 99), то во всякомъ случаѣ это преданіе объ искаженіи смысла священныхъ книгъ финикійскихъ при Семирамидѣ служитъ новымъ доказательствомъ глубокой древности самыхъ книгъ.

³ По исчисленію Манеона въ его 'Αιγυπτιακά и Ератосена въ его Χρονολογία, изъ которыхъ сдѣланы извлеченія въ хроникѣ Георгіи Синкелла. См. Pauly: Real-Encyclop. T. I. Aegyptus.

рыя построили обширные города, Фивы, Мемфисъ, Танисъ и другіе, воздвигли величественные храмы въ честь своихъ боговъ, высочайшія пирамиды, колоссальныя плотины противъ разливовъ рѣки Нила и многія искусныя сооруженія. На этихъ очевидныхъ памятникахъ своего умственного развитія египтяне того времени оставили доказательства своего образованія въ іероглифическихъ надписяхъ, сохранившихся до нашихъ дней¹. Во времена кратковременнаго пребыванія Авраама въ Египтѣ и переселенія въ эту страну внука его праотца Иакова со всѣмъ домою своимъ Египетъ былъ славнѣйшимъ и цвѣтущимъ государствомъ, достигнувъ высокаго благосостоянія подъ владычествомъ Фараоновъ, особенно 18-й династіи, отъ 19-го до 15-го столѣтія предъ Р. Христовымъ. Въ то время безъ сомнѣнія уже существовали если не во всемъ своемъ составѣ, но въ главныхъ и существенныхъ частяхъ своихъ тѣ сорокъ двѣ священныя книги, которыхъ происхождение приписывается откровенію богини Изиды или бога Тота (Thoth), или истолкователю воли ихъ Эрмису Тризмегисту², и въ которыхъ опредѣлялись отношенія религіозной и политической жизни египтянъ; въ нихъ же излагались начала теогоніи и космогоніи, юриспруденціи и іероглифики, астрономіи и геометріи, географіи и медицины, которыхъ основныя положенія возводятся къ мудрымъ царямъ первыхъ династій.³ Кромѣ общаго государственнаго строя, вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, доказывающихъ глубокую древность цивилизаціи въ Египтѣ, она открывается и изъ частныхъ извѣстій о научныхъ трудахъ, совершенныхъ мудрецами этой страны во времена задолго до рожденія еврейскаго законодателя Моисея. Асеу (Aseth),

¹ Röhth: Geschichte unser. abend. Philos. 1846. B. I. s. 85.

² Евсев. Pr. Ev. I, 9. 32. Лактанц. Div. Ins. I, 6. Платон. Phileb. p. 18. Diод. Сид. I, 16.

³ Климент. Strom. V, 4. Плутарх. De Isid. 32. Диод. Сид. I, 70. II, 70—73. Ямблих. De Mysteriis I, 15. Jablonsky: Pantheon Aegypt. Prol. § 2, p. 96. Röhth. указ. соч. B. I. s. 119—121.

отцу Амасиса, перваго царя 18-й династіи, жившему въ первой половинѣ 18-го столѣтія до Р. Хр., приписывается исправленіе египетскаго календаря, въ который введено было счисленіе года въ 365 дней вмѣсто прежняго несовершеннаго счисленія въ 360 дней.¹ Если же астрономія достигла тогда у египтянъ до такого высокаго совершенства, то и прочія науки должны были стоять на соотвѣтственной степени развитія, о чемъ свидѣтельствуютъ между прочимъ и та обширная бібліотека, существовавшая въ 16 столѣтіи до Р. Хр. при надгробномъ памятникѣ царя Озимандіаса въ городѣ Фивахъ, которая описана греческими историками и найдена въ развалинахъ новѣйшими изслѣдователями.² О томъ же наконецъ свидѣтельствуютъ и еврейскія книги св. Писанія, гдѣ мудрость мудрѣйшаго изъ царей израильскихъ Соломона превозносится сравнительно съ мудростію *египтянъ* и другихъ *смысловъ востока* (3 Цар. IV, 30. ср. Исai. XIX, 11. Быт. XLI, 8. Исход. VII, 22. VIII, 3); и о законодателѣ Моисеѣ говорится, что онъ самъ былъ *наученъ всей мудрости египетской* (Исх. II, 10. Дѣян. VII, 22), а не училъ египтянъ религіи, философіи или другимъ какимъ-нибудь наукамъ.—Такимъ образомъ хронологическія и историческія данныя достаточно доказываютъ, что у восточныхъ народовъ, по мѣсту жительства близкихъ съ одной стороны къ евреямъ, а съ другой къ грекамъ, образовался извѣстный строй религіозной и гражданской жизни и установились опредѣленные, вошедшія въ письменныя памятники ихъ, возвращенія на предметы рели-

¹ По изслѣдованію французскаго ученаго Biot въ Journal des savants 1843. Août, это сдѣлано было около 1780 года до Р. Хр. Срав. Сингелла Chron. p. 233. T. I. Edit. Dindorf.

² Диод. Сид. I, 46—50. Шампольонъ, открывшій въ развалинахъ Фивъ стѣны залы, по смыслу іероглифическихъ надписей назначенной для книгъ, относить ее къ царствованію Рамзеса II династіи 19-й (греческаго Сезостриса — около 1250 г. до Р. Хр.); другіе — къ царствованію Аменоиса II династіи 18-й (около 1650 года). Röhth: указ. соч. T. I. s. 119—121. Pauly: Real-Encyclop. T. V. s. 1021. Ozymandyas.

гібно-філософскаго мышленія гораздо прежде, нежели сохранившіяся по преданію убѣжденія еврейскаго народа и дарованныя ему Богомъ откровенія получили свое выраженіе въ священныя писанія Моисея и пророковъ, даже прежде жизни родоначальника евреевъ Авраама. Тѣже данныя не только не свидѣлствуютъ въ пользу мнѣнія о религиозно-нравственномъ вліяніи евреевъ на восточныхъ сосѣдей ихъ въ столь отдаленное время, а напротивъ убѣждаютъ считать подобное вліяніе весьма сомнительнымъ. Вѣроятно ли, чтобы могущественные народы, гордившіеся своею цивилизаціею, стали заимствовать что-нибудь новое отъ небольшого числа евреевъ, еще не получившихъ самостоятельной и прочной осѣдлости и не имѣвшихъ необходимыхъ условій собственной цивилизаціи — письменности? Возможно ли, чтобы образованные народы, выработавшіе свое міровоззрѣніе чрезъ взаимныя сношенія въ продолженіи многихъ столѣтій¹, измѣнили его по случаю появленія между ними малоизвѣстнаго племени, отъ однихъ (халдеевъ) отчуждившагося, а для другихъ (финикійцевъ и египтянъ) совершенно чуждаго, и притомъ появившагося между ними сравнительно въ позднее время? Посему самое отнесеніе предполагаемаго вліянія евреевъ на этихъ народовъ, а чрезъ нихъ въ послѣдствіи времени и на эллиновъ², къ столь отдаленнымъ временамъ нельзя понимать иначе, какъ только крайнюю мѣру послѣ неудавшихся по-

¹ Несомнѣнный фактъ, что финикійцы, египтяне и халдеи находились во взаимныхъ отношеніяхъ съ давняго времени и при вліяніи другъ на друга составили свои убѣжденія религиозныя, научныя и гражданскія. Kóth (ук. соч. Т. I. с. 243—278) прямо называетъ отрасли египетскаго вѣроученія 1) финикійское и 2) греческое. Movers (ук. соч. В. I. с. 56—81) подробно излагаетъ тѣсныя взаимныя сношенія финикійцевъ съ египтянами и халдеями или вавилонянами.

² При такомъ предположеніи кромѣ того представляется еще задача — доказать, что языческіе восточные народы, заимствовавъ религиозно-нравственныя истины отъ Авраама и Моисея, сохранили ихъ въ цѣлости въ теченіи многихъ столѣтій, не заглушивъ и не искаживъ ихъ своими собственными воззрѣніями, до тѣхъ поръ, когда начались исторически-извѣстныя путешествія къ нимъ греческихъ ученыхъ мужей. Но доказательствъ на это нѣтъ.

пытокъ доказать заимствованіе религиозно-нравственныхъ истинъ эллинами отъ евреевъ чрезъ посредство восточныхъ народовъ въ позднѣйшій періодъ — отъ Моисея до Птолемея; между тѣмъ эта новая попытка чѣмъ ближе къ началу еврейскаго народа восходитъ съ своимъ мнѣніемъ, тѣмъ менѣе дѣлаетъ его правдоподобнымъ и, при тщательномъ изслѣдованіи, представляетъ противорѣчіе съ однимъ изъ главныхъ принциповъ, принятыхъ самими защитниками воззрѣнія о заимствованіи классиками отъ евреевъ; согласиться съ ея выводами значитъ перевернуть то основное положеніе, что позднѣйшіе народы могли заимствовать какіе-либо предметы отъ древнѣйшихъ, а не древнѣйшіе отъ позднѣйшихъ; но сдѣлать такой поворотъ при объясненіи взаимодѣйствія различныхъ народовъ другъ на друга было бы неосновательно безъ твердыхъ и очевидныхъ доказательствъ.

§ 4. Невѣроятность вліянія евреевъ на древніе восточные народы въ какомъ-либо отношеніи и устройство культа и культуры у этихъ народовъ гораздо прежде, нежели у евреевъ, отрицательнымъ образомъ свидѣлствуютъ противъ мнѣнія о заимствованіи свѣдѣнія древними классиками изъ еврейскихъ священныя книгъ при посредствѣ восточныхъ народовъ. Допустить такое заимствованіе значило бы допустить также неслѣдственное дѣло и анахронизмъ. Положительныя же доказательства противъ упомянутого мнѣнія заключаются во внутреннемъ характерѣ культуры восточныхъ народовъ, равно какъ и эллиновъ, извѣстномъ изъ тѣхъ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, въ которыхъ остались слѣды ихъ духовной и общественной жизни. Такъ какъ вся теоретическая мудрость и вся цивилизація древняго востока происходили изъ вѣроученія и религиозныхъ воззрѣній, и такъ какъ христіанскіе апологеты при развитіи мнѣнія объ отношеніи классиковъ къ Библии утверждаютъ заимствованіе ими отъ евреевъ чрезъ халдеевъ, вавилонянъ и египтянъ, преимущественно рели-

гіозныхъ истинъ, то взгляды на характеристическія свойства религіи этихъ народовъ будутъ достаточны для сужденія о справедливости или несправедливости такого мнѣнія. Что же представляетъ религія древнихъ халдеевъ, вавилонянъ и египтянъ, а вслѣдъ за ними и религія древнихъ эллиновъ? Представляетъ не только существенную разность отъ ученія евреевъ въ основныхъ истинахъ религіи, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и совершенную противоположность. Религія халдеевъ, финикянъ и египтянъ, равно какъ и другихъ древнихъ народовъ востока (кроме евреевъ) была вообще *натуралистическая*, состоявшая въ обоготвореніи силъ природы и тѣхъ предметовъ, въ которыхъ обнаруживается присутствіе и дѣятельность этихъ силъ. По такому религіозному воззрѣнію Божество не есть сила, отличная отъ природы и безгранично владычествующая надъ нею, но есть сокрытая въ самой природѣ сила, которая по свойственнымъ ей законамъ то производитъ, оживляетъ и сохраняетъ существа и вещи міра, то опять разрушаетъ и истребляетъ свои произведенія; а зависящій отъ этой невидимой силы человекъ то воздастъ ей удивленіе и поклоненіе за ея благодѣянія, то отвѣчаетъ страхомъ предъ ея враждебною дѣятельностію, и желаніемъ умилостивить ее какими-нибудь жертвами и очищеніями. Низшая степень такого воззрѣнія состоитъ въ томъ, что многія отдѣльныя силы природы считаются за столь же многія божества, и тѣ предметы, въ которыхъ онѣ обнаруживаются, также удостоиваются божеской чести, напр. освѣщающее и сожигающее солнце, благотворныя и вмѣстѣ разрушительныя стихіи и т. п. Высшая же степень натуралистическаго воззрѣнія состоитъ въ томъ, что проникающая все сила природы представляется однимъ божествомъ, которое различается только по своимъ явленіямъ и дѣйствіямъ. Въ первомъ случаѣ идея божества раздѣляется по множеству отдѣльныхъ силъ природы, во второмъ хотя удерживается единство идеи, но въ предѣлахъ той же при-

роды. Въ религіи халдеевъ, финикянъ и египтянъ тотъ и другой взгляды строго не различались и тѣсно были связаны между собою. Характеристическія черты, съ какими у нихъ представлялись обоготворенныя силы (или одна сила) природы, состоятъ въ слѣдующемъ. Во первыхъ божество, по аналогіи съ человекомъ, представлялось принадлежащимъ къ мужескому или женскому *полу* (Bel и Beltis-высшія божества у халдеевъ, Baal и Baaltis у финикянъ, Osiris и Isis у египтянъ), и каждому виду божества присвоивались тѣ силы и явленія въ природѣ, которыя болѣе свойственны тому или другому полу; мыслимое божество мужескаго пола почиталось началомъ и причиною всего того, что относится къ существу и образу дѣятельности мужчины, а божество женскаго пола усваивалось тѣмъ, что соотвѣтствуетъ характеру и дѣятельности женщины; такъ одно считалось дѣятельною, а другое страдательною силою природы, одно—созидающимъ, а другое—воспринимающимъ, одно—разрушающимъ, а другое—сохраняющимъ началомъ въ природѣ, одно—источникомъ духовной, а другое—физической жизни, и проч. Даже на одну и ту же силу и на одинъ и тотъ же предметъ природы было переносимо половое различіе божества, смотря по различнымъ сторонамъ и степенямъ ихъ дѣятельности; болѣе могущественное и разительное проявленіе физической силы принимали за дѣйствіе мужескаго божества, а болѣе слабое и кроткое проявленіе той же самой силы за дѣйствіе божества женскаго¹. Вышею натуралистическое

¹ Философъ Сенека говоритъ о египтянахъ: «они допускали четыре элемента и изъ каждаго дѣлали пару мужескаго и женскаго рода; воздухъ считали мужескимъ, когда онъ бываетъ вѣтромъ, и женскимъ, когда онъ въ тихомъ состояніи; вода у нихъ мужескаго пола, какъ море, и женскаго — всякая другая вода; огонь называли мужескимъ, когда онъ жжетъ, и женскимъ, когда онъ свѣтитъ безвредно; землю въ твердойшемъ видѣ, напр. камни и скалы, они называли мужескою, а названіе женской придавали ей, покольку она способна къ воздѣлыванію». Natur. Quaest. III, 14. О обоготвореніи стихій, земли, воды, воздуха и огня, восточными народами подробно говоритъ аналогичъ Firmicus Maternus въ соч. De errore profanarum religionum; упоминаютъ и другіе.

единство божества состояло въ присвоеніи свойствъ мужскаго божества женскому и обратно, или въ мистическомъ соединеніи обоихъ божествъ въ особое, третье существо, гермафродитически совмѣщавшее въ одномъ себѣ оба вида божества (El—халдеевъ, Bel—финикіянь, Ra—египтянь). Отсюда произошло безконечное раздробленіе идеи божества на высшихъ и низшихъ боговъ, изъ которыхъ низшіе, принадлежащіе къ извѣстному разряду, носятъ на себѣ свойства высшихъ боговъ того же разряда и, подобно послѣднимъ, также представляются въ двухъ видахъ мужскомъ и женскомъ; отсюда безчисленныя представленія неодушевленныхъ предметовъ природы, деревьевъ, горъ, морей и рѣкъ, подъ именемъ боговъ того и другого пола; отсюда поклоненіе различнымъ одушевленнымъ существамъ природы, животнымъ, рыбамъ, птицамъ и гадамъ, почитавшимся особено явнымъ на землѣ обнаруженіемъ божества, или иначе сказать, обого творенной силы природы. Во вторыхъ, религіи упомянутыхъ народовъ отличались *сидеральнымъ* элементомъ, состоящимъ въ почитаніи свѣтилъ небесныхъ, солнца, луны и звѣздъ. Отвлеченное представленіе боговъ у этихъ народовъ, кромѣ присвоенія силамъ природы полового характера, стремилось остановиться на болѣе конкретныхъ и видимыхъ предметахъ природы; и взглядъ религіозныхъ натуралистовъ, отыскивая между предметами какого-нибудь болѣе виднаго бога или боговъ, обращался преимущественно на свѣтила небесныя, окружающія землю со всѣхъ сторонъ и во всякое время и имѣющихъ на нее постоянное вліяніе. Взвѣсивъ на величественное восхожденіе и заходженіе солнца днемъ и на восхитительное зрѣлище свѣтящей луны и звѣзднаго неба ночью, язычники пришли къ мысли, что эти свѣтила суть если не сами божества, то ближайшіе образы и вмѣстилища боговъ, властвующихъ надъ землею и ея жителями; опытно наблюдая надъ тѣмъ, что, при измѣняемости и скоротечности

всего земнаго, свѣтила небесныя существуютъ неизмѣнно, совершая свое правильное теченіе и своимъ періодическимъ восхожденіемъ и нисхожденіемъ опредѣляя и время по днямъ, мѣсяцамъ и годамъ, и явленія физической природы по временамъ года, веснѣ, лѣту, осени и зимѣ, и занятія человеческой жизни по земледѣлію и промышленности, языческіе мудрецы составили воззрѣніе на свѣтила небесныя, какъ на виновниковъ всякаго бытія и дѣятельности, какъ на руководителей и распорядителей вещами и дѣлами поднебесными, иногда благодѣтельныхъ, а иногда золотворныхъ, — и почитали ихъ за то, чѣмъ представляли въ своемъ воображеніи, за боговъ то въ большемъ числѣ, то въ меньшемъ, то въ такой зависимости другъ отъ друга, то въ другой.¹ Стремленіе къ единству божества, присущее уму религіозныхъ натуралистовъ, и здѣсь среди такого множества боговъ находило свое приложеніе въ томъ свѣтилѣ, которое главнымъ образомъ производитъ свѣтъ и теплоту, жизнь и растительность въ природѣ, отъ котораго и прочія свѣтила по видимому получаютъ свой свѣтъ и свое теченіе,—въ солнцѣ: оно было признаваемо первымъ образомъ и носителемъ силы природы или главнымъ натуралистическимъ богомъ (El-Eliou халдеевъ, Beel-Samim финикіянь, Ra-Hesiri египтянь); а за тѣмъ слѣдовали второстепенные боги небд—луна, звѣзды и планеты, третьестепенные—боги времени года и дня, весны, лѣта, осени, зимы, утренней зари, полдня, вечерней зари и т. дал., съ различными свойствами и происходящимъ отъ этихъ свойствъ вліяніемъ на людей и на всѣ существа земныя, подобнымъ вліянію

¹ Плутархъ (De Iside, с. 48) говоритъ: Καὶ ταῖσι τῶν πλανητῶν τ' ἔστι θεῶς γενέσθαι, ὅς καὶ ταῖσι, δύο μὲν ἀγαθῶν τε, δύο δὲ κακοῦ τε, μέγας δὲ τῶν τριῶν ἀποφάνεσι καὶ κοινῶς. Евсевій Кесарійскій (Eccl. Ev. I, 6. 17) замѣчаетъ, что финикияне и египтяне первые изъ всѣхъ народовъ, какъ говорятъ, провозгласили солнце, луну и звѣзды богами и единственными виновниками рожденія и разрушенія всего.

отца и царя боговъ—солнца.¹ Такова въ главныхъ чертахъ религія тѣхъ восточныхъ народовъ, съ которыми иногда приходили въ соприкосновеніе съ одной стороны еврей, а съ другой греки. Она, утвердившись съ незапамятныхъ временъ, сохранилась такою до позднѣйшаго времени; и если не оставалась всегда въ неподвижномъ состояніи, но получала нѣкоторыя измѣненія, то всё эти перемѣны ограничивались только тѣмъ, что одинъ языческій народъ при взаимномъ общеніи заимствовалъ отъ другаго языческаго народа понятія о новыхъ богахъ натуралистическихъ и сидеральныхъ,—что иногда тотъ, иногда другой богъ былъ возвышаемъ предъ прочими, уступавшими ему свое мѣсто (наприм. Аммонъ на мѣсто Озириса, Сераписъ на мѣсто Аммона, въ Египтѣ), — что тѣ или другіе боги болѣе и болѣе были окружаемы мифическими о нихъ сказаніями и мало по малу олицетворяемы и низводимы въ кругъ людей, люди же на оборотъ были возводимы въ кругъ воображаемыхъ боговъ; а сущности религиозныхъ убѣжденій онѣ нисколько не касались. Извѣстна даже рѣдкая попытка одного частнаго лица въ Египтѣ—уничтожить почитаніе всѣхъ низшихъ боговъ и оставить одного высшаго бога: Фараонъ *Аменотепъ IV* (Аменотисъ по Манеѳону), послѣдній царь 18-й династіи, хотѣлъ произвести религиозную реформу въ Египтѣ, запретивъ почитаніе всѣхъ боговъ и богинь, кромѣ солнца (Ra), испровергая кумиры, разоряя храмы и изглаждая имена боговъ на памятникахъ; но все его преобразование религіи, очевидно, состояло только въ обращеніи къ извѣстному сидеральному единству, по личной привязанности этого Фараона къ служенію солнцу; и по смерти его всѣ слѣды реформы были совершенно уничтожены жреца-

¹ Обо всемъ этомъ говорятъ — Movers: Phoenicier. В. I. 1841. *Roth*: Geschichte unser. abendl. Philos. Т. I. Spiegel: Avesta. Т. I. и 2. Meyer: Aegyptologie, 1840. Bunsen: Aegyptens Stellung in der Weltgeschichte, и другіе. См. Pauly: Real-Encycl. Aegyptus, Babylonie, Syrie.

ми, возстановившими почитаніе прочихъ боговъ въ прежнемъ видѣ.¹ Такимъ образомъ сущность языческой религіи въ Египтѣ, равно и въ Финикіи и въ Халдеѣ, не смотря на нѣкоторыя измѣненія въ понятіяхъ о частныхъ богахъ, оставалась постоянно одною и тою же—натуралистическою и многобожною; *язычники*, говоритъ пророкъ Іеремія, *измѣняли своихъ боговъ, но все это—не боги* (II, 11). Тѣмъ болѣе это не тотъ Богъ, котораго знали и почитали еврей. Въ ихъ религиозномъ воззрѣніи, изложенномъ въ св. Писаніи, Богъ совершенно отдѣленъ отъ міра—своего всесторонняго творенія, и вся природа, безусловно подчиненная Ему, не представляетъ даже отдаленнаго сравненія съ Его величіемъ; Онъ есть существо единое и единственное, въ высшей степени духовное и въ полномъ смыслѣ слова—личное; всѣ свойства, составляющія идею существа высочайшаго, принадлежатъ Ему въ чистомъ и совершенномъ видѣ: Онъ премудръ и преблагъ, правосуденъ и премилосердъ, неизмѣняемъ и вседолющъ; какъ

¹ Pauly: Real-Encycl. Т. I. Aegyptus. p. 277. Этотъ Фараонъ считается современникомъ пророка Моисея, но религиозная реформа его не зависѣла отъ еврейскаго ученія, какъ видно изъ сущности самой реформы, и изъ свидѣтельства египетскаго историка Манеѳона (Ios. Flav. cont. Ар. I, 26), что религиозный фанатизмъ Аменотиса былъ причиною особеннаго притѣвленія евреевъ предъ истребленіемъ ихъ изъ Египта. Древняя религія халдейская подверглась важному преобразованію отъ Зороастра. Но съ одной стороны это преобразование случилось сравнительно въ позднее время (при Даріѣ Истаенѣ около 560 г. до Р. Хр.), а съ другой оно состояло только въ томъ, что по идеямъ Зороастра, выработаннымъ въ пустыняхъ Бактріи, были особенно выставлены на видъ два главныя начала—добро и злое подъ именами Ормузда и Аримана (извѣстныя впрочемъ и въ Египтѣ подъ именами Озириса и Тисфона) и на основаніи этого дуализма построена система всего міра физическаго и нравственнаго; а выше двухъ началъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ, Райн, ук. соч. Т. I) предполагалось отлеченное единство — *безколючное* по продолженію и протяженію *пространство*, или чистое *ничто*, изъ котораго произошло все; за тѣмъ нѣсколько болѣе отдѣлены силы природы подъ именемъ олицетворенныхъ духовъ — амшаспандовъ, франшисовъ и др., отъ самыхъ предметовъ природы, и въ богопочитаніи отдано преимущественно огню предъ другими стихіями и пр. Слѣдов. и это преобразование религіи не зависѣло отъ еврейскаго ученія, хотя еврей при Зороастрѣ находились въ плѣну вавилонскомъ.

существо единственное въ своемъ родѣ, Онъ не имѣеть ни начала, ни конца своего бытія, и нѣтъ Ему имени, соотвѣтствующаго существу Его, но только для людей Онъ называется нообыкновеннымъ именемъ: *сущій* (Іегова), означаящимъ вмѣстѣ и прошедшее и настоящее и будущее бытіе (Исход. III, 14); какъ существо абсолютно духовное, Онъ находится вездѣ, но не ограничивается никакими предметами видимаго міра и не можетъ быть изображенъ никакимъ подобіемъ вещей, находящихся на небѣ вверху, или на землѣ внизу, или въ водѣ ниже земли (Исх. XX, 4. Втор. IV, 15); какъ существо личное и въ высшей степени самостоятельное, Онъ свободно и цѣлесообразно сотворилъ всю вселенную изъ ничего, во всѣхъ ея основаніяхъ и составныхъ частяхъ, и управляетъ не только ея физическими силами по опредѣленнымъ законамъ, но и историческими судьбами сотворенныхъ существъ по законамъ нравственнаго міроваго порядка, устрояемаго премудростію Его и благостію (Быт. I, 1—3. Псал. XXXII, 13—18. Амос. IX, 2—9). Первые три заповѣди закона Божія, данныя Богомъ чрезъ пророка Моисея, заключаютъ въ себѣ эти идеи—единства, духовности и личности премірнаго существа со всѣми Его высочайшими свойствами, составляя обязательные и положительные догматы религіознаго воззрѣнія израильскаго народа (Исх. XX. Втор. V); но вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣхъ же заповѣдяхъ заключается отрицаніе всего несоотвѣтствующаго и противнаго этимъ идеямъ. Какъ единство Бога есть предметъ вѣрованія евреевъ по словамъ заповѣди: *Я—Господь Богъ Твой*, такъ и отверженіе всѣхъ другихъ мнимыхъ боговъ есть необходимый предметъ ихъ вѣрованія по словамъ: *да не будетъ у тебя друиизъ боговъ предъ лицемъ Моимъ*; какъ вѣра въ духовнаго Бога есть требованіе закона, такъ и отрицаніе всякаго вещественнаго изображенія, признаваемаго за божество, есть требованіе того же закона по словамъ: *не дѣлай себѣ кумира и никакого изображенія бже-*

ства; какъ совершеннѣйшая личность Божія есть существенный пунктъ еврейской вѣры въ Бога, такъ и перенесеніе этой идеи на существа и предметы природы есть нарушеніе божественнаго закона по словамъ: *не проижди имени Господа Бога твоего напрасно*.¹ Поэтому все, что могло отвлекать исповѣдника этихъ заповѣдей отъ невидимаго всевышняго Бога и обращать умъ и сердце его къ твари вмѣсто творца, провозглашено мерзостію предъ Господомъ (Исх. XXIV, 14. Левит. XIX, 4. Втор. VI, 14. VII, 26. XI, 17. XXVII, 15); все, что имѣло отношеніе къ идолопоклонству и обоготворенію природы, начиная съ почитанія звѣзднаго неба (Втор. IV, 19) до простыхъ столбовъ съ надписями и каменной съ изображеніями боговъ (Левит. XXII, 1), признано недостойнымъ религіи Бога истиннаго. Такимъ образомъ высокой монотеизмъ, отличающійся отъ политеизма не степенью только, а качествомъ своей сущности, составлялъ религію народа израильскаго въ противоположность натуралистическимъ религіямъ египтянъ, вавилонянъ и халдеевъ; и если въ ней встрѣчаются нѣкоторыя черты, по видимому нечуждыя религіямъ послѣднихъ и вообще языческихъ народовъ, то и въ этихъ чертахъ есть существенное различіе. Хотя Іегова былъ почитаемъ евреями какъ бы національнымъ ихъ Богомъ, особымъ защитникомъ и покровителемъ своего народа, подобно какъ и прочіе народы имѣли каждый своихъ боговъ, но Богъ еврейскій есть вмѣстѣ творецъ неба и земли (Быт. I, 1), владыка всѣхъ людей (Исх. XIX, 5. 6), и Господь самыхъ язычниковъ (Исх. XX, 16. Втор. XXXII, 41—43); хотя богослуженіе Израильтянъ сопровождалось кровавыми жертвами, подобно какъ у другихъ народовъ, но въ жертву Іеговѣ были закалаемы пре-

¹ Указаніемъ на имя существа влчшается понятіе о личности этого существа. Личность Іеговы также выражается и въ первой заповѣди: *Я—Господь Богъ твой*.

имущественно тѣ животныя, которыя были обоготворяемы у сосѣднихъ народовъ, въ знакъ отрицанія ихъ божественности,¹ и въ слухъ избраннаго народа было повторяемо, что Богъ благоволитъ болѣе къ внутренней чистотѣ, нежели къ вещественнымъ жертвоприношеніямъ Ему (Псал. I, 18. Осія VI, 6); хотя у евреевъ также былъ видимый храмъ, впрочемъ единственный въ Иерусалимѣ для выраженія единства Божества, но въ этомъ храмѣ не было никакого изображенія Бога, для воздаванія изображенію божескаго поклоненія,² и единственною посредствующею формою отношенія между Богомъ и человѣкомъ синайскимъ законодательствомъ указано было слово, нераздѣльное съ духовностію и личностію (Втор. IV, 12). Что же было общаго у евреевъ съ египтянами, финикіянами и халдеями въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, на чемъ можно было бы основать мнѣніе о вліяніи этихъ народовъ на евреевъ,³ или евреевъ на эти народы? Сравнивая ученіе св. Писанія о Богѣ съ ученіемъ ихъ, трудно найти какія-нибудь точки соприкосновенія между ними, такъ что можно только сказать, чего нѣтъ въ одномъ такого, что есть въ другомъ, а не отыскать что-нибудь одинаковое въ томъ и другомъ; отрицанія же всего языческаго, тѣсно связаннаго съ положительными заповѣдями закона Божія, дѣлаютъ изложенныя два ученія совершенно противоположными и непримиримыми;⁴ и слѣдовательно восточные народы не

¹ Объ этомъ говоритъ блаж. Феодоритъ: Graec. aëst. sag. VII, 105.

² Иосиф. Флав. Contra Ap. II, 23.

³ Такого мнѣнія держатся некоторые изъ новѣйшихъ, напр. *Movers* ук. соч. В. I. а. 312—321. *Röth*, ук. соч. В. I. а. 460. *Post*: Untersuchungen über den Zusammenhang der christl. Glaubenslehre mit dem antik. Religionswesen, Brem. 1869. а. 37—43, но безъ достаточныхъ основаній. Впрочемъ, и эти писатели стараются доказать происхождение іудейской, а затѣмъ и христіанской религіи отъ древнихъ религіи египтянъ, финикіянъ и вавилонянъ и другихъ, а не на оборотъ, не заимствованіе чего-нибудь послѣдними отъ первой.

⁴ Еще Тацитъ сказалъ: *Aegyptii pleraque animalia effigiesque compositas venerantur, Iudaei mente sola unumque numen intelligunt.* Hist. V, 5.

могли принять въ себя изъ еврейской религіи никакихъ существенныхъ положеній, точно такъ, какъ они не могли признавать пустоту и ничтожество своихъ почитаемыхъ боговъ и сознательно разрушать составленную ими религію чрезъ допущеніе въ нее непримиримыхъ съ нею элементовъ; а чего они не имѣли сами, того конечно не могли сообщить и какому-нибудь другому народу, на прим. древнимъ эллинамъ. — Религія грековъ была сходна съ религію египтянъ, вавилонянъ и финикіянъ, а не евреевъ. Она также была натуралистическая, состоявшая въ обоготвореніи силъ природы и матеріальныхъ предметовъ, въ которыхъ эти силы обнаруживаются. Въмѣсто всевышняго Существа греки гадали о непостижимой и неизяснимой силѣ, произведшей и поддерживающей все существующее въ мірѣ, называя ее міровою судьбою, но такой, которая въ ихъ представленіи не имѣла собственной личности.¹ Отъ этой невѣдомой причины всего, по естественной ея необходимости, произошли частныя силы и законы природы, на основаніи которыхъ существуетъ и сохраняется міръ и которыхъ представители суть такъ называемые боги. Богами не безначальными, но получившими начало своего бытія, не абсолютными, но условными, наполнялася пропасть, находящаяся между верховною неизвѣстною силою и смертными людьми; они по этому и были почитаемы отъ людей всѣми знаками почитанія, приличными

У Минудія Феликса язычникъ говоритъ: «одинъ несчастный народъ іудейскій почиталъ единого Бога». Октав. гл. X. Отцы церкви и апологеты повторяютъ это неоднократно, и нерѣдко изображаютъ противоположность религіи евреевъ съ религіями восточныхъ языческихъ народовъ, на прим. Епестій Fr. Ev. I, 6. Кириллъ Алек. Contr. Julian. V, 177. Ариобий Adver. gentes VI, 24. Лактанцій, Div. Inst. и Августинъ, De civ. Dei, — во многихъ мѣстахъ. Ср. Delitzsch: System der christl. Apologie, 1869. т. 396.

¹ «τῆς κοσμικῆς γενέσεως εἰρηρένη»—Heracl. Alleg. Hom. с. 48. Nägelsbach: Nachlomer. Theolog. Abth. 3. § 1—10. Между тѣмъ во всѣхъ сваяхъ. Писаніи нѣтъ словъ, часто употребляемыхъ у грековъ: *μάτρα*, *τύχη*, *εἰρηρένη*, *πεπρωμένη*, *ἀνάγκη*, въ смыслъ судьбы; оно не знаетъ никакой слѣпой необходимости и никакого слѣднаго случая.

существомъ высшечеловѣческимъ и имѣющимъ вліяніе на низшихъ и смертныхъ. Высшее единство между ними въ воображеніи грековъ представлялъ богъ Зевсъ (Ζεύς), символъ ээира или небснаго огня, называемый отцемъ боговъ и челоѣковъ, впрочемъ самъ происшедшій отъ Кроноса, котораго онъ смѣнилъ во владычествѣ надъ природою (тоже, что Ваалъ финикійскій, или Осірисъ египтянскій); онъ есть выраженіе дѣятельнаго начала въ природѣ, а выраженіемъ страдальнаго начала служить сестра и вмѣстѣ жена Зевса-Діона (Διώνη или Ηρα). За Зевсомъ слѣдуетъ длинный рядъ боговъ, представляющихъ различныя силы и предметы природы, съ характеромъ полового дуализма и сидеральнымъ, частію составившихся изъ собственныхъ вымысловъ греческаго народа, а частію заимствованныхъ изъ финикійской и египетской міеологіи. Древне-греческія божескія понятія, сродныя съ понятіями арійскихъ народовъ вообще, въ греческой міеологіи суть Кроносъ (Χρόνος)—время, Зевсъ—небсній ээиръ, Илиосъ—солнце, Селіни или Мнни—луна, Геа—земля и Эстіа—огонь домашняго очага. Къ этимъ божескимъ идеямъ примыкали представленія о вѣтрахъ, громѣ и молніи, рѣкахъ и источникахъ, деревьяхъ и горахъ, какъ о существахъ одушевленныхъ, которымъ воздавалось почитаніе, подобное богамъ.¹ Изъ Финикіи и Египта перешли въ Грецію многія названія божествъ, сложившихся въ одной геогонической системѣ съ національными греческими божествами такъ тѣсно, что сами греки не считали ихъ чуждыми, напр. Аммонъ, Панъ, Ериннія, Аскленій, Океанъ, Фемисъ, Лито, Ираклъ, Посидонъ, Игата и др. Изъ самыхъ названій національныхъ греческихъ и изъ значенія египетско-финикійскихъ боговъ у этихъ народовъ видно, что всѣ эти божества были чисто натуралистическія, подъ именемъ ко-

¹ Омир. Нумн. in Aphrodit. Исидол. Theog. ст. 337—364. Ирод. Hist. II, 52. Платон. De leg. I. X. Павзан. VIII, 4—36.

торыхъ греки обоготворяли силы и законы природы, не возвышаясь взоромъ своимъ далѣе видимаго міра, и съ тѣмъ только отличіемъ отъ восточныхъ народовъ, что обоготворенныя силы и предметы у грековъ получили челоѣкообразную личность.¹ Но по видимому возвысивъ божескія понятія обращеніемъ ихъ изъ чисто матеріальныхъ въ личныя, греки съ одной стороны не совершенно отдѣлили ихъ отъ физическаго міра, и, хотя отличали ихъ отъ матеріальной формы элементовъ или частей природы, однако представляли ихъ всегда тѣснѣйшимъ образомъ связанными съ этими элементами; дѣятельность греческихъ міеологическихъ боговъ совершалась въ движеніяхъ природы, такъ что внѣ натуральной области, къ которой принадлежали, они не имѣли своей особой жизни, и слѣдов. не были существами стоящими внѣ и выше природы;² съ другой стороны греки, перенесши на свои натуралистическія божества понятіе челоѣческой личности, перенесли на нихъ и всѣ тѣ нравственныя недостатки, которыми страдаютъ челоѣческія личности и которые въ дѣлѣ религіозномъ и духовномъ составляютъ несовершенство гораздо худшія всякаго натурального недостатка въ мірѣ физическомъ; греческіе боги подверглись тѣмъ же самымъ условіямъ рожденія и

¹ Антропоморфизмъ натуралистическихъ боговъ не былъ чуждъ и восточнымъ народамъ; самый половой дуализмъ есть начало антропоморфизма; но ни у кого изъ древнихъ живое сознаніе челоѣческой личности не произвело въ такой степени обоготворенія этой личности, какъ у почитателей боговъ олимпійскихъ.

² Доказательствомъ этого служить и то, что 1) названія боговъ не составляли чего-нибудь неподвижнаго и неизмѣнно принадлежащаго известной личности, но напр. считалось нѣсколько Зевсовъ, подъ которыми разумѣлись различныя силы природы, нѣсколько Аэродитъ, Анозлоновъ и т. д. Кесное. Анаб. IV, 8. 25. VII, 8. 4. Платон. Συμπос. 8. Цицерон. De nat. Deor. III, 16. XXI, 15. Осочн. къ Авг. I, 10. и на оборотъ одинъ и тотъ же предметъ напр. солнце одиетворялось подъ именами разныхъ боговъ, Аполлона, Иракла, Діониса и Аскленія. Евсевъ. Ев. III, 13. 120. и 2) воздвигались храмы и жертвенники въ честь безчисленныхъ и неизвѣстныхъ боговъ. Павзан. V, 14. 6. VII, 22. 6. VIII, 44. 5. X, 37. 3.

взаимнаго родства, искушеніямъ, соблазнамъ и разнымъ приключеніямъ, изъ которыхъ составлялась ихъ жизнь какъ въ высшихъ слояхъ небеснаго свода, такъ и въ соприкосновеніи съ землею и людьми; они отличались тѣми же страстями и пороками, которые позорятъ человѣческое общество, съ тѣмъ только различіемъ, что боги, а слѣдовательно и всѣ ихъ страсти и пороки пользовались безсмертіемъ, для сохраненія котораго впрочемъ воображеніе грековъ нашло нужнымъ приписать имъ особаго рода пищу и питье подъ именемъ амброзии и нектара.¹ Такія религиозныя понятія были дѣйствительными предметами вѣры греческаго народа въ теченіи всего классическаго періода времени и поддерживались не только преданіями старины, но и законодателями и философами, поэтами и ораторами, жрецами и народными учителями. Если же въ послѣдствіи при большемъ развитіи цивилизаціи и успѣхѣ всѣхъ наукъ появлялись люди, которые обнаруживали недовольство мифологическими сказаніями о богахъ, то одни изъ нихъ (Шивагоръ, Ираклитъ, Платонъ), болѣе для себя самихъ и своихъ ближайшихъ учениковъ, нежели для всѣхъ другихъ, объясняли народныя вѣрованія въ смыслѣ первоначальнаго религиознаго натурализма, опять обращая олицетворенныхъ боговъ своими аллегорическими толкованіями въ силы и предметы природы; а другіе, возвышаясь и надъэтими послѣдними представленіями (Ксенофанъ, Анаксагоръ, Сократъ), терпѣли гоненія отъ согражданъ и даже лишались жизни за свои болѣе чистыя убѣжденія, не производя почти никакого вліянія на общій строй рели-

¹ Это уже не тотъ умѣренный антропоморфизмъ, по которому и въ св. Писаніи евр. народа приписываются Богу нѣкоторые члены человѣческаго тѣла, чтобы не Бога самаго представить съ этими принадлежностями, но выразить дѣйствія Божіи понятно для людей, не всегда способныхъ представлять духовное безъ чувственныхъ формъ. Кроме того греки, приписывая своимъ божествамъ всѣ члены человѣческіе, усвоили имъ и злоупотребленія этии членами; что немисливо въ еврейскомъ антропоморфизмѣ Бога истиннаго.

гіозной жизни греческаго народа.¹ Изъ всего этого видно, что религія древнихъ грековъ какъ по своей сущности, такъ и по историческому своему происхожденію примыкаетъ къ религіямъ языческихъ восточныхъ народовъ, которыя были совершенно несходны и даже противоположны съ вѣроученіемъ евреевъ, и слѣдовательно она также не сходна съ нимъ во всѣхъ частяхъ своихъ.² Что же можно было бы указать въ религиозномъ ученіи древнихъ классиковъ такого, чѣмъ бы оправдывалось мнѣніе о заимствованіи ими истинъ и убѣжденій изъ священныя книгъ еврейскаго народа? И гдѣ исать этихъ слѣдовъ заимствованія?—Остается еще одно предположеніе, которое было раздѣляемо и иногда высказываемо христіанскими апологетами и другими защитниками упомянутаго мнѣнія, не было ли во восточныхъ народовъ особаго, въ тайнѣ содержащаго мудрецами ихъ ученія, которое могло быть заимствовано отъ евреевъ, но не входило въ составъ даже священныя книгъ этихъ народовъ и открывалось только людямъ посвященнымъ и притомъ подъ условіемъ и съ обязательствомъ—содержать въ тайнѣ и не открывать никому изъ непосвященныхъ какъ самое ученіе, такъ и источникъ, откуда оно было почерпнуто первоначально?³ Но и это предположеніе не подтверждается точными свѣдѣніями изъ первыхъ источниковъ о мистеріяхъ древнихъ народовъ.

¹ Объ этихъ частныхъ голосахъ, составлявшихъ противорѣчіе общему строю ученія и жизни греческаго народа, и ихъ источникъ, будетъ сказано ниже въ своемъ мѣстѣ.

² Посему и нѣкоторые изъ апологетовъ, изображая несогласіе языческихъ вѣрованій съ еврейскимъ ученіемъ, не отдѣляютъ этихъ народовъ отъ эллиновъ. «Подъ премудростію властей вѣка сего преходящихъ (противоположно премудрости Божіей, 1 Кор. 2, 6. 7), мы разумѣемъ такъ называемую тайную и сокровенную философію египтянъ и астрологию халдеевъ и индійцевъ, хвалившихся высокою мудростію, равно какъ многообразное и различное ученіе грековъ о божествахъ» — говоритъ Оригенъ: *Peri ἄρχων*, III, 3. 143. Ср. Евсев. *Pr. Ev.* I, 6. VII, 2. 299.

³ Климентъ *Al. Strom.* V, 4. 237. 242—245. О мистеріяхъ вообще онъ же въ *Cohort. ad gent.* с. 2. 6. 7. и *Tatiaк.* Рѣчь къ Элл. гл. 29. Ср. *Конст. Эконом.* о переводѣ 70 толк. Т. IV, ст. 36. См. выше отд. 1. § 5.

Вмѣсто доказательствъ могутъ служить слова спеціалиста, изучившаго міровоззрѣнія древнихъ народовъ востока, слова, которыя сказаны имъ о египтянахъ, но относятся въ равной мѣрѣ и къ другимъ народамъ, составившимъ свою религію и развившимъ свою культуру одинаковымъ съ ними образомъ. «Упоминаемое древними тайное ученіе (арсана) египетскихъ жрецовъ,—говоритъ Röh, — есть не что иное, какъ изложенное нами вѣроученіе; ибо и оно также находилось у египтянъ въ исключительномъ владѣніи жрецовъ и притомъ только высшихъ ученѣйшихъ классовъ жрецовъ; и познаніе его могло быть приобретаемо только чрезъ наставленіе и формальное упражненіе въ ученюмъ, собственно для этого учрежденномъ приготовленіи. Что египтяне имѣли такія высшія школы для образованія своихъ ученыхъ жреческихъ классовъ, объ этомъ прямо говорятъ древніе. Такъ Страбонъ говоритъ о той, прежде процвѣтавшей въ Иліополѣ, а въ его время около Рождества Христова уже опустѣвшей жреческой школѣ, въ которой Платонъ во время своего пребыванія въ Египтѣ ознакомился съ египетскою наукою. Такимъ образомъ это такъ называемое тайное ученіе, отнюдь не составляя собственно египтянамъ принадлежавшаго учрежденія, есть далѣе не что иное, какъ та научная, спекулятивно обработанная форма вѣроученія, которая во всѣ времена и у другихъ народовъ составляла собственность ученаго сословія жрецовъ; потому что для приобретенія его необходимо предшествовало ученое жреческое образованіе. Отсюда объясняется совершенно просто великое затрудненіе, какое должны были преодолевать чужеземцы, напр. Пифагоръ, прежде нежели имъ открывали доступъ къ жреческой наукѣ, особенно когда у египтянъ, равно какъ у евреевъ и индійцевъ, всякой чужеземецъ считался нечистымъ... Столь же мало съ такъ называемыми мистеріями египтянъ было соединено какое-либо высшее спекулятивное тайное ученіе. Эти мистеріи, или посвященія на служеніе отдѣльнымъ

египетскимъ божествамъ, изъ которыхъ мистеріи Изиды и Озириса имѣли наибольшее распространеніе, были союзами сочленовъ не жреческихъ классовъ народа, которые послѣ предуготовительныхъ очищеній и посвященій получали право—принимать участіе въ подчиненныхъ должностяхъ при служеніи богу, для которыхъ не требовались собственно урожденные жрецы. Основаніе ко вступленію въ такой союзъ, посвященный отдѣльному божеству, лежало въ особенномъ чувствѣ благоговѣнія, въ особенномъ уваженіи къ извѣстному божеству, въ желаніи поставить себя подъ его ближайшее покровительство, а отнюдь не въ стремленіи къ высшему познанію; ибо нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы тамъ кромѣ тѣхъ разсказовъ изъ легендарной исторіи, которые имѣли отношеніе къ отдѣльнымъ обрядамъ при служеніи божеству, имѣло мѣсто какое-либо сообщеніе высшихъ религіозныхъ воззрѣній изъ науки, собственно принадлежащей жрецамъ».¹

ГЛАВА ВТОРАЯ.

§ 1. Въ предыдущей главѣ изслѣдованія раскрыто, что древніе классики не читали книгъ св. Писанія и не входили въ непосредственныя сношенія съ евреями для ознакомленія съ ихъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ, а равно не могли заимствовать богооткровенныхъ истинъ ветхаго Завѣта и отъ тѣхъ языческихъ народовъ, которые жили между евреями и греками. Путешествуя по Египту, Финикіи и Вавилоніи, греческіе мудрецы не мог-

¹ Röh, ук. соч. Т. I. с. 235—238. Точно также и греческія мистеріи, изъ которыхъ по предположенію могло бы храниться заимствованное отъ восточныхъ народовъ тайное ученіе, не заключали въ себя такого ученія. См. Lobbeck. Aglaoph. p. 10. 68. Древне-греческій міръ и христ. въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи. И. Чистовича. 1871. стр. 17 и 37.

ли научиться от тамошних хранителей мудрости или жрецов ничему такому, что превышало бы натуралистическія воззрѣнія язычниковъ въ религіи и обыкновенныя человѣческія познанія въ наукахъ и искусствахъ, развитыхъ тогда на востокѣ въ довольно значительной степени. Эти выводы подтверждаются нѣкоторыми мѣстами изъ сочиненій самихъ христіанскихъ апологетовъ; но не смотря на то они находили возможнымъ держаться мнѣнія о заимствованіи многихъ истинъ древними эллинами отъ евреевъ. «Откуда у тебя, Платонъ,—спрашивалъ Климентъ Александрійскій,—твои намеки на истину? Откуда этотъ обильный потокъ изреченій, который внушаетъ, подобающее Богу почитаніе? Народы варварскіе, говоришь ты, мудреѣ; знаю я твоихъ учителей, хотя ты и желаешь скрыть ихъ: геометріи ты научился отъ египтянъ, астрономіи отъ вавилонянъ, правила медицины заимствовалъ отъ фракіянъ, многому научили тебя и ассиріане; но истинные законы и ученіе о Богѣ ты съ пользою заимствовалъ отъ евреевъ».¹ Такое убѣжденіе, послѣ внѣшнихъ основаній, изложенныхъ выше, поддерживалось далѣе внутренними основаніями его, особымъ взглядомъ христіанскихъ апологетовъ на разныя мѣста древнихъ классическихъ сочиненій, выдающихся необыкновенною правдивостію и высотой и особенно разительнымъ сходствомъ съ текстами св. Писанія. Всѣ эти внутреннія основанія въ сущности опираются на сходствѣ многихъ изреченій классическихъ съ библейскими, съ которыми неразрывно связаны и возвышенность изреченій и необычайность ихъ въ ряду другихъ положеній классической учености и прочія находимыя въ нихъ качества. Посему это сходство прежде всего требуетъ надлежащаго объясненія.—Христіанскіе апологеты, особенно

¹ Cohort. ad gentes, VI, 19. 20. И Евсевій замѣчаетъ, что «греки не получили отъ восточныхъ народовъ ничего такого, что добраго нѣкоторые изъ нихъ—отъ евреевъ» (объ истинномъ Богѣ). Pr. Ev. X, 4. 472.

Климентъ Александрійскій, собрали довольно много отрывковъ изъ древней классической литературы, которые признаются ими за сходные съ текстами св. Писанія, и слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, заимствованные изъ св. Писанія. Но надобно признать, что изъ такихъ отрывковъ въ сочиненіяхъ, дѣйствительно принадлежащихъ древнимъ классикамъ, нѣтъ ни одного *фактическаго* по своему содержанію, т. е. такого, который содержалъ бы въ себѣ указаніе или на историческое событіе, описанное въ Библии, или на извѣстное лице, упоминаемое въ ней, или на хронологическій фактъ, относящійся къ событіямъ и лицамъ еврейскаго народа. Отсутствие всего подобнаго у классиковъ не можетъ быть объяснено тѣмъ, что предполагаемое заимствованіе могло простираться только на религіозныя и нравственныя истины, не касаясь библейскихъ мѣстъ, не относящихся къ этимъ истинамъ, мѣстъ фактическихъ или историческихъ. Такое объясненіе имѣло бы силу, если бы шла рѣчь объ отношеніи классическихъ писателей къ какой-либо отвлеченной системѣ религіи или нравственности у стороннихъ учителей, откуда дѣйствительно можно брать одни идеи безъ историческихъ и фактическихъ данныхъ, хотя бы данныя такого рода и находились въ изложеніи той или другой системы; но въ отношеніи къ Библии еврейскаго народа—совсѣмъ другое дѣло. Въ ней съ историческими событіями, развивавшимися по началамъ и пѣлямя религіозно-нравственнымъ, съ личностями, учившими и дѣйствовавшими подъ вліяніемъ божественнаго откровенія, съ учрежденіями, носившими особый характеръ выраженія внутреннихъ идей подъ внѣшними образами, однимъ словомъ, съ фактическою стороною св. Писанія такъ тѣсно связаны религіозныя и нравственныя истины, что заимствовать послѣднія безъ первыхъ, и притомъ заимствовать постоянно, нѣтъ никакой возможности.¹ Допу-

¹ Новѣйшій ученый Дѣллингъ говоритъ: «собственно ученія въ книгахъ еврейскаго народа мало, и оно предано почти только (fast nur) посред-

стивъ возможность такихъ выдержекъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ заимствованія, нужно согласиться, что въ большей части случаевъ заимствованіе непременно коснулось бы чего-нибудь историческаго и фактическаго, неразрывно связаннаго съ истинами св. Писанія.¹ Между тѣмъ ничего подобнаго не встрѣчается въ тѣхъ мѣстахъ подлинныхъ сочиненій классиковъ, на которыя христіанскіе апологеты, при раскрытіи мнѣнія о заимствованіи, указываютъ, какъ на пересаженные изъ Библии въ классическую литературу. Этого не опровергаетъ и другое предположеніе, состоящее въ томъ, что фактическая сторона заимствованій изъ Библии находится въ сочиненіяхъ древнихъ классиковъ подъ видомъ мифовъ и легендъ, въ которыхъ скрываются будто-бы историческія лица и событія еврейскаго народа. По мнѣнію христіанскихъ апологетовъ, какъ богооткровенныя истины религіи и нравственности перешли въ греческій міръ несовершенно въ чистомъ видѣ, а съ искаженіями и дополненіями, такъ и во многихъ принадлежностяхъ эллинскаго культа заключаются обряды еврейскаго богослуженія въ искаженномъ видѣ и во многихъ богахъ и герояхъ ихъ нужно видѣть библейскія лица подъ другими именами, напр. въ Атлантъ—Эноха, въ Пандоръ—праматерь Еву, въ Танталъ—Авраама, въ Ніювъ—

ствомъ изложенія событій, сказаній и фактовъ. Главный источникъ, законъ (Thoga), при своемъ историческомъ и законодательномъ содержаніи, не содержитъ собственно никакихъ учительныхъ составныхъ частей; такъ же мало и прочія книги и сборники, за исключеніемъ развѣ книги Премудрости, содержатъ прямого ученія, опредѣленной догмы; они во многихъ случаяхъ предполагаютъ это или приспособляются къ этому, но собственно ученія не представляютъ. Heidenth. und. Judenth. 1857. s. 819.

¹ Какъ, напр. заимствовать іудейское ученіе о единомъ Богѣ [изъ словъ: *Я—Господь Богъ твой, да не будетъ у тебя другихъ боговъ* (Исх. XX, 2. 3)], не сказавши, къ кому относится мѣстоимѣнія: *твой* и *тебя*? Какъ принять въ руководство нравственной жизни которую-нибудь изъ заповѣдей Божіихъ, не упомянувъ о десятичномъ числѣ ихъ, или скривляя законъ, или о томъ, гдѣ даны были заповѣди, или о лицѣ, которому даны, и т. и.?

жену Лотову, въ Эакъ—пророка Самуила и том. под.¹ На это предположеніе прежде всего надобно замѣтить, что періодъ времени древнихъ классиковъ недостаточно древень и слишкомъ непродолжителенъ, чтобы при сношеніи ихъ съ еврейскими писателями могло произойти столь полное искаженіе заимствуемыхъ библейскихъ фактовъ; фактическія свѣдѣнія искажаются въ народной памяти (а не у писателей образованныхъ) болѣе отъ продолжительности времени, протекшаго послѣ ихъ обобщенія между народами, нежели отъ какихъ-либо другихъ причинъ, которыхъ въ настоящемъ случаѣ вовсе не видно; если же произошло такое разительное измѣненіе у всѣхъ греческихъ писателей, то, значить, у нихъ не было сношеній съ евреями или съ еврейскими писаніями. Потому здѣсь, очевидно, представляется не столько указаніе на фактическія заимствованія, сколько собственное объясненіе того, что было въ ученіи древнихъ эллиновъ о богахъ и герояхъ и въ принадлежностяхъ ихъ культа; чтобы съ основательностію принять такое объясненіе, а тѣмъ болѣе вывести изъ него заключеніе о происхожденіи греческихъ мифовъ и легендъ изъ библейскихъ данныхъ, слѣдовало бы напередъ доказать справедливость самаго объясненія и устранить другіе возможные взгляды на тотъ же предметъ, не благопріятствующіе заключенію, — чего не было сдѣлано, — именно: дѣйствительно ли подъ именами боговъ греческой мифологіи скрываются историческія личности вообще и лица еврейской исторіи въ частности? Не суть ли принадлежности эллинскаго культа самостоятельныя произведенія греческаго народа, развивав-

¹ Иустин. Апол. I, 54. Разгов. съ Трифономъ 69 и 70. Увѣщ. къ Эллини. 28. Ориген. Contr. Celv. IV, 38. 39. Климент. Ал. Cohor. ad gent. X, 29. Strom. VI, 3. 267. Евсев. Кес. Pr. Ev. IX, 17. 419. X, 2. 463. — Встрѣлъ за ними и ссылаясь на нихъ тоже утверждали въ прошедшихъ столѣтіяхъ, еще въ большихъ размѣрахъ и систематически, ученые защитники мнѣнія о заимствованіяхъ классиками изъ Библии. Vossius, Bochart, Huetius, De La-vaug и многіе другіе.

шагося въ этомъ отношеніи своимъ національнымъ образомъ подобно всѣмъ другимъ языческимъ народамъ? Не заимствованы ли, хотя не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ ихъ мифовъ и легендъ отъ такихъ народовъ, которые были для нихъ древнѣйшими и ближайшими соседями? Эти взгляды имѣютъ на своей сторонѣ много подтвержденій и каждый порознь, а тѣмъ болѣе всѣ вмѣстѣ служатъ сильнымъ доводомъ противъ высказаннаго предположенія. Такъ еще до временъ христіанскихъ апологетовъ многіе греческіе писатели доказывали, въ послѣдствіи же времени наука ясно доказала, что почти всѣ греческіе боги суть не что иное, какъ олицетворенія силъ природы, а не дѣйствительныя существа, жившія когда-нибудь на землѣ или на небѣ;¹ и слѣдовательно они не могутъ въ тоже время считаться подражаніями знаменитыхъ личностей еврейской исторіи, чтобы иначе и эти послѣднія не обратились также въ мифологическія олицетворенія силъ природы. Далѣе тщательныя изслѣдованія безпристрастнѣйшихъ ученыхъ достаточно подтвердили, что большая часть древнихъ греческихъ мифовъ и легендъ составляетъ національное произведеніе греческаго народа, которое образовалось независимо отъ другихъ народовъ даже ближайшихъ къ нему, нежели евреи, и котораго только начатки, можетъ быть, принадлежать къ тому времени, когда греки жили въ своемъ прежнемъ азіатскомъ отечествѣ между соплеменными націями (не семитическими), отъ которыхъ съ незапамятнаго времени, гораздо прежде Моисея и пророковъ, они отдѣлились въ особый европейскій народъ, болѣе и болѣе противопоставлявшій себя азіатскимъ

¹ Сами апологеты весьма нерѣдко допускали такой взглядъ на боговъ и богинь эллиновъ и другихъ языческихъ народовъ. См. Климент. Ал. Cohort. ad gent. 7. Тертуліан. Adv. Marcion. I, 13. Афинагор. Проп. о христ. гл. 6. 16. 22. Евсев. Pr. Ev. III, I. Лактанц. Div. Instit. II, 14. Специально раскрытъ этотъ предметъ въ апологетическомъ сочиненіи Фирмика Матерна: De errore profanarum religionum. Ср. Preller: Griechisch. Mythologie. 1860. В. I. с. 26—43. и др.

варварамъ¹; и слѣдовательно какое-либо сходство мифовъ и легендъ ихъ съ еврейскими историческими фактами, если оно встрѣчается въ нѣкоторыхъ частностяхъ, могло зависѣть отъ психологическихъ или отдаленныхъ народныхъ причинъ. Остальная же часть греческой мифологіи должна считаться заимствованіемъ отъ ближайшихъ къ европейской греціи народовъ, финиціанъ и египтянъ, у которыхъ находятся боги и культы съ одинаковыми названіями и легендами и которыхъ сношеніе съ древними эллинами не подлежитъ сомнѣнію². Если же эти народы, сообщившіе нѣкоторыя изъ своихъ баснословій греческому народу, установили свои культы и религиозныя воззрѣнія гораздо прежде существованія еврейскихъ книгъ и самыхъ родоначальниковъ отдѣльнаго еврейскаго народа, какъ свидѣтельствуютъ вѣрныя данныя, то производить греческіе мифы, болѣе сходные съ финиціанскими и египетскими, отъ вѣровацій и сказаній евреевъ, значило бы допускать анахронизмъ, не оправдываемый соображеніями, основанными на однихъ догадкахъ. Такимъ образомъ упомянутое предположеніе, бывъ разоблачено отъ своей наружной вѣроятности, остается безъ всякаго содержанія; между мифами и легендами древней Эллады не найдется никакихъ, которые дѣйствительно составились бы зависимо отъ ска-
...³ еврейскихъ священныхъ книгъ³; и потому опять

¹ Preller—ук. соч. В. I. с. 3 и 43—54. В. II. с. 7—9. Schoemann: Griechisch. Alterthümer. 1861. В. I. с. 10. У апологетовъ также встрѣчаются замѣтки о національномъ происхожденіи греческихъ мифовъ. См. Афинагор. ук. соч. 18 и 19. Евсев. Pr. Ev. II, 2. Лактанц. Div. Inst. I, 9—13. Августин. De civ. D. XVIII, 2—27.

² Preller и Schoemann, указ. соч. II этотъ взглядъ находится у апологетовъ. Афинагор. ук. соч. гл. 28. Евсев. Pr. Ev. I, 10. II, 1.

³ Одинъ изъ новѣйшихъ ученыхъ, братко излагая воззрѣніе апологетовъ о заимствованіи классиковъ изъ Библіи, замѣчаетъ: «въ этомъ отношеніи доказательства ихъ оставляютъ пробѣлъ, такъ какъ еще можно думать, что исторически предшествующее религіи евреевъ преданіе человеческого рода отразилось въ религиозныхъ и нравственныхъ взглядахъ варварскихъ народовъ, отъ которыхъ греки ближайшимъ образомъ учились. Древне-христіан-

нужно сказать, что въ сочиненіяхъ древнихъ классиковъ, писавшихъ до сближенія грековъ съ іудеями послѣ завоеваній Александра Македонскаго, нѣтъ мѣстъ, фактически сходныхъ съ библейскими ¹. Положительное доказательство на эту мысль представляютъ тѣ разнообразныя изреченія, правила, вѣрованія классиковъ, которыя приводятся апологетами, какъ сходныя съ текстами св. Писанія. Между всѣми подобными выдержками встрѣчается не болѣе двухъ, прямо фактическихъ и по видимому происшедшихъ ни откуда болѣе, какъ изъ источника писаннаго слова Божія; но при ближайшемъ разсмотрѣніи и онѣ оказываются приведенными для подтвержденія извѣстнаго воззрѣнія безъ достаточныхъ основаній; именно указанія а) на то, будто греки заимствовали отъ евреевъ почитаніе седмаго дня недѣли—субботы, и б) на то, будто философъ Платонъ говорилъ о всемірномъ потопѣ, слѣдуя бытописателю Моисею. Первое указаніе на еврейскую субботу, приводимое Климентомъ и Евсевіемъ, подтверждается у нихъ нѣсколькими стихами трехъ греческихъ поэтовъ Омира, Исіода и Каллимаха ². Но если читать эти стихи безъ предзнанія таго мнѣнія, то во всѣхъ нихъ нельзя усмотрѣть ничего, сказаннаго прямо о субботѣ и даже о седмомъ днѣ недѣли, а въ нѣкоторыхъ не видно никакого предпочтенія

скому времени, котораго взглядъ егда ли простирался далѣе тично-классическаго культурнаго міра, недоставало необходи историческаго кругозора (Überblick), равно какъ и спокойн занятію тѣми науками, которыя были возможны только на основаніи обширнаго изученія народовъ и предполагали богатый запасъ ученыхъ средствъ и открытій, каковой могъ быть собранъ только мало помалу въ теченіи многихъ столѣтій». Geschichte der apolog. und polemisch. Literatur der christlich. Theol., von Werner. 1861. B. I. s. 359.

¹ Ученый Gaiet, въ сочиненіи: La bible sans la bible, Paris. 1866. T. I—V., собравшій свидетельства всѣхъ странъ и всѣхъ временъ о библейскихъ событіяхъ, замѣчаетъ: depuis le déluge, l'histoire d' Abraham et les autres faits de l'histoire hebraïque ne se rencontrent que chez les nations païennes de l'Asie occidentale; le reste du genre humain ignore ce, qui se passe en Égypte et en Judée. Tom. I. Introd. p. VII.

² Strom. V, 14. 256. Pr. Evang. XIII, 12. 668 и XIII, 13. 677.

дню въ сравненіи съ днемъ первымъ, четвертымъ и другими. Въ частности надобно сказать о стихахъ Омира, что три изъ нихъ не находятся въ старинныхъ кодексахъ Илиады и Одиссеи и не приводятся никѣмъ изъ другихъ греческихъ писателей и потому справедливо считаются филологическою критикою за подложныя; а остальные стихи, хотя дѣйствительно находятся въ Одиссеѣ (V, 262), но приведенъ въ измѣненномъ видѣ, съ переменною слова *четвертый* на *седмый* ¹. Изъ двухъ стиховъ Исіода одинъ, не выражающій впрочемъ ничего особеннаго о седмомъ днѣ, считается подложнымъ, какъ не находящійся въ кодексахъ сочиненій этого поэта; другой же, заимствованный изъ его сочиненія подъ заглавіемъ: Ἐρχη καὶ ἡμέραι (ст. 767—769), въ контекстѣ рѣчи, изъ котораго онъ взятъ отрывочно, заключаетъ въ себѣ смыслъ, совершенно не соответствующій духу почитанія еврейской субботы: въ немъ выражается языческое преданіе грековъ о седмомъ днѣ мѣсяца Фаргиліона, въ который по баснословію полагалось рожденіе бога Аполлона, прозваннаго Ἐβδωματογενής, и который потому называется священнымъ; «первый день мѣсяца, четвертый и седмый (ἑβδόμεν) — день священный; ибо гдѣ этотъ (вѣроятно послѣдній) Лито родила носящаго золотый мечъ Аполлона», говоритъ Исіодъ ². Что касается до стиховъ Каллимаха, числомъ пяти въ четырехъ отрывкахъ, то съ одной стороны принадлежность ихъ

¹ Ἐβδωμος (вм. подлиннаго τετράτος) ἡμέρη ἐστὶν, καὶ τῆς τετάρτης ἡμέρας — «былъ четвертый день, когда все было кончено», — говоритъ Одиссей объ устройствѣ корабля, на которомъ онъ отправился съ острова Нимфы Калипсо.

² Слово: *ὁς ἐστὸς* (τῆς) относится къ седмому дню уже на основаніи другихъ свидетельствъ, напр. Иоан. Лида Περὶ μηνῶν IX, 16: Ἐβδόμεν, ἢ ἐπίλητον βουξὶ ἐκάστου Ἐπέλλων. Θεοφιλή Αντ. къ Автол. II, 13. говоритъ, что эллины, зная о еврейскомъ седмомъ днѣ, называли его другимъ именемъ; ибо что у евреевъ называется субботою, то по гречески переводится Ἐβδόμεν. Но Ἐβδόμεν означаетъ и седмичное число, и седмый день недѣли (неопредѣленно, который именно), и время въ семь дней; суббота же соответствуетъ греческое ἡμέρη Κρόνου.

этому поэту подвергается основательному сомнѣнію по несогласному свидѣтельству о томъ самихъ апологетовъ, которые приписываютъ ихъ то ему, то иному, слишкомъ отдаленному поэту Лину, относимому обыкновенно ко временамъ до Омира¹; а съ другой стороны, если приписать ихъ Каллимаху и считать подлинными, то нѣсколько не удивительно, что поэтъ, жившій въ Александріи при дворѣ Птолемея Филадельфа въ то время (280—270 л. до Р. Хр.), когда уже былъ сдѣланъ переводъ 70-ти толковниковъ, и имѣвшій возможность узнать отсюда содержаніе бытописанія Моисеева, выражалъ что-нибудь о седми дняхъ творенія, хотя и въ приведенныхъ словахъ его нѣтъ ничего опредѣленнаго о седмомъ днѣ покоя Божія—основаніи еврейскаго празднованія субботы². Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ заключить, что указаніе христіанскихъ апологетовъ на древнихъ классиковъ, будто они знали о еврейской субботѣ и даже сами имѣли особенное почтеніе къ ней, или повторено ими безъ провѣрки со словъ іудейскаго писателя Аристовула, оказывающихся недостовѣрными, или находилось въ связи съ воспоминаніями ихъ о мистическомъ значеніи, придаваемомъ языческими мыслителями седмичному числу вообще, особенно со временъ философа Пифагора, и отчасти раздѣляемомъ апологетами³, или наконецъ произошло отъ смѣшенія временъ древнихъ съ позднѣйшими и выраженій древнихъ

¹ Евсевій, приводя слова Аристовула (XIII, 12) приписываетъ эти стихи Лину, а приводя слова Климента, вмѣстѣ съ ними приписываетъ ихъ Каллимаху (XIII, 13). Разныя сомнѣнія касательно стиховъ всѣхъ упомянутыхъ поэтовъ см. у Walckenâr, de Aristob. Iud. с. XXXVIII и XXXIX., у Segnier, a Brissone Not. ad. Euseb. p. 1631—1634. и др.

² Слѣды знакомства Каллимаха съ Библіею находятъ въ другихъ стихахъ его Spanheim. Observ. in Callim. T. 2. p. 41. 94. 489. Walckenâr—ук. соч. с. XL. Конст. Экон. ук. соч. T. II. ст. 98—102 и др.

³ Аристотель—Metaph. I, 8. 29. XIII, 121. Цицерон. De nat. Deor. I, 13. Макровій De comnio Scipion. I, 6. Филозъ De Septenario p. 1177. Климент. Алек. Strom. VI, 16. 290 и 291. Лактанцій Div. Inst. VII, 14. Августин. De civ. D. XI, 31.

классиковъ съ подобными свидѣтельствами классиковъ, жившихъ около Рож. Христова, когда еврейская суббота дѣйствительно сдѣлалась извѣстною всѣмъ жителямъ римской имперіи вслѣдствіе знакомства ихъ съ разсѣянными всюду іудеями, и была соблюдаема по закону Моисееву іудейскими прозелитами, впрочемъ не бывъ и тогда въ какомъ-либо особенномъ почитаніи между язычниками¹. Молчаніе древнихъ классиковъ о еврейской субботѣ и нелестные отзывы о ней позднѣйшихъ и притомъ лучшихъ людей классическаго міра, каковы Плутархъ, Сенека, Тацитъ, вполне доказываютъ, что первые не знали, а послѣдніе, узнавъ по слуху, нѣсколько не уважали четвертой заповѣди закона Божія: *помни дни субботній, чтобы свято хранить его: день седмій суббота Господу Богу твоему* (Исх. XX, 8—10. Втор. V, 12—14). Второе указаніе на тотъ фактъ, будто философъ Платонъ зналъ о всемірномъ потопѣ изъ книгъ св. Писанія и говорилъ о немъ согласно съ бытописателемъ Моисеемъ, находится также у Климента и Евсевія и подтверждается у нихъ собственными словами философа изъ подлинныхъ его сочиненій². Евсевій приводитъ для этой цѣли мѣсто изъ Платонова сочиненія «о законахъ» (III, 585. Edit. Ficin.), гдѣ одно изъ разговаривающихъ лицъ спрашиваетъ, справедливы ли древнія преданія (*oi palαιοi λόγοι*) о томъ, что люди много разъ погибали отъ потоповъ, болѣзней и многихъ другихъ бѣдствій, послѣ которыхъ оставалась только малая часть человѣческаго рода? Другое изъ разговаривающихъ лицъ, признавая эти преданія вѣроятными, соглашается и съ болѣе подробнымъ описаніемъ одного изъ бѣдствій—потопа, отъ котораго спаслись только нѣсколько пасту-

¹ Иосиф. Флав. Contr. Ap. I, 22. II, 39. Antiqu. XII, I. Auger. De civ. D. VI, II. Плутарх. Sympos. IV, 6. De Superstit. 7. Страбон. XVI, 525. Овидій De arte amat. I, 416. Ювенал. Sat. XIV, 96—106. Тацит. Hist. V, 4. XXXVI, 2.

² Strom. V, I. 235. Praep. Evang. XII, 15. 587.

ховъ на вершинахъ горъ, оставшихся какъ бы малымъ съменемъ человѣческаго рода. Въ заключеніе же бесѣды говорится: «таковы были тогда дѣла человѣческія, когда совершалась эта погибель, такое великое и страшное опустошеніе, такое переполненіе обильной природы»¹. Отсюда ясно видно, что свѣдѣніе о великомъ наводненіи въ эллинской странѣ дошло до Платона изъ древняго преданія, а не изъ книгъ Моисея, преданія издавна сохранявшагося у самихъ эллиновъ, подобно какъ оно смутно сохранилось у всѣхъ народовъ востока и запада, стараго и новаго свѣта, изъ которыхъ многіе не имѣли и не могли имѣть никакого сношенія съ евреями и сами не знали истиннаго источника свѣдѣній своихъ о потопахъ, или лучше сказать, о потопахъ. Ибо преданія разныхъ языческихъ народовъ о потопахъ имѣли національный и мѣстный характеръ, не простирая взгляда на весь человѣческій родъ по всему земному шару,—чѣмъ существенно отличается отъ нихъ сказаніе Библии о Ноевомъ потопахъ,—и потому не сообщали понятія о единичности этого событія. Не превышали такого характера и преданія о томъ эллинскаго народа, котораго почти каждое племя начинало свою исторію преданіемъ о потопахъ независимо отъ другаго племени;² не возвышался надъ нимъ и фи-

¹ Выраженіе: *οἱ παλαιὸὶ λόγοι*, или *ὁ παλαιὸς λόγος*, у Платона и другихъ классиковъ всегда означаетъ или греческихъ писателей, гораздо древнѣйшихъ, или устное преданіе, существовавшее въ народѣ такъ, что невозможно было въ точности опредѣлить его источника. Въ первомъ смыслѣ употребляетъ его напр. Платонъ же (о законахъ, III, 715), когда говоритъ, что «Богъ есть начало, конецъ и середина всего существующаго» (слова древняго поэта Орфея, см. Евсев. Pr. Ev. III, 9. 100), и что «Ему сопугствуетъ правда (*ἀλήθεια*), наказующая отступниковъ отъ божественнаго закона» (слова поэта Псисода, *Ἐργ. καὶ ἡμέρ.* ст. 254—260). См. Lobeck — *Aglaoph.* p. 529. Во второмъ смыслѣ употребляютъ его напр. Платонъ (*De leg.* L. IV et XII), Аристотель (*Metaph.* XII, 8), поэтъ Евенъ (*Frag. I. Bergk. Poët. Lug. Gr.* 1853. P. I. p. 474), Пнеагореевъ Филолай (у Климентя Алекс. *Strom.* III, 3. 186), самъ Орфей (у Евсевія Pr. Ev. XIII, 12. 664). См. толкованіе этого выраженія у апологетовъ выше на стр. 21 и 22.

² *Die Traditionen des Menschengeschl.* von Lücken. 1869. p. 190—263.

лософъ Платонъ. Въ приведенныхъ словахъ онъ прямо допускаетъ множество потоховъ и не предполагаетъ собственно всемірнаго потопа, поднимавшагося выше всѣхъ горъ земныхъ (Быт. VII, 19—20), а принимаетъ за достовѣрное, что и при великомъ наводненіи, сохранившемся въ народной памяти эллиновъ и приводимомъ у него только для примѣра подобныхъ дѣйствій, могли спастись на горахъ нѣсколько мѣстныхъ жителей. Дѣйствительность такихъ попятій Платона о потопахъ подтверждается другимъ мѣстомъ изъ его разговора «Тимей», которое однако приводится отрывочно Климентомъ Александрійскимъ въ доказательство заимствованій классиковъ изъ книгъ Моисея и пророковъ. Въ этомъ разговорѣ Платонъ говоритъ о Солонѣ, какъ онъ, находясь въ Египтѣ и желая вызвать тамошнихъ жрецовъ на отвѣченность, сталъ сначала самъ рассказывать о древнихъ событіяхъ Греціи, о Форонѣ названномъ первымъ человѣкомъ, о Нювѣ, о Девкаліонѣ и Пиррѣ и ихъ потомствѣ послѣ потопа, а за тѣмъ отъ старшаго жреца, укоровшаго при этомъ случаѣ Солонъ и всѣхъ грековъ въ дѣтскомъ незнаніи древностей, услышалъ, что «многія и различныя были и будутъ истребленія людей, величайшія огнемъ и водою, а меньшія другими безчисленными бѣдствіями», и «когда боги очищаютъ землю потопами, тогда живущіе на горахъ пастухи воловъ и овецъ спасаются, а жители городовъ уносятся въ море». ¹ Слѣдовательно и изъ египетскихъ наставленій, переданныхъ Солономъ, Платонъ у грековъ были преданія о потопахъ—при Инахѣ или сынѣ его Форонѣ Аргивскомъ, при Евротѣ Лакедемонскомъ, при Метарѣ Метарскомъ, при Саонѣ Савоаракійскомъ, при Телхинахъ Родосскихъ, при Танталѣ Троинскомъ, при Лианѣ Аркадскомъ, при Огигѣ Вiotійскомъ и Девкаліонѣ Фессалійскомъ. Христ. апологеты упоминаютъ преимущественно о двухъ послѣднихъ, считавшихся у грековъ наибольшими, полагая Огига современникомъ Моисея, а Девкаліона нѣсколько позднѣе. Таганъ рѣчь прот. Эл. 39. Климентъ. *Strom.* I, 21. 138. и 145. Евсев. *Chronic.* 25. Pr. Ev. X. 40. 489. *Исправа.* Алек. *cont. Iulian.* I, 10. Auger. *De civ. D.* XVIII, 10. Лактан. *Div. J. II, II.* *Орозій Histor. adv. pagan.* I, 9.

¹ *Strom.* I, 21. 138.

вмѣстѣ съ прочими древними классиками не знали о потопѣ болѣе дошедшаго до него изъ греческихъ народныхъ преданій,¹ кромѣ развѣ того, что потоны происходятъ не отъ однихъ силъ «обильной природы», а иногда посылаются богами. Хотя это свѣдѣніе нѣсколько болѣе приближается къ ясному сказанію св. Писанія о главнѣйшей дѣйствовавшей причинѣ Ноева потопа—каравшей грѣшниковъ силѣ Божіей (Быт. VI, 17. VII, 4); по что философъ Платонъ не представлялъ себѣ этой силы, какъ высшей причины потопа, видно изъ того отношенія мыслей его о наводненіяхъ на землѣ, какое имѣютъ онѣ въ упомянутомъ разговорѣ къ ученію его о видимомъ мірѣ вообще и которое объяснилъ одинъ изъ христіанскихъ апологетовъ въ сочиненіи противъ Кельса. «Слова Кельса, — говоритъ Оригенъ,—будто издревле было много сожженій и много потоновъ, изъ которыхъ новѣйшій потопъ происходилъ не такъ давно при Девкаліонѣ, внушаютъ всѣмъ, умѣющимъ ясно понимать его, что по его мнѣнію міръ не сотворенъ (*ἀγέννητος*);² пусть же порицатель вѣры христіанской скажетъ, какія положительныя доказательства заставляютъ его допустить множество сожженій и множество потоновъ, изъ которыхъ новѣйшій потопъ при Девкаліонѣ, а новѣйшее сожженіе при Фаеѳонтѣ; если онъ представитъ разговоры объ этомъ Платона, то мы скажемъ ему, что и намъ позволительно вѣровать, что въ чистой и благочестивой душѣ Моисея, который возвышался 'надъ всѣмъ сотвореннымъ и былъ предавъ водительство Создателя

¹ Прежде всѣхъ греческихъ писателей, сколько извѣстно, высказала мысль о всемірномъ потопѣ, простиравшемся на всю землю (*πάσαν γῆναι*), поэтъ Ликофронъ Халкидскій, жившій въ Александріи при Птоломѣѣ Филадельфѣ (около 280 г.) въ своей поэмѣ: «Александра» или «Кассандра» (ст. 72—79). Ему могла сдѣлаться извѣстною библейская идея Ноева потопа изъ перевода 70 толковниковъ, равно какъ и другіе библейскіе факты, на которые указанія замѣчаются въ его сочиненіи. См. Констант. Эконом. ук. соч. Т. II, стр. 105—116.

² Это—мысль философа Платона. Tim. 27. 28. 51.

всѣхъ, обиталъ божественный Духъ, выразившій дѣла Божіи гораздо точнѣе Платона и всѣхъ мудрецовъ эллинскихъ и варварскихъ»¹. Пра такихъ разностяхъ между разговорами Платона о наводненіяхъ на землѣ и повѣствованіемъ Слова Божія о потопѣ Ноевомъ повѣстно, почему другой апологетъ, осуждая Платона и другихъ языческихъ писателей за разсужденія ихъ о потопахъ, прямо говоритъ: «тѣ, которые писали такія вещи и такъ суетно мудрствовали, жалки, нечестивы и безразсудны; намъ же пророкъ и слуга Божій Моисей, повѣствуя о происхожденіи міра (въ Бытописаніи), разсказалъ, какимъ образомъ былъ потопъ на землѣ»². Послѣ этого можно ли думать о заимствованіи Платономъ у Моисея свѣдѣній о всемірномъ потопѣ, описанномъ въ книгѣ Бытія? Такимъ образомъ не встрѣчая между множествомъ отрывковъ, тщательнѣе собранныхъ апологетами для примѣра изъ сочиненій древнихъ классиковъ, такихъ мѣстъ, которыя были бы дѣйствительно заимствованы изъ св. Писанія по несомнѣнному фактическому сходству съ его текстами, всякій безпристрастный читатель выведетъ заключеніе, что такихъ мѣстъ у нихъ вообще нѣтъ и не было,³ и согласится съ

¹ Contr. Cels. 1, 19.

² Феодил. Антиск. къ Автолик. III, 18. Собственно о Платонѣ здѣсь сказано: «Платонъ говоритъ, что былъ потопъ не по всей землѣ, а только на равнинахъ, и что нѣкоторые спаслись бѣгствомъ на высочайшія горы. Также Тертул. Apolog. 40.

³ Невозможно останавливаться на нѣкоторыхъ другихъ, по видимому фактическихъ указаніяхъ, приводимыхъ апологетами, какъ на дѣйствительныхъ заимствованіяхъ изъ Библіи, напр. будто греки, восклидая въ вакхическихъ оргіяхъ *Ἔως* или *ὄως*, именовали праматеръ Еву (Климент. Cohort. ad gent. II, 4. Евсев. Pr. Ev. II, 3. 63. Феод. къ Автол. II, 26), — будто Милтиадъ, проведши войско къ Марафону почти непроходимую дорогою, подражалъ въ этомъ Моисею, проведшему израильтянъ черезъ пустыню для завоеванія земли обѣтованной (Клим. Strom. I, 24. 150), — будто предписаніе Пинатора не отнимать новорожденное животное отъ матери по крайней мѣрѣ семь дней заимствовано изъ закона Моисеева (Левит. XXII, 27. Клим. Str. II, 18. 172), и т. п., — невозможно какъ потому, что эти указанія приводятся безъ положительныхъ доказательствъ, такъ и потому, что они очевидно составлены подъ влияніемъ мнѣнія о заимствованіяхъ классиковъ изъ Библіи.

замѣчаніемъ одного ученаго критика, сказавшаго объ этомъ предметѣ слѣдующее: «во всемъ, что при чтеніи философовъ поражаетъ душу, встрѣчались ли когда-нибудь повѣствованія о событіяхъ, обстоятельства вещей, названія, опредѣленія временъ и какіе-нибудь особенные образы выраженія, которые должны быть производимы не иначе, какъ изъ книгъ св. Писанія? Нѣтъ, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ понятій о природѣ Божіей, о нравственномъ законѣ, обязанностяхъ, слабости и величіи человѣка, въ которыхъ представляется сходство съ св. Писаніемъ, ничего не найдется (nihil erit)»¹. Если же это справедливо, то вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ важнѣйшая часть внутреннихъ доказательствъ мнѣнія о заимствованіи древними классиками изъ Библии, опирающихся на сходствѣ заимствуемыхъ истинъ. Важность этого вполне сознавали христіанскіе апологеты, собирая такого рода мѣста у поэтовъ и философовъ, историковъ и законодателей, и однако собравъ ихъ несравненно меньше, нежели истинъ общихъ и отвлеченныхъ; потому что даже и въ томъ видѣ, въ какомъ они приведены у апологетовъ, число ихъ гораздо меньше, нежели истинъ отвлеченныхъ, сходныхъ съ библейскими. За неимѣніемъ же у классиковъ мѣстъ фактическихъ, несомнѣнно и дѣйствительно одинаковыхъ съ текстами св. Писанія, заключающихъ въ себѣ признаки своего отъ нихъ происхожденія, остается обратиться за доказательствами къ истинамъ теоретическимъ; но здѣсь справедливо замѣтить, что совершенное отсутствіе первыхъ не можетъ быть вознаграждено никакимъ обиліемъ послѣднихъ, такъ какъ при сравненіи истинъ теоретическихъ всегда возможны большія недоразумѣнія, нежели при сравненіи мѣстъ фактическихъ, и даже въ случаѣ твердыхъ доказательствъ сходства теоретическихъ истинъ

¹ Kaimera Dissert. an veteres legislatores et philosophi e scriptura leges suas et moralem scientiam hauerint. Comm. in. V. cum. N. Test. libros. T. IV. 1734. p. 546.

съ Библиею и заимствованія ихъ именно изъ ней, убѣжденіе въ этомъ можетъ быть, такъ сказать, не фактическое, а только теоретическое и моральное¹.

§ 2. Теоретическія мѣста въ сочиненіяхъ классическихъ писателей древняго періода, обыкновенно приводимыя въ доказательство заимствованій изъ Библии, содержатъ въ себѣ мысли о природѣ Божества, о высочайшемъ Его могуществѣ, вездѣсущи и промышленности, о бытіи и природѣ духовныхъ сотворенныхъ существъ и вообще міра невидимаго, о происхожденіи и природѣ видимаго міра и человѣка, о будущемъ концѣ міра и безсмертіи души человѣческой, о разныхъ обязанностяхъ человѣка къ Богу, ближнему и самому себѣ, и происходящихъ отъ исполненія ихъ добродѣтеляхъ-благочестія, честности, справедливости, терпѣнія, воздержанія и тому подобныхъ предметахъ.² Всѣ эти предметы доступны сужденію здраваго разума человѣческаго и составляютъ область обще-человѣческаго философско-богословскаго мышленія; посему не удивительно, что они встрѣчаются въ сочиненіяхъ древнихъ классиковъ точно такъ же, какъ и въ книгахъ св. Писанія. Но опредѣленія этихъ предметовъ у мыслящихъ людей безконечно разнообразятся соотвѣтственно свойственной каждому изъ нихъ духовной настроенности и способности выражать свои мысли, и часто болѣе или менѣе отступаютъ отъ того опредѣленія, какое дано имъ однажды на всегда въ писанномъ словѣ Божі-

¹ Одинъ изъ защитниковъ разбираемаго мнѣнія въ прошедшемъ столѣтіи невольно высказалъ это: La conformité des expressions, des histoires et des noms, est sans doute bien plus convaincante, que celle des pensées et des sentimens, quoique celle-ci, lorsqu'elle s'étend à un grand nombre de pensées ou de sentimens, fasse une démonstration morale que les derniers les ont pris de ceux qui les ont précédés, outre que certaines pensées, qui sont au dessus de la nature, doivent être rapportées à ceux, qui paroissent les avoir reçues de l'Auteur de la nature. De Lavaur, указ. соч. p. 53.

² Они довольно обогатились и исчислены у Le Nourry, Appar. ad Clem. Alex. Dissert. II. cap. XVI. Art. 1.

емь. По мнѣнію христіанскихъ апологетовъ, тѣ опредѣленія изчисленныхъ предметовъ, которыя выражены сходно съ библейскими, сами собою служатъ доказательствомъ заимствованія ихъ изъ Библии. Но чтобы сдѣлать такое заключеніе, для этого, очевидно, не достаточно обращать вниманіе на *содержаніе* извѣстной выдержки изъ того или другаго классика, такъ какъ оно, принадлежа къ религиозно—правственной области, необходимо касается предметовъ общихъ уму человѣческому и Библии; недостаточно обращать вниманіе и на *образъ выраженій*, опредѣляющихъ мысль по видимому сходно съ библейскими текстами,—хотя образъ выраженій здѣсь становится болѣе важнымъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія о заимствованіи изъ Библии, нежели самое содержаніе,—такъ какъ сходства въ выраженіяхъ безусловнаго и полнаго у классиковъ съ Библиею не встрѣчается, а, главное, такъ какъ извѣстно, что подъ одними и тѣми же словами могутъ заключаться различные смыслы рѣчи, и одинъ и тотъ же смыслъ можетъ быть выраженъ различными словами. По этому необходимъ внимательный анализъ словъ и выраженій автора, чтобы дознать, заключается ли въ его опредѣленіи той или другой религиозно—правственной истины смыслъ подлинно библейскій, такой, какой соединяетъ съ извѣстными словами воззрѣніе іудейское и христіанское.¹ Далѣе различіе смысловъ въ одинаковыхъ изреченіяхъ о предметахъ отвлеченныхъ зависитъ отъ связи этихъ изреченій съ цѣлымъ рядомъ другихъ мыслей того или другаго автора, у первоклассныхъ же писателей отъ связи съ цѣлыми системами воззрѣній, свойственныхъ

¹ Это требованіе оправдывается замѣчаніемъ одного изъ самихъ апологетовъ о епископахъ: «сизософій, проповѣдуя о Промыслѣ, о воздаяніи за жизнь добродѣтельную блаженствомъ и о наказаніи за жизнь порочную мученіями, богословствуютъ вообще (*περίλατίζουσιν*)—въ общемъ смыслѣ, приблизительно), а точности и частности не содержатъ; ибо ни о Сынѣ Божіемъ, ни о промыслительнои возстроительствѣ она не учитъ подобно намъ; потому что она не знала божественной религіи». Клим. Str. VI, 15. 286.

каждому изъ нихъ; значеніе частной мысли ихъ часто можетъ быть опредѣлено не столько по тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ она составлена, сколько по тому способу, какимъ она сливается съ систематическимъ цѣлымъ, по характеру, какой сообщаетъ ей это цѣлое, по относительной цѣнности, какую имѣетъ она между сопряженными съ нею мыслями, такъ что иногда и довольно ясное само по себѣ изреченіе вслѣдствіе спеціальнаго отношенія его къ одной системѣ не можетъ быть понимаемо буквально и признано тождественнымъ съ другимъ, подобнымъ ему, но относящимся къ другой системѣ.¹ По этому, прежде признанія тождества частныхъ мыслей и усвоенія ихъ общему источнику, слѣдуетъ при каждомъ случаѣ предполагаемаго заимствованія обращать вниманіе на полное ученіе извѣстнаго мыслителя и разъяснить для себя и для другихъ, не есть ли мысль его, по видимому сходная съ библейскою и выраженная сходно съ текстомъ св. Писанія, естественный отпрыскъ изъ корня его воззрѣній, и точно ли она могла появиться у него не иначе, какъ только чрезъ орошеніе изъ того источника? Между тѣмъ у христіанскихъ апологетовъ почти нигдѣ не встрѣчается анализа частныхъ изреченій древнихъ классиковъ, какой нуженъ для точнаго опредѣленія смысла рѣчи; если у нихъ иногда присовокупляются нѣкоторые разборы тѣхъ мѣстъ, которыя признаются ими за сходныя съ библейскими и слѣдов. заимствованныя изъ Библии, то по большей части это не столько анализъ словъ и выраженій,

¹ На этомъ основаніи можно согласиться съ аббатомъ Freppel, который находитъ не совсемъ справедливымъ обвиненіе греческихъ классиковъ въ воровствѣ другъ у друга, сдѣланное Климентомъ Алекс. какъ для доказательства вообще сходности ихъ къ заимствованіямъ, такъ и для примѣра подобнаго отношенія ихъ къ Библии: quant aux fragments poétiques qu'il met à parallèle, je dois dire, que le plagiat ne me paraît guère démontré; parmi ces maximes énoncées en vers ou en prose, il s'en trouve qui reproduisent la même pensée, mais sous une forme différente. Clem. Alex. Par. 1865. p. 141. См. Клим. Strom VI, 2. Извлеченіе у Евсевія Pr. Ev. X, 2.

сколько собственное объяснение ихъ, прямое нахождение въ нихъ идей св. Писанія¹; но такой приемъ можетъ пораждать одни вопросы и недоумѣнія, а не рѣшать дѣла. Какъ собственное объяснение фактическихъ мѣстъ подобнымъ образомъ можетъ вести къ усвоенію классикамъ знанія такихъ фактовъ изъ Библии, которые были имъ все неизвѣстны, такъ и недостаточный анализъ словъ и выражений автора, съ присвоеніемъ имъ посторонняго значенія, можетъ вести къ допущенію въ нихъ такого опредѣленія религіозной или нравственной истины, котораго никогда не было въ умѣ классическаго мудреца. Еще менѣе найдется у апологетовъ, при раскрытіи ихъ воззрѣній, сопоставленій частныхъ мыслей того или другаго классика съ общимъ духомъ его ученія, съ цѣлою системою его вѣрованій и убѣждений. Нѣтъ сомнѣнія, что первые защитники христіанства, вышедшіе изъ философскихъ школъ, знали философскія системы и иногда имѣли ихъ въ виду, когда замѣчали противорѣчіе какой-нибудь возвышенной религіозно-нравственной идеи съ другими идеями одного и того же автора, но такія замѣчанія имѣли бы большую силу для доказательства заимствованія новой идеи изъ новаго источника (а какого, это другой вопросъ), если бы не ограничивались, и притомъ весьма

¹ Примеровъ на это очень много. Напр. въ Увѣщ. къ Эллин., приписываемомъ Іустину (гл. 15), говорится, что въ словахъ Орфен: «заклинаю тебѣ первымъ словомъ (ἑξ ἑκ) Отца», разумется Слово Божіе, чрезъ которое получили бытіе небо и земля; только *ἑξ ἑκ* здѣсь употреблено вмѣсто *ἀπὸ*. Еще (гл. 32) утверждается, что Платонъ въ словахъ: «добродѣтель достается не отъ природы и не отъ ученія, но дается промысломъ Божіимъ», говоритъ о Духѣ Святомъ, узнавъ о немъ отъ пророковъ, только замѣняетъ его другимъ именемъ — добродѣтелию. Климентъ, приводя изъ Омира слова Менеланъ къ малодутнымъ волнамъ: «но погибнете все вы, разсыпаетесь водою и прахомъ» (Иліад. VII, 99), находитъ въ нихъ ученіе св. Писанія о сотвореніи человека изъ персти и указаніе на слова пророка Исаяи — X, 6. (Strom. V, 14. 254. также Увѣщ. къ Эллин. гл. 30). Онъ же въ словахъ Епихарма: «слово (или разумъ — λόγος) управляетъ человекомъ», находитъ ученіе о Слово Божіемъ (Str. V, 14. 258). Еще примѣры см. выше на стр. 25 и 26.

рѣдко, сопоставленіемъ частныхъ мыслей съ частными же, одною или двумя, мыслями автора.¹ Вообще же приводимыя апологетами многочисленныя выдержки изъ классическихъ сочиненій имѣютъ характеръ отрывочности и не представляютъ ничего похожаго на обсужденіе извѣстнаго мыслителя съ его точки зрѣнія и на основаніи собственныхъ его началъ. Такое отношеніе къ этимъ выдержкамъ можетъ подавать поводъ къ преувеличеннымъ выводамъ и производить еще болѣе важныя отступленія отъ правильнаго взгляда на чужія мысли, нежели недостатокъ словеснаго анализа. Какъ недостаточное знакомство съ религіозно-нравственными воззрѣніями разныхъ восточныхъ народовъ, имѣвшихъ сношеніе съ эллинами, можетъ способствовать къ отнесенію эллинскихъ мыслей не къ тому источнику, изъ котораго онѣ произошли, такъ несопоставленіе частныхъ мыслей съ цѣлыми системами авторовъ можетъ доводить до отторженія ихъ отъ того корня, на которомъ онѣ возрасли и созрѣли. Для примѣра и объясненія того, какъ теоретическія изреченія классиковъ, по видимому сходныя съ библейскими по содержанию и по формѣ и на этомъ основаніи считавшіяся заимствованными изъ св. Писанія, при ближайшемъ анализѣ и сопоставленіи оказываются вовсе несходными съ библейскимъ ученіемъ, разберемъ нѣсколько мѣстъ изъ двухъ греческихъ писателей, которые чаще прочихъ представляются у апологетовъ обличителями самихъ себя въ заимствованіи изъ книгъ Моисея и пророковъ; именно поэта Орфея, — самаго старшаго, и философа Платона — младшаго классика разбираемаго періода времени. — Изъ орфическихъ произведеній важнѣйшее мѣсто занимаетъ въ на-

¹ Впрочемъ у апологетовъ, сомнѣвающихся въ справедливости мнѣнія о заимствованіи истинъ древними классиками изъ Библии, какъ-то: Оригена, Тертуліана, Августина и Лактанція замѣтно болѣе желаніе углубиться въ цѣльный строй мыслей поэтовъ, философовъ и другихъ классиковъ при изложеніи ихъ взглядовъ на религіозные и нравственные предметы. Но по этому, быть можетъ, они и принадлежатъ къ числу сомнѣвающихся.

стоящемъ вопросѣ отрывокъ изъ такъ называемыхъ *Завѣщаній* Орфея (*Διαθήκαι*), содержащій по видимому достойное и высокое ученіе о Богѣ, особенно о единствѣ Бога. Мысли, казавшіяся апологетамъ сходными съ библейскими, заключаются въ немногихъ выраженіяхъ, сказанныхъ въ видѣ увѣщанія къ юношѣ Музею: «взирай на одного царя міра; одинъ—самородный; все есть порожденіе одного, и въ томъ онъ самъ находится; никто изъ смертныхъ не видитъ его, а самъ онъ видитъ всѣхъ (ст. 7—9); нѣтъ другого, кромѣ великаго царя (ст. 13); онъ утвердился на мѣдномъ небѣ, этомъ золотомъ престолѣ, ступилъ ногами на землю и простеръ правую руку повсюду до предѣловъ океана; и трепещутъ огромныя горы, и рѣки, и глубина сѣдаго лазуреваго моря (ст. 17—21)». ¹ Сомнѣваться въ дѣйствительномъ существованіи Орфея—фракійскаго пѣвца, котораго греки считали представителемъ древнѣйшей (до Омира и Исіода) религиозной поэзіи и первымъ учредителемъ Елевзинскихъ мистерій вообще и мистическаго культа бога Діониса въ частности, нѣтъ достаточныхъ основаній; равно нѣтъ основательныхъ причинъ отвергать, что существенныя части приведеннаго отрывка принадлежатъ этой прославленной личности, хотя, можетъ быть, нѣкоторыя выраженія составлены въ его духѣ позднѣе собирателемъ орфическихъ сочиненій поэтомъ Ономакритомъ съ сотрудниками (около 560 года до Р. X.), или Пифагорейцами, которые по разсѣяніи общества ихъ въ Италіи переселились въ Грецію и оставили слѣды своего вліянія на стихотворенія Орфея, по свидѣтельству языческихъ и христіанскихъ писателей. ² Вопросъ о цѣ-

¹ Иустин. Увѣщ. къ Эллин. 15. О единствѣ. 2. Климент. Cohort. ad. gen. VII, 22. Strom. V, 14. 259. Евсев. Пр. Ев. XIII, 12. 664. Кирилл. Ал. Contr. Julian. I, 26. Теодоритъ. Graec. affect. cap. II, 25. Не все они приводятъ стихи Орфея въ одинаковомъ видѣ и составѣ. Подробный разборъ этихъ разносѣй см. у Lobbeck: Aglaophan. p. 439—464.

² Дѣйствительность существованія Орфея доказываютъ на основаніи древнихъ свидѣтельствъ, между прочими, S. Hermannus въ Orphica, Lips. 1805.

лости и подлинности каждаго выраженія здѣсь не имѣетъ особенной важности; потому что во всякомъ случаѣ приведенный отрывокъ въ этомъ своемъ видѣ относится къ древнѣйшему періоду греческой литературы, до временъ Александра Македонскаго. Главный и существенный вопросъ состоитъ въ томъ, какой подлинный смыслъ заключается въ характеристическихъ выраженіяхъ отрывка, точно ли въ нихъ содержится ученіе о единомъ Богѣ въ смыслѣ іудейско-христіанскомъ и есть ли основаніе находить въ немъ заимствованіе изъ Библии. Св. Иустинъ, прежде всѣхъ апологетовъ приведши упомянутый отрывокъ, находитъ въ немъ опредѣленное ученіе о единомъ Богѣ, заимствованное непосредственно «изъ писаній Моисея» и высказанное Орфеемъ какъ бы вслѣдствіе раскаянія при концѣ жизни въ противоположность обыкновенному его многобожному ученію. Тоже утверждаютъ Климентъ, Евсевій, Кириллъ Алекс. и Теодоритъ, изъ которыхъ послѣдній допускаетъ заимствованіе изъ Моисеевыхъ писаній посредственное, прибавляя: «Орфей научился этому отъ египтянъ, которые получили нѣкоторые наставленія въ истинѣ отъ евреевъ.» ¹ За неимѣніемъ какихъ-нибудь Proleg. Gesner. p. XLIV—XLVII, и Röth: Geschichte unser. abendl. Philos. 1846. T. II. s. 24. Послѣдній называетъ его eine völlig geschichtliche Persönlichkeit, не смотря на сомнѣнія въ этомъ со временъ Аристотеля (Cicero. de nat. deor. I, 38) и баснословныя преданія, которыми фантазія грековъ окружила жизнь Орфея (Preller: Griechisch. Mythologie, B. 2. s. 486—490). Но произведенія, извѣстныя подъ его именемъ, приписываются разнымъ лицамъ разныхъ періодовъ до позднѣйшихъ временъ Александрійскихъ синкретистовъ и даже Неоплатониковъ. См. ук. соч. Hermanni, Lobbeck, Röth; также Suidas — Ὀρφεύς; Pauly: Real-Encyclop. T. V. s. 998. Orpheus. И. Чистовича: Древне-греч. міръ и христ. въ отношеніи къ вопр. о безсмертіи. С.-П.-Б. 1871. стр. 50—66. У христ. апологетовъ—Татиан. Рѣчь къ Эллин. I и 41. Климент. Strom. I, 21. 144. Евсев. Пр. Ев. X, II. 495.

¹ Теодор. ук. соч. II, 26. Апологеты называютъ Орфея то учителемъ или отцемъ Музы (Иуст. Увѣщ. къ Элл. 15. Татиан. Рѣчь къ Элл. 39. 41. Евсев. Пр. Ев. X, II, 495), то ученикомъ его (Климент. Strom. I, 21. 144. Евсев. Пр. Ев. IX, 27. 432), иногда отождествляя имя Моисея съ Музеемъ (Пр. Ев. IX, 8. 411. IX, 27. 442); послѣднее, впрочемъ, со словъ іудейскаго писателя Артанана и философа Нуминія. Но въ самомъ отрывкѣ Музей представляется ученикомъ Орфея. Кромѣ того они иногда относятъ Орфея къ баснословнымъ
9*

исторических и фактических данныхъ для принятія или непринятія этого мнѣнія, необходимо обратиться къ содержанию самаго отрывка и къ другимъ произведеніямъ Орфея, чтобы вывести изъ нихъ болѣе вѣроятное заключеніе. Что же представляетъ отрывокъ? Употребленныя здѣсь выраженія сами по себѣ не даютъ яснаго и несомнѣннаго указанія на откровенное ученіе объ истинномъ Богѣ, но удобно могутъ быть согласены съ языческими понятіями о божествѣ, высшемъ началѣ всего существующаго; извѣстно, что и у египтянъ, и финиціанъ, и халдеевъ, и грековъ и другихъ язычниковъ была смутная и неопредѣленная мысль о единствѣ существа, высшаго всѣхъ другихъ боговъ; только они разумѣли подъ именемъ его не истиннаго Творца и Промыслителя вселенной. Приписываемое изображаемому существу названіе *царя* міра нисколько не измѣняетъ смысла рѣчи, если отнести ее и къ верховному существу египетской или греческой мифологии; предикаты: *великій, самородный (ἀπογενής), невидимый*, легко совмѣстимы съ идеею самаго высшаго и невѣдомаго бога, кто бы онъ ни былъ и какимъ-бы ни представлялся въ воображеніи писателя¹; а выраженія: *все есть порожденіе одного и въ томъ онъ самъ находится*, болѣе свойственны пантеистическому, господствовавшему у язычниковъ взгляду на первую причину всего видимаго и невидимаго, нежели исповѣднику чистаго ученія о творчествѣ и вездѣсущи Божіемъ. Сочетаніе всѣхъ мыслей и выра-

временамъ Персея, Дюннея и Иракла (Татиан. гл. 39. Клим. Strom. I, 21. 139. Евсев. Пр. Ев. II, 1. 47), а иногда полагають позднѣ Моисея (Тат. гл. 41. Клим. Strom. I, 21. 141). По ученымъ изслѣдованіямъ новѣйшихъ время жизни его можно положить около 1250 года до Р. Хр., слѣдовательно, гораздо позднѣ Моисея. Путешествіе его въ Египетъ, хотя на основаніи преданія упоминается у позднихъ историковъ — Діодора Сицил. IV, 25. и Павзанія VI, 25, но по хронологическимъ даннымъ не могло вести его къ знакомству съ Моисеемъ или его писаніями въ Египтѣ.

¹ Притомъ ἀπογενής означать и *рожденнаго здѣсь*, туземца (отъ ἀπό — здѣсь, и γενέσθαι — *рождаю*).

женій отрывка отъ начала до конца таково, что ни въ цѣломъ составѣ, ни по частямъ онъ не встрѣчается въ книгахъ св. Писанія, исключая послѣднихъ словъ, которыя нѣсколько подобны текстамъ пророчества (Исаі. X, 14. XL, 12. LXVI, 1.), но которыхъ смыслъ, очевидно, не опредѣляетъ понятія о божествѣ, заключающагося въ предъидущихъ словахъ, а на оборотъ самъ зависитъ отъ этого понятія, какое бы оно ни было. Напротивъ, наряду со всѣми этими выраженіями въ томъ же орфическомъ произведеніи вставлены такія мысли и употреблены такія слова, которыя никакъ не могутъ считаться заимствованіемъ изъ св. Писанія и совмѣститься въ умѣ того, кто писалъ предъидущія фразы, если бы онъ имѣлъ въ виду единаго истиннаго Бога. Здѣсь употреблено названіе *Зевса*, который прямо называется *царствующимъ надъ всѣмъ* (ст. 16) и къ которому непосредственно и относится описаніе царя, сидящаго на небесномъ золотомъ престолѣ, попирающаго ногами землю и колеблющаго горы и море.¹ Здѣсь же приписывается изображаемому существу свойство, рѣшительно несогласное съ идеею Бога въ смыслѣ іудейскомъ или христіанскомъ, но согласное со взглядомъ древнихъ язычниковъ, которые признавали боговъ своихъ виновниками добра и зла, посылаемаго людямъ (напр. въ Илиадѣ XXIV, 527—529), считая добро и зло съ пантеистической точки зрѣнія совершенно необходимымъ явленіемъ въ міровомъ развитіи божества, какъ и говорится здѣсь буквально: «онъ изъ добра производитъ смертнымъ зло, и жестокою войну, и плачевшія бѣдствія (ст. 11 и 12).»² Эти черты, ясно высказанныя и находящіяся въ

¹ Подъ именемъ *Зевса* въ словахъ классиковъ апологеты иногда прямо разумѣють Бога евреевъ и христіанъ (Дустин. Апол. I. 53 и 64. Ульцъ, къ валли. 31. Асинагор. Прогн. о христ. 23. Евсев. Пр. Ев. XIII, 12. 166. и 13. 681). Но основаній на это никакихъ не приводятъ.

² Не смотря на то, Климентъ (Strom. V, 14. 259) и въ этой мысли находилъ переиразъ словъ Божіихъ, сказанныхъ Моисеемъ: *Я умерщвляю и осуж-*

тѣсной связи съ прочими выраженіями не совсѣмъ ясными, показываютъ, что весь приведенный у апологетовъ отрывокъ самъ по себѣ не можетъ дать точнаго понятія объ идеѣ божества, содержащейся въ умѣ автора стихотворенія¹, и подлинный смыслъ его долженъ быть определенъ точнѣе чрезъ снесеніе съ другими мѣстами Орфеева ученія о божествѣ. Такое сопоставленіе можетъ быть сдѣлано съ достаточною точностію. Въ самомъ отрывкѣ есть указаніе на то, что онъ составляетъ только приложение къ какому-то другому сочиненію, въ которомъ болѣе подробнымъ образомъ излагалось ученіе о божествѣ; ибо здѣсь внушается поучаемому слушателю, чтобы онъ шелъ вѣрно «по указанному пути,» имѣя предъ очами одного царя міра и взирая на «божественное слово» (*λόγον θεῖον*), прилѣжно упражняясь въ немъ и направляя по нему свой умъ и сердце (ст. 5—7). Какое же это божественное слово, о которомъ могъ говорить Орфей своему ученику и въ которомъ Музей могъ видѣть подлинное

ляю, И поражаю и Я исцѣляю (Втор. XXXII, 39). Но наказанія, иногда посылаемыя Богомъ для исправленія людей,—это кажущееся зло, допускаемое для послѣдующаго добра, конечно, не можетъ быть названо зломъ, производимымъ изъ добра. Первое можетъ быть приписано и истинному Богу, а послѣднее—ни въ какомъ смыслѣ.

¹ Замѣчательно, что у Евсевія (Рг. Ев. XIII, 12. 664), который приводитъ этотъ отрывокъ со словъ Аристотѣла іудея, отчасти и у Климента (Str. V, 14. 259), всѣ исчисленныя выраженія имѣютъ другой видъ, болѣе близкій къ библейскому тексту. Здѣсь уже читается: «взирая на одного Творца (*Τοῦτοῦτον*», вм. *ἑνός*) міра; одинъ—самосовершенный (*ἑαυτοτέλειος*); Имъ все совершается (*τελείεται* вм. *ἐκ τούτου τέλειται*), и въ томъ Онъ вникаетъ (*περιπίσσειται* вм. *περιγύβεται*); никакая изъ душъ смертныхъ не видитъ Его, но Онъ созерцается умомъ; Онъ не посылаетъ смертнымъ зла изъ благъ (*οὐκ ἐπιστέλλει*, вм. *δίδωσι* или *ῥοφείνει*).» Имени Зевса вовсе нѣтъ. Кромѣ того здѣсь являются уже и вставки фактическаго содержанія, указывающія на «отрасль халдеевъ» (*ἀπορροῆς χυλδαίων*, т. е. Авраама, по изъясненію Климента), на «взятая отъ воды» (*ὕδατος* или *ὑδρογενής*, т. е. Моисея), на «двѣ скрижали закона» (*διπλάκη θεσμών*). Все это заставляетъ критику — считать такую редакцію отрывка позднѣйшею и тенденціозною, и доказываетъ, что въ подлинныхъ Орфеевыхъ стихахъ нельзя было видѣть прямого сходства съ библейскимъ ученіемъ о Богѣ, и потому Аристотѣлу или кто-нибудь другой передавалъ ихъ по-своему.

ученіе своего учителя? По изслѣдованіямъ новѣйшихъ ученыхъ это божественное слово есть не что иное, какъ «священное сказаніе» (*ἱερός λόγος*), которое составляло необходимую принадлежность мистическихъ культовъ и содержало въ себѣ объясненіе вѣдѣнныхъ обрядовъ, изложеніе мифическихъ преданій культа, изображеніе свойствъ и природы почитаемаго божества¹ и т. п. Между Орфеевыми сочиненіями оно называлось иначе *ἱεροὶ λόγοι*, или *Θεογονία*, сочиненіе дошедшее до насъ въ весьма немногихъ отрывкахъ, но вполнѣ известное классической древности, въ отношеніи къ которому *Завѣщанія* (*Διαθήκαι*) суть не что иное, какъ прологъ или эпилогъ.² Полное довольно большое сочиненіе, къ которому относятся всѣ эти названія, составляло религиозно-философскую эпопею, въ которой содержался цѣлый кругъ языческо-орфическихъ понятій, начиная съ ученія о происхожденіи греческихъ боговъ изъ первобытной причины всего и съ сотворенія видимаго міра и оканчивая ученіемъ о мѣрѣ преисподнемъ и будущей жизни людей по смерти. Сколько можно судить по дошедшимъ до насъ отрывкамъ изъ 24 рапсодій этой эпопеи, въ ней между прочимъ содержалось особенное прославленіе главнаго бога греческой мифологіи Зевса,

¹ Слѣдов. подъ именемъ *ἱερός λόγος* у древнихъ классиковъ разумѣть св. Писаніе, какъ иногда полагали апологеты (см. выше на стр. 21), по меньшей мѣрѣ бездоказательно. Объ этомъ см. Lobeck: *Aglaoph.* p. 153.

² Röhrl указ. соч. Т. II, с. 626—629. Jablonsky *Opusc.* Т. II, p. 397. Lobeck. *Aglaoph.* p. 365. 454. и 614. Walckenar: de Aristob. *Ind.* с. XXV. Suidas—*Ἱεροὺς*. Тоже видно и изъ словъ апологетовъ, сказанныхъ предъ выписками изъ *Διαθήκαι*: «Орфей представляетъ истинную палинодію своего идолопоклонническаго богословія, когда поетъ свое истинно-священное слово (*τὸν ἱερόν ἕρως λόγον*).» Клим. *Сoh.* ad. g. VII, 21. ср. Евсев. *Рг. Ев.* XIII, 12. 664. Θεογονію можно признать за одно съ *ἱερός λόγος* или *ἱεροὶ λόγοι* на томъ основаніи, что въ двухъ древнѣйшихъ каталогахъ сочиненій Орфея, у Климента (Str. I, 21. 144) и Свиды (*Ἱεροὺς*), о Θεογονіи вовсе не упоминается и такого названія (Θεογονία) между ними не было известно до Кедрина и Малады (*Aglaoph.* p. 726). Самое названіе *Διαθήκαι* (завѣты — подобно Ветх. и Нов. Заветамъ) сдѣлалось известнымъ только со временъ св. Іустина, а до того не встрѣчается ни у кого изъ древнихъ классиковъ (*Aglaoph.* p. 314.)

не вполне согласное съ народнымъ воззрѣніемъ на него, какъ на одно изъ челоѣкообразныхъ существъ, обитающихъ на Олимпѣ, но такое обоготвореніе его, въ которомъ Зевсъ съ философской точки зрѣнія отождествлялся съ первоначальною невѣдомою причиною всего существующаго, чтобы тѣснѣе связать судьбу его и всего Олимпа съ судьбою міра, именно Зевсъ изображался какъ душа міра, которой тѣло есть видимая нами природа и вся вселенная. Евсевій Кесарійскій приводитъ отрывокъ изъ этой поэмы, со словъ Неоплатоника Порфирія, изъ котораго дѣйствительно видно чисто-пантеистическое воззрѣніе орфическаго ученія о Зевсѣ, и между тѣмъ въ немъ встрѣчаются буквально выраженія, употребленныя въ сочиненіи *Διαθήκη*, такъ что неясныя очерки послѣдняго касательно божества въ этомъ отрывкѣ проясняются и дополняются; здѣсь читается: «Зевсъ царь—великій владыка всего,» а вмѣстѣ съ тѣмъ «мущина и женщина (*ἄρσην, ὑμίψη*)», «одна сила» или «одно царственное тѣло (*δέμας*)», «все произошло изъ (*ἐκ*) Зевса и все содержится въ немъ, въ великомъ его тѣлѣ; онъ самъ невидимъ какъ пропасть земли и звѣздъ «о неба, но можетъ быть созерцаемъ въ вещахъ видимъ міра, какъ частяхъ его гигантскаго тѣла, въ солнцѣ и лунѣ, въ огнѣ и водѣ, въ землѣ и эфирѣ» и пр. Порфирій, приведши этотъ отрывокъ, дѣлалъ заключеніе, что Зевсъ, по ученію орфическихъ богослововъ, есть весь міръ (*Ζεὺς ἔν ὅ πᾶς κόσμος*); и Евсевій, разсмотрѣвъ тщательно, какого Зевса изображаютъ приведенные стихи, продолжаетъ: «они изображаютъ, я думаю, не иное что, какъ видимый міръ, состоящій изъ различныхъ частей, изъ которыхъ однѣ, небо, эфиръ и находящіяся въ нихъ звѣзды, поставлены какъ бы во главѣ великаго тѣла, а другія находятся въ воздухѣ, на землѣ, въ морѣ и подобныхъ мѣстахъ, какъ показываютъ самыя слова стихотворенія (слѣдуетъ повтореніе нѣкоторыхъ стиховъ)...; такъ Орфей, считая міръ

огромнымъ животнымъ и называя его Зевсомъ, неприкровенно утверждаетъ, что умъ его есть эфиръ, а тѣло-прочія части міра...; таково ученіе египтянъ, отъ которыхъ Орфей заимствовалъ свое богословіе, принявъ міръ за бога, состоящаго изъ многихъ боговъ, какъ своихъ частей; ибо они считали и части міра богами; кромѣ этого *ничего болше* (*ὅ δὲ πλεόν*) предложенныя слова стиховъ не выражаютъ; и откуда этотъ поэтъ, почерпавшій изъ такого источника, какимъ образомъ, или отъ кого позаимствовалъ изобразилъ бы въ своихъ стихахъ премірнаго Бога, Создателя солнца, луны и звѣздъ, самаго неба и всего міра; Откуда у него могло быть вѣдѣніе о безтѣлесномъ? Объ этихъ предметахъ онъ не имѣлъ никакого понятія»¹ И такъ въ Орфеевомъ стихотвореніи, извѣстномъ подъ названіемъ *Θεογονία*, или *περὶς λόγος*, заключалось грубое пантеистическое ученіе о существѣ высочайшемъ; потому что существо, живущее въ самомъ мірѣ, подобно ему вѣчному, неразрывно связанное съ нимъ и ограниченное имъ, не можетъ быть истиннымъ Богомъ, абсолютнымъ Духомъ, Творцемъ и свободнымъ обладателемъ вселенной, а есть только несамосознательныя и несвободная душа видимаго міра; другое же сочиненіе подъ названіемъ *Διαθήκη* находилось въ тѣсной связи съ первымъ и представляетъ существенное сходство съ нимъ въ мысляхъ и выраженіяхъ, включая въ себѣ также пантеистическій взглядъ на божество; слѣдовательно въ этомъ сочиненіи нѣтъ ни противорѣчія

¹ Пр. Ев. III, 9 и 10. 100—103. Оригенъ (Contr. Cels. I, 18) также рѣшительно противопоставляетъ Орфея, Музея и другихъ ихъ учениковъ Моисею какъ въ теоретическомъ, такъ и въ нравственномъ ученіи. Между тѣмъ изъ Орфеевой *Θεογονіи* два отрывка приводятся Климентомъ Ал. въ примѣръ сходства съ св. Писаніемъ и заимствования изъ него (Strom. V, 14. 258 и 259) и самъ Евсевій (Пр. Ев. XIII, 13. 684 и 688) буквально повторяетъ соображенія Климента. На это повторимъ слова одного ученаго, сказанныя по поводу воззрѣнія апологетовъ: «упоминаемый Лустиномъ греческій поэтъ (Орфей—пантеистъ) воспѣвалъ вѣчную, живую, проникнутую божественною силою природу, а не Бога, котораго святая воля есть основаніе бытія природы и высочайшій законъ міра». Tzschirner: Fall des Heidenth. 1829. s. 245.

многобожному ученію Орфея, изложенному въ другихъ его произведеніяхъ, ни какого-либо раскаянія въ прежнемъ ученіи и опроверженія самого себя, ни дѣйствительнаго сходства съ текстами св. Писанія, ни заимствованія изъ этого боготкровеннаго источника.— Изъ послѣдующихъ классиковъ никто, по мнѣнію христіанскихъ апологетовъ, не былъ столько свѣдущъ въ ученіи еврейскихъ священныхъ книгъ, какъ философъ Платонъ. Климентъ Александрійскій называетъ его «еврейскимъ философомъ» и «аттическимъ Моисеемъ»; Евсевій Кесарійскій посвящаетъ нѣсколько главъ своего сочиненія сравненію ученія Платонова съ библейскимъ и говоритъ, что Платонъ почти буквально переписывалъ тексты св. Писанія въ своей философской системѣ; вообще всѣ апологеты, державшіеся мнѣнія о заимствованіи классиками изъ Библии, указываютъ на философа Платона и замѣчаютъ, что онъ, руководясь свѣтомъ откровенія, становился какъ бы въ преддверіи божественной истины, а удаляясь отъ него, впадалъ въ ошибки и заблужденія¹. Изъ многихъ, приводимыхъ ими въ доказательство этого мѣста изъ сочиненій Платона, возьмемъ для анализа и сопоставленія одно мѣсто, которое казалось сходнымъ съ текстами св. Писанія какъ по формѣ, такъ и по содержанію, и заключающимъ въ себѣ библейское ученіе о сотвореніи видимаго міра, именно слова изъ Платонова разговора *Тимей* (р. 28), гдѣ излагаются между прочимъ слѣдующія мысли о видимомъ мірѣ: «все небо или міръ, или какое бы другое названіе ни было придано ему, пусть такъ и называется; о немъ прежде всего надобно узнать то, что слѣдуетъ узнавать въ началѣ о всякомъ предметѣ, всегда ли онъ былъ, не имѣя начала бытія, или началъ существовать съ како-

¹ Клим. Strom. I. 1. 118. I, 21. 148. Евсев. Pr. Ev. IX, 16. 411. XI, XII и XIII. I. 14. 43. Иуст. Апол. I. 59. 60. Апол. II, 13. Ориген. Contr. Cels. VI, 18. 19. Кирил. Ал. Cont. Jul. I, 34. и другіе.

го-нибудь времени; ибо онъ видимъ, осязаемъ и тѣлесенъ; а все такое подлежитъ чувствамъ; подлежащее же чувствамъ доступно для мышленія и оказывается производнымъ (созидаемымъ) и рожденнымъ (*γενόμενος ἢ γενεῖται*); далѣе тѣ, что произведено, по нашему убѣжденію, необходимо должно было произойти отъ какой-нибудь причины; найти же создателя и отца (*παιτήν ἢ πατέρα*) этой вселенной трудно и нашедши возвѣститъ всѣмъ невозможно». Климентъ Александрійскій, указывая на это мѣсто, утверждаетъ, что по словамъ Платона, заимствовавшаго такое ученіе отъ Моисея, міръ не только получилъ начало бытія, но и рожденъ отъ Бога, какъ сынъ отъ отца, каковыми названіями (сына и отца) выражается, что міръ произошелъ отъ Него одного и сотворенъ изъ ничего¹. Евсевій Кесарійскій, замѣняя въ приведенномъ отрывкѣ выраженіе *отца* словомъ *устроитель* (*δημιουργός*), въ доказательство заимствованія самого ученія изъ Библии обращаетъ вниманіе на сходство выраженій Платона съ текстами св. Писанія, замѣчая, что Платонъ объявляетъ міръ получившимъ начало такъ же, какъ Моисей въ словахъ книги Бытія: *въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю* (Быт. I, 1)². Но мысль о заимствованіи этого ученія Платономъ изъ Библии, очевидно, не можетъ быть прямо выведена изъ этого мѣста, такъ какъ Платонъ здѣсь же объясняетъ, какимъ путемъ онъ доходитъ до ученія о происхожденіи нынѣ существующаго міра, именно путемъ логическаго разсужденія, по требованію со стороны здраваго смысла достаточной причины всего существующаго; и при помощи наблюденія надъ внѣшними чувственными предметами онъ доходитъ до заключенія, что какъ части міра, такъ и весь міръ принадлежитъ къ числу предметовъ, имѣющихъ причину своего настоящаго бытія и состоянія въ

¹ Strom. V, 14. 253.

² Pr. Ev. XI, 29. 557. Ср. Иуст. Апол. I, 59. Осодор. ук. соч. IV, 62.

чем-нибудь другомъ и происходящихъ отъ своей причины двумя способами, или посредствомъ созиданія или посредствомъ рожденія; если приложить къ невѣдомому виновнику существованія міра оба эти акта произведенія другихъ существъ, то его можно назвать создателемъ и отцемъ міра¹. Больше этихъ понятій о причинѣ видимаго міра никакихъ другихъ вывести невозможно тѣмъ способомъ изслѣдованія, какой взятъ въ основаніе разсужденія; и больше этого Платонъ не говоритъ здѣсь ничего; онъ не объясняетъ въ настоящемъ мѣстѣ, кто этотъ виновникъ бытія міра, изъ чего и какимъ образомъ онъ создалъ вселенную, въ какомъ смыслѣ міръ называется рожденнымъ отъ своей причины, надобно сыну отъ отца, въ одинаковомъ ли съ созиданіемъ (что невозможно) или въ различномъ и пр. Такъ неопредѣленно Платонъ сказалъ здѣсь о твореніи міра, что дѣйствительно трудно не только объяснить другимъ, но и самому себѣ представить идею о создателѣ и вмѣстѣ отцѣ міра! Что же касается до сходства его ученія съ библейскимъ, то, правда, здѣсь есть и о видимому все нужное для объясненія происхожденія міра и все служащее къ наглядному сходству ученія Платонова съ Моисеевымъ: есть и виновникъ произведенія міра—*создатель* и *отецъ*, есть и предметъ произведенія—*небо, міръ, вселенная*, есть и актъ произведенія, выраженный двумя понятіями *созиданія* и *рожденія*; но если въ предметъ произведенія можно узнать тоже небо и ту же землю, о которыхъ говоритъ Моисей въ книгѣ Бытія (это, конечно, небольшое сходство, и къ заключенію о заимствованіи самаго ученія изъ книги Бытія вести не можетъ), то въ Платоновомъ виновникѣ и актѣ произведенія

¹ Слово *отецъ* здѣсь соответствуетъ выраженію *υπερβασις*, а слово *пастырь*—выраженію *ποιμαίνων*; по этому сдѣланная Евсевіемъ замѣна слова *отецъ* другимъ словомъ *устройтель* (*δημιουργός*) представляется неумѣстной, и притомъ ничѣмъ не оправдывается, кромѣ развѣ того, что въ другихъ мѣстахъ Платонъ нѣсколько употребляетъ и это слово.

рѣшительно нельзя признать Творца и творенія Моисеева. Тогда какъ у священнаго бытописателя представляется виновникомъ міра вышесмірное и личное единое Существо (*Bois*), не устрояющее только или раждающее вселенную, но свободно дающее отъ Себя ей бытіе, котораго она прежде не имѣла (*ex nihilo*), и тогда какъ актъ произведенія изображается дѣйствительнымъ сотвореніемъ, т. е. приведеніемъ міра изъ небытія въ бытіе, во всѣхъ основаніяхъ и составныхъ частяхъ его и безъ всякаго субстрата для творческой дѣятельности, подлиннымъ сотвореніемъ изъ ничего (*сotворилъ*—въ еврейскомъ קרא — *небо и землю*), въ отрывкѣ изъ Платонова Тимея такихъ понятій вовсе нѣтъ¹. А какія именно заключаются въ немъ понятія о Творцѣ и твореніи міра, если уже подразумѣвать подъ его выраженіями что-нибудь больше вышесказаннаго, для объясненія этого нужно обратиться къ какимъ-нибудь другимъ мѣстамъ Платоновыхъ сочиненій и къ цѣлому систематическому взгляду его на природу и происхожденіе видимаго міра. Въ системѣ Платонова ученія о мірѣ, высказанной во многихъ мѣстахъ его разговоровъ, виновникъ бытія вселенной представляется собственно не Творцемъ міра, а только устройтелемъ (*δημιουργός*), и созданіе міра не есть собственно твореніе его, но только образованіе изъ прежде — существовавшей вѣчной матеріи — *Эл*, какъ называли ее въ послѣдствіи Платоники. Образованіе міра произошло тѣмъ актомъ, что вѣчная идеи божества, при посредствѣ Его дѣятельности, отпечатлѣлись на первоначальной матеріи, которая дотошъ была безъ формы и безъ опредѣленныхъ свойствъ. Эта первобытная матерія есть непремѣнное условіе и основаніе бытія всего существующаго въ мірѣ. Она до акта образованія находилась

¹ Находить эти понятія въ названіяхъ *смыа* и *отца*, какъ дѣлаетъ Климентъ Алек., очевидно невозможно; изъ нихъ напротивъ можно выводить понятія, весьма несоответствующія библейскому догмату о сотвореніи міра.

въ хаотическомъ состояннн, въ которомъ всѣ вещественные элементы были перемѣшаны и въ безпорядочномъ движеннн, началомъ котораго была неразумная душа, вѣдренная въ хаосъ и подчинявшаяся слѣпой необходимости. Первое дѣло божественнаго создателя состояло въ томъ, что онъ обуздалъ душу хаоса своимъ умомъ (*νοῦς*)—истеченнемъ своего собственнаго существа, — который соединился и какъ бы смѣшался съ нею и обратилъ ее изъ неразумной въ разумную, изъ безпорядочной въ благоустроенную, изъ двигавшейся безъ цѣли въ дѣйствующую цѣлесообразно; вмѣстѣ съ тѣмъ и матерія, посредствомъ отпечатлѣнн на ней божескихъ идей, получила опредѣленность, пространственное ограниченн и правильное движенн¹. Такимъ образомъ библейская идея чистаго творенн чужда Платонову воззрѣнн на происхожденн мнра, равно какъ и всѣмъ философамъ древней Греціи²; потому что еще до акта мнрообразованн отъ вѣчности существовала не только матерія, вещество образовавшагося въ послѣдствнн мнра, но и душа, тѣсно связанная съ нимъ, какъ своимъ тѣломъ и имъ управляющая. Послѣ этого и высочайшее существо, образовавшее мнръ такимъ образомъ, не можетъ быть названо въ собственномъ смыслѣ Творцемъ вселенной, произведшемъ ее изъ небытн въ бытн; оно есть только художникъ, созидатель, устроитель, образователь, приведшн въ стройный видъ неимѣвшее этого вида³, или, по другому выраженн Платона,

¹ Платон. *Timaeus*. p. 27. 34. 36. 44. 48. 51—53. *Politic.* 272. 273. 302. 369. *Phaedr.* 246. Плутарх. *Quaest. Platon.* II, 2. *De ser. num. vindict.* c. 5. См. Döllinger: *Heidenthum und Iudenth.* 1857. q. 282—284.

² Понятн чистаго творенн было неизвѣстно греко-римской древности—говоритъ Бравлицъ въ *Geschichte der Griech-Römisch. Philosophie.* 1856. T. I, s. 306.

³ Всѣ слова, употреблявшнся у грековъ о Богѣ по отношенн къ мнру, не выражаютъ съ точности идеи чистаго творенн, ни *δημιουργός*—художникъ и вародный правитель, ни *ποιητής*—созидатель и поэтъ, ни *κτίστης*—наобрѣтатель и строитель, ни *πλαστής*—образователь и обдѣлыватель, и пр., потому что у нихъ не было самой идеи.

отецъ этого дитяти, для котораго первобытная матерія есть мать¹. Какъ она безъ дѣятельности Бога на всегда осталась бы безплоднымъ началомъ, такъ и Богъ безъ ней не произвелъ бы ничего существующаго въ мнрѣ; потому что во всякомъ организованномъ предметѣ есть прежде всего матерія и потомъ отпечатлѣнная на немъ форма, сходная съ божественною идеею этого предмета; посредствомъ идеальной формы каждый предметъ составляетъ звѣно въ общемъ планѣ и гармонн мнра, между тѣмъ какъ по своей вещественности подлежитъ непостоянству и злу². Слѣдовательно и самый мнръ, произведенный такимъ образомъ, не есть въ собственномъ смыслѣ *сотворенный* предметъ; онъ есть только упорядоченное существо, которому никогда не было чуждо ни основанн собственнаго его бытн, ни одушевляющее его начало, по ему до образованн недоставало только того, что служить къ стройности, цѣлесообразности и красотѣ (*κόσμος*); и если бы сообщенное ему божествомъ въ началѣ организацин разумное и идеальное образованн было когда-нибудь отнято отъ него, то съ нимъ отнюдь не произошло бы полнаго разрушенн и совершеннаго исчезновенн, возможнаго только при идеѣ чистаго творенн³. Напрасно, для устранения несогласн Платона съ Моисеемъ въ существенныхъ пунктахъ ученн о творенн мнра, нѣкоторые изъ апологетовъ предлагали особыя толкованн допущенной Платономъ первобытной *матерн*, изъ которой образовался видимый мнръ, и названн *демиурга*, которое Платонъ перѣдно приписывалъ создателю вселенной. Такъ Климентъ Александрийскн говоритъ, что матерія Платонова не имѣетъ никакихъ свойствъ (*ἄπειρον καὶ ἀσχηματιστόν*) и потому не есть

¹ *Tim.* p. 27. 28. 51. Döllinger, *ук. соч.* s. 301.

² *Politic.* p. 30. 38.

³ Посему у Платона мнръ называется и вѣчнымъ, и сынномъ Божиимъ, и вторымъ Богомъ. *Tim.*, *Epinomid.* и др. Ориген. *Cont. Cels.* V, 7. 582. Августин. *De civ. Dei.* XIII, 17.

дѣйствительное существо, какъ и самъ Платонъ иногда называлъ ее чѣмъ-то не существующимъ (*μη ὄν*), а отсюда слѣдуетъ, что созидать изъ такого какъ бы несуществующаго предмета значитъ творить изъ ничего¹. Но, если Платонъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ первобытную матерію какъ бы тѣнію вещей, безформеннымъ и безкачественнымъ веществомъ (*ἄμορφον, ἄπειρον*) и только чѣмъ-то способнымъ къ существованію въ видѣ міра; то съ другой стороны несомнѣнно, что онъ не считалъ этой основы видимаго міра только возможною для бытія, а не дѣйствительно бывшею, придавалъ ей коренныя принадлежности вещества—пространственность и дѣлимость, и ясно представлялъ ее отъ вѣчности существующею отдѣльно отъ божества, которое приступило къ образованію ея, какъ чего-то, видъ его находившагося и даже двигавшагося безпорядочно; названіе же не существующаго (*μη ὄν*) не въ строгомъ смыслѣ, а только относительнаго ничто, придавалось первобытной матеріи по сравненію ея съ существомъ Божіимъ, котораго бытіе не ограничивается пространствомъ и временемъ, и съ божественными идеями, которымъ также принадлежитъ богоподобное бытіе, чуждое случайности, измѣняемости и преемственности, и съ самимъ слѣдующимъ міромъ, котораго разнообразныя качества по идеямъ божества могли проявиться, по мнѣнію Платона, только въ такой матеріи, которая сама не должна имѣть прежде никакихъ качествъ². Названіе *демиурга* или устроителя, по мнѣнію нѣкоторыхъ апологетовъ, Платонъ употреблялъ о Богѣ не въ собственномъ смыслѣ, а

¹ Strom. V, 14. 152. Слова Моисея: *земля же была безвидна и пуста* (Быт. 1, 2),—продолжаетъ Климентъ,—подали философамъ поводъ допускать такую матерію. Но у Моисея земля вмѣстѣ съ небомъ представляется сотворенною изъ ничего, а у Платона матерія считается несозданною, какова бы она ни была въ началѣ.

² Tim. p. 49. 52. 53. Phileb. p. 735. Tennemann: System der Platon. Philosophie. 1795. B. III. s. 27. и 175.

по приспособленію къ понятіямъ своего народа, разумѣя подъ именемъ Зевса—Демиурга, устроителя все и управляющаго всѣмъ, именно Творца вселенной,—употреблялъ не какъ названіе свойственное Богу въ настоящемъ случаѣ, но какъ общепародное, желая сколько-нибудь сдѣлать для всѣхъ понятною идею Бога-Творца, о которомъ не только выразиться, но и разсуждать яснымъ для всѣхъ образомъ онъ находилъ невозможнымъ¹. Но если Платонъ не имѣлъ въ своемъ языкѣ точнаго и понятнаго слова для выраженія идеи истиннаго Творца вселенной, то имѣлъ достаточно словъ для выраженія идеи истиннаго творенія; объясненіе этой послѣдней могло бы служить основаніемъ для правильнаго разумѣнія и несобственного названія Творца; а такъ какъ онъ нигдѣ не сдѣлалъ этого объясненія, то находить въ употребленномъ имъ названіи чуждое ему понятіе имѣть достаточныхъ основаній; напротивъ, имѣя въ виду несомнѣнное допущеніе Платономъ вѣчной матеріи, существовавшей прежде образованія міра, надобно сказать, что, означая дѣятельность Бога въ этомъ случаѣ названіемъ *демиурга* или *ποιητή*, онъ наилучшимъ образомъ выражалъ подлинный взглядъ свой на Бога, какъ устроителя первоначальнаго хаотическаго вещества и распорядителя силами природы²; сущность ученія здѣсь выразилась въ названіи, и названіе зависѣло отъ сущности ученія, несогласнаго съ библейскимъ, и слѣдовательно не заимствованнаго изъ Библии. Къ этому можно прибавить, что въ цѣломъ взглядѣ Платоновомъ на созданіе міра заключается нѣсколько другихъ пунктовъ, не только не сближающихъ его съ ученіемъ Моисея, но доказывающихъ

¹ Угстин. Увѣщ. къ Эллин. 31. Аристарх. Проп. о христ. гл. 6. Вѣроятно, на этомъ основаніи апологеты сами употребляють нигдѣ названіе *Демиурга* о Творцѣ Богѣ (наприм. Кирил. Алекс. Cont. Iul. III, 97), впрочемъ съ объясненіемъ этого слова въ смыслѣ истиннаго творенія.

² Платон. Phaedr. p. 246. Sympos. 178. Protag. 323. Ion. 531. Politic. III, 389. Ксенофонт. Memorabil. I, 4.

рѣзкую противоположность между ними. Когда Платонъ допускаетъ бытіе двухъ совѣчныхъ существъ и притомъ признаетъ одно изъ нихъ началомъ добра, а другое началомъ зла въ мірѣ, то очевидно его ученіе носитъ въ этомъ отношеніи характеръ дуализма со всѣми его послѣдствіями, несовмѣстнаго съ іудейскимъ ученіемъ о единомъ Богѣ. Когда онъ говоритъ о смѣшеніи міровой души съ умомъ Божиимъ, какъ истеченіемъ божескаго существа, то система его заключаетъ въ себѣ черты пантеизма, немыслимаго въ ученіи Слова Божія о сотвореніи міра и всего существующаго въ мірѣ. Посему справедливо другіе христіанскіе писатели, болѣе безпристрастно смотрѣвшіе на идеальное ученіе знаменитаго греческаго философа, не одобряли возвращенія его на происхожденіе видимаго міра, и не одобряли иногда самымъ рѣшительнымъ образомъ. Такъ Кириллъ Александрійскій, объясняя, что Юліанъ богоотступникъ въ этомъ самомъ отрывкѣ изъ Платонова Тимея находилъ ученіе о началѣ міра, нисколько не худшее ученія Моисея о сотвореніи неба и земли, и опровергая умствования врага христіанства, говоритъ: «совершенно пльнившись вымыслами Платона и превознося ихъ чрезмѣрными похвалами, Юліанъ заблудился вмѣстѣ съ нимъ, не мудрствуя ничего здраваго и колеблясь всякимъ вѣтромъ ученія»¹. — Изъ этихъ примѣровъ очевидно, что тщательный анализъ мыслей и выраженій въ какомъ-нибудь теоретическомъ изреченіи классическаго писателя и сравненіе ихъ съ цѣльнымъ взглядомъ его на предметы, къ кругу которыхъ относится изреченіе, можетъ открыть существенное не сход-

¹ Contr. Julian. I, 57. Густинъ то одобряетъ ученіе Платона о твореніи міра, то осуждаетъ. Мѣст. въ Эл. кн. 7. 22. 23. Разгов. съ Триф. 5. Анол. II, 13. Сюда же можно отнести все, сказанное у христіан. писателей противъ ученія о вѣчной матеріи: у Θεодора въ Автол. I, 4. Евсев. Пр. Ев. VII, 19—22. Тертул. Contr. Iudaeorum. с. 1—3. Оригена, св. Иполита, Августина, Лактанція, и другихъ; особенно у Захарія Митиленакаго, апологета 6-го вѣка по Р. Хр., въ разговорѣ его: *Ἀδελφικός*, о вѣчности міра. Edit. Barth. 1855.

ство тамъ, гдѣ дотолѣ было находимо видимое сходство. При такомъ способѣ изслѣдованія потеряли бы свою привлекательную наружность многія положенія древнихъ классиковъ, признаваемые за копіи съ библейскаго подлинника, и религіозныя и философскія, и возвратились бы къ своимъ истиннымъ источникамъ, изъ которыхъ они протекли. Идеи Платона, напримѣръ, которыя представлялись апологетамъ согласными съ ученіемъ св. Писанія и почерпнутыми изъ Библии, на самомъ дѣлѣ оказались бы не только полною собственностію гениальнаго философа, но и противорѣчными съ нѣкоторыхъ сторонъ своихъ откровеннымъ истинамъ¹. Нравственное изреченіе Сократа (у Платона) объ уподобленіи Божеству, какъ высшей цѣли человѣческой дѣятельности, и подобный же идеальн. цѣли человѣческой жизни, составленный Стоиками, въ существѣ дѣла оказались бы сколько выводомъ изъ ученія ихъ о душѣ міра, которая по ученію Платона есть источникъ душъ человѣческихъ, а по ученію Стоиковъ есть самъ Богъ, столько же мечтою, чуждою истинныхъ понятій о томъ, въ чемъ именно должно состоять уподобленіе человѣка Богу². Еще болѣе, безъ сомнѣнія, открылось бы несогласіе между классиками и Библиею, если бы представить общее духовное настроеніе древняго классическаго міра, въ которомъ обращались они всю свою жизнь и которое необходимо проникало въ

¹ Св. Густинъ считаетъ идеи Платона заимствованіемъ изъ книгъ Моисея (Увѣщ. къ Эл. 29. см. выше на стр. 15). Климентъ (Strom. V, 14. 253) и Евсевій (Пр. Ев. XI, 23. 546) доказываютъ примѣрами, что у Моисея и пророковъ (Быт. 1, 27. Псал. XXXVIII, 7. Исai. XL1, 2) есть точно такое же ученіе объ идеяхъ. Но Тертузіанъ считаетъ эти идеи сменемъ ересей (haeretica semina Gnosticorum et Valentinianorum). De anima с. 18 et 23.

² Клим. Str. II, 19. 174. V, 14. 253. Евсев. Пр. Ев. XIII, 13. 669. Θεодор. ук. соч. XI, 153. Противъ этого Евсев. Пр. Ев. VI, 9. 272. XIII, 14. 491. Ориген. Contr. Cels. I, 10. V, 7. VII, 71. О Стоикахъ см. De relatione christianam inter ae stoicam morum doctrina. Comm. I. Poznischeff. Petr. 1827., гдѣ авторъ приходитъ къ заключенію, что нравственное ученіе Стоиковъ, по крайней мѣрѣ древнихъ, не заимствовано изъ св. Писанія, pag. 176—178., хотя христіан. апологеты крѣпко держались этого мнѣнія.

ихъ образъ мыслей, и противопоставить это настроеніе общему духу богооткровеннаго ученія о существенныхъ предметахъ религіи и нравственности. Но никто не сознавалъ и не утверждалъ столь сильно, какъ сами христіанскіе апологеты, несогласія общаго характера классической древности съ духомъ воззрѣнія іудейско-христіанскаго; въ ихъ сочиненіяхъ рѣшительными и правдивыми чертами описано все недостоинство и нечестіе греческой міеологіи и греческаго культа, не смотря на видимое превосходство ихъ предъ другими языческими религіями, изображена вся превратность коренившихся въ безнравственной религіи правилъ жизни и дѣятельности, господствовавшихъ въ эллинской мудрости, не смотря на ихъ блестящую иногда наружность; и вся эта оцѣнка сдѣлана на основаніи точныхъ и прямо изъ св. Писанія почерпнутыхъ идей святости и добродѣтели и направлена къ полному убѣжденію въ томъ, что классическій міръ древней Греціи какъ не зналъ и не разумѣлъ первыхъ заповѣдей закона Божія, опредѣляющихъ отношеніе человѣка къ Богу, потому что не имѣлъ понятія и не чувствовалъ сердечной любви къ Богу, составляющей сущность этихъ заповѣдей, такъ же не зналъ и не имѣлъ истинной любви и къ ближнимъ, составляющей сущность послѣдующихъ заповѣдей закона Божія¹, т. е. не зналъ и не имѣлъ того, на чемъ утверждаются весь законъ и пророки (Мат. XXII, 40). Слѣдовательно

¹ Что язычники не знали заповѣдей ветхаго Завета, объ этомъ см. у Теофила къ Автол. II, 35, и Кирил. Ал. Contr. Iul. V, 132. и дал. Апологетъ Татианъ (Рѣчь къ Элл. гл. 21) даже замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ: «я говорю это (о греческомъ культѣ) только условно, а въ самомъ дѣлѣ наше познаніе о Богѣ неприлично и сравнивать съ ивнѣими тѣхъ, которые погрузились въ вещество и нечистоту». На основаніи апологетовъ характеристически изображаютъ классическій міръ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи: Tzschirner: Fall des Heident. 1829. p. 280—294. A. Tholuck: Der sittliche Charakter des Heidenth. Aufl. 3. Goth. 1867. Вообще съ христіанской точки зрѣнія—Döllinger: Heidenth. und Judenth. 1857. s. 222—313. Согласно съ ними, изъ основанія самихъ классиковъ, Fr. Nägelsbach: Die nachhomerische Theologie. Nürnberg. 1857. и другіе.

распространяться объ этомъ предметѣ въ настоящемъ случаѣ значило бы уклониться отъ точки зрѣнія самихъ апологетовъ на заимствованія классиковъ изъ Библии; вся сила ихъ доказательствъ, равно какъ и другихъ защитниковъ ихъ мнѣнія, опирается на отдѣльныхъ выдающихся изреченіяхъ, блиставшихъ подобно искрамъ въ общемъ мрачномъ ученіи древнихъ мудрецовъ, и потому, какъ скоро эти изреченія оказываются не относящимися къ Библии и происшедшими совершенно изъ другихъ источниковъ, то падаетъ и сила доказательствъ.

§ 3. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что среди отдѣльныхъ теоретическихъ мѣстъ въ сочиненіяхъ древнихъ классиковъ иногда встрѣчаются такія возвышенныя, которыя невольно ставишь рядомъ съ библейскими текстами, и такія прямая и свѣтлыя по мысли и выраженію, въ которыхъ невозможно подозрѣвать и посредствомъ анализа отыскать какой-нибудь другой смыслъ, кромѣ сходнаго съ истинами св. Писанія. Это преимущественно тѣ мѣста, гдѣ выражается противорѣчіе классика или самому себѣ, своей системѣ и своей школѣ, или всему религіозно-нравственному строю эллинизма, мѣста дѣйствительно составляющія какъ бы внезапныя блестящія среди господствующаго мрака. Доказательство заимствованія классиками изъ Библии, основанное на подобныхъ блестящихъ изреченіяхъ, можетъ быть признано сильнѣйшимъ изъ всѣхъ доказательствъ этого воззрѣнія; потому что при чтеніи такихъ мѣстъ всякому самъ собою представляется посторонній источникъ ихъ, независимый ни отъ собственнаго ученія извѣстнаго мудреца, ни отъ окружающей его среды¹. Какой же это источникъ? Священ-

¹ Такихъ мѣстъ очень не много; но такъ какъ для подтвержденія мнѣнія о заимствованіи классиками изъ Библии достаточно было бы и *одного только* изреченія, несомнѣнно и доказательно происшедшаго изъ книгъ св. Писанія, то объясненіе и немногихъ подобныхъ изреченій надлежащимъ образомъ имѣетъ важность при изслѣдованіи ивнѣнія апологетовъ. Указанія на такія мѣста, какъ на доказательство заимствованія, въ отдѣл. I, на стр. 22 и 23.

ныя ли писанія Моисея и пророковъ, какъ утверждаютъ апологеты? Но нельзя не замѣтить, что большая часть противорѣчій одного и того же мудреца самому себѣ или общему духу эллинизма легко объясняется тѣмъ, чѣмъ обыкновенно объясняются разнорѣчія во мнѣніяхъ и изреченіяхъ человѣческихъ, — именно разнообразіемъ источниковъ, изъ которыхъ они были почерпаемы. Въ отношеніи къ древнимъ классикамъ это объясненіе имѣетъ тѣмъ большую силу, чѣмъ болѣе подтверждается засвидѣтельствованнымъ исторіею фактомъ усиленнаго исканія ими познаній вѣры и нравственности (вмѣстѣ съ прочими познаніями) во всѣхъ мѣстахъ, которыя только были доступны для нихъ, исканія, которое съ точки зрѣнія защитниковъ упомянутаго воззрѣнія возбуждалось сопряженіемъ ихъ съ писателями ветхаго Завета, а, по недостатку историческихъ на это доказательствъ, можетъ считаться слѣдствіемъ постоянного сопряженія ихъ не съ тѣми писателями, а съ другими не столь надежными учителями. Отъ чего философъ Платонъ иногда противорѣчитъ самъ себѣ? — спрашивалъ одинъ христіанскій писатель, изучившій сочиненія этого философа, и отвѣчалъ на вопросъ слѣдующимъ образомъ: «ученики Платона, не желая признать въ немъ противорѣчія, утверждаютъ, что онъ вообще есть не ясный учитель, или по зависти скрываетъ свою мысль; но нѣтъ въ немъ ни того, ни другаго; только ученики его забываютъ, что онъ перенесъ въ Элладу философію халдеевъ и египтянъ, преподавалъ ученіе и Пифагора, и Ираклита, и Емпедокла, и какое только преподавалось другими, дабы философы академіи не были несвѣдущи ни въ чемъ, мудро сказанномъ гдѣ-бы то ни было; поему и о веществѣ онъ говорилъ, что оно то рождено, то нерождено, и о душѣ утверждалъ, что она низшла на землю то для наказанія, то для усовершенствованія, то невольно, то по собственному желанію; и онъ и Пифагоръ, и халдеи и египтяне, не всѣ говорятъ одно и

тоже объ одномъ и томъ же, и не одно и тоже каждый»¹. Стремись къ приобрѣтенію познаній и собирая ихъ отвсюду, греческіе философы часто впадали въ непримиримыя противорѣчія. Правда, такое объясненіе не устраняетъ всѣхъ сомнѣній, оставляя не рѣшеннымъ, откуда происходили противорѣчія у самихъ учителей позднѣйшихъ философовъ, откуда у тѣхъ и другихъ появлялись среди темныхъ и нечистыхъ понятій мысли свѣтлыя и сходныя болѣе съ богооткровенными истинами, нежели съ ихъ обычными сужденіями, и слѣдовательно не надобно ли опять допустить, что все это происходило отъ знакомства ихъ между другими источниками и съ источникомъ Слова Божія. Почему не допустить, что, приобрѣтая познанія другъ отъ друга и отъ постороннихъ, особенно восточныхъ народовъ, древніе классики пользовались и книгами св. Писанія, и вслѣдствіе этого впадали въ противорѣчія? Но, если съ одной стороны нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ изложенное объясненіе противорѣчій въ ученіи классиковъ, то съ другой стороны нѣтъ возможности и нѣтъ никакой надобности допустить и послѣднее предположеніе для объясненія этихъ противорѣчій. Невозможно для объясненія этихъ противорѣчій. Невозможно допустить — потому, что (не говоря о недостаткѣ историческихъ на то доказательствъ) знакомство съ высокимъ, истиннымъ и во всѣхъ частяхъ согласнымъ съ самимъ собою ученіемъ писаннаго Слова Божія не могло бы оставить мѣста противорѣчій въ умѣ здравомыслящемъ; всякой мудрецъ, который дочерпнулъ бы живой воды изъ источника богооткровеннаго ученія, понялъ бы нелѣпость

¹ Энциклопедія, апологетъ 5-го вѣка по Р. Хр., въ разговорѣ *Θεοκρατος*, предметъ котораго — безсмертіе души и происхожденіе человѣческаго тѣла. См. Edit. Barth. 1655. p. 11-13. Также можно указать о Пифагорѣ, который, по словамъ Порфирія (*Vita Pythagor.* XI, 6), всю богословскую и религиозную часть своего ученія заимствовалъ отъ египтянъ, математическо-астрономическую отъ египтянъ, финикійянъ и халдеевъ, а богослужебную и обрядовую отъ маговъ персидскихъ, или отъ Зороастра.

языческих мнѣній о важнѣйшихъ предметахъ религіи и нравственности и не сталъ бы искать свѣдѣній о нихъ въ источникахъ мутныхъ и одуряющихъ; таково свойство истинъ, заключающихся въ св. Писаніи; онѣ сколько являютъ себя въ свойственномъ имъ свѣтѣ, столько же при появленіи своемъ прогоняютъ мракъ языческихъ заблужденій, по убѣжденію самихъ христіанскихъ апологетовъ. «Отъ нашихъ учителей,—говоритъ писатель Увѣщанія къ эллинамъ,—невозможно узнать ничего истиннаго о богочтении; ибо они взаимными несогласіями достаточно доказали свое незнаніе; поэтому слѣдуетъ обратиться къ нашимъ предкамъ, которые и по времени гораздо древнѣе вашихъ учителей и ничему не учили насъ по своему собственному вымыслу, притомъ не разногласили между собою и не старались опровергать мнѣнія другъ друга, но безъ всякихъ споровъ и разногласій приняли этъ Бога вѣднѣе и передали его намъ; они съ такою вѣрностію самими себѣ, съ такимъ согласіемъ другъ съ другомъ, какъ бы одними устами и однимъ языкомъ, учатъ насъ о Богѣ, о сотвореніи міра, о созданіи человѣка и о безсмертіи души человѣческой, о будущемъ послѣ сей жизни судѣ и обо всемъ, что необходимо намъ знать, и ученіе ихъ неизмѣнно и взаимно согласное»¹. Если бы древніе классики обращались къ этимъ учителямъ, то можно сказать, что они, имѣя предъ собою твердый и нормальный взглядъ на высшіе предметы вѣры и нравственности, не остались бы при своихъ нетвердыхъ и превратныхъ взглядахъ, или вовсе отворотились бы отъ противнаго имъ ученія; если же у

¹ Увѣщ. къ Элл. гл. 8. Подобныя мысли у Татиана Рѣч. прот. Элл. 32. Афинагор., Проп. о хр. 7. Феодота къ Авт. I, 8. 9. III, 17. Евсевія Рѣ. Ев. XIV, 3. Лактанція Div. Ins. I, 1; особенно же у Климента Ал. (Stg. VII, 14), гдѣ онъ пространно учитъ, что св. Писаніе есть критерій истины, что благонамѣренный человѣкъ, узнавъ однажды св. Писаніе, не обратится назадъ, какъ жена Лотова, и неблагонамѣренный, приравнявше къ нему, сдѣлаетъ одно изъ двухъ: или отвергнетъ свои заблужденія, или презритъ св. Писаніе и проч.

нихъ встрѣчаются противорѣчія и исканіе истины никогда не прекращалось, то, значитъ, они не обращались и не были знакомы съ священнымъ Писаніемъ евреевъ, содержащимъ вѣчныя и богооткровенныя истины. Далѣе, нѣтъ надобности допускать послѣднее предположеніе потому, что и безъ знакомства съ книгами св. Писанія непосредственнаго или посредственнаго у древнихъ классиковъ былъ свой, ближайшій источникъ противорѣчій языческимъ ихъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ; это — внутренній голосъ природы человѣческой, вѣщавшій по временамъ о высокихъ предметахъ вѣры и нравственности вопреки общему культу и культури классическаго міра. Все язычество въ существѣ своемъ есть не что иное, какъ заглушеніе и подавленіе естественныхъ стремленій души человѣческой къ вѣчной истинѣ и высочайшему благу, начавшееся со времени и вслѣдствіе отступленія отъ богооткровенной религіи, есть, по выраженію апостола, *нечестіе и неправда челоуковъ, подавляющихъ истину неправдою* (Рим. I, 18. ср. Прем. Сол. XIII); но какъ ни погружаются язычники въ бездну невѣрія и суевѣрія, внутри души ихъ не изглаждаются остатки того дара (образа Божія), который составляетъ глубочайшее начало духовной природы человѣческой и, какъ сообщенный ей по волѣ всемогущаго и всеблагаго Творца, никогда не можетъ истребиться по волѣ человѣческой. Изъ этого божественнаго источника, изъ глубины духа и тайника сердца человѣческаго, могутъ и должны вырываться отголоски истины и добра, которые выражаютъ какъ бы протестъ противъ вѣковаго гнета ложныхъ преданій, суевѣрныхъ заблужденій, софистическихъ вымысловъ, нечестивыхъ обычаевъ и прочихъ неестественныхъ наростовъ въ мышленіи и дѣятельности язычниковъ. Разумъ человѣскій, по ученію того же апостола, и въ состояніи языческаго помраченія обладаетъ внутреннею силою, которая дѣлаетъ его способнымъ возвышаться самою собою до извѣстныхъ познаній о Богѣ и отношеніи че-

ловѣка къ Богу: что можно знать о Богѣ, вѣчной силѣ Его, божественности и приведенномъ судѣ Его, — говорить ап. Павелъ, то *явно въ нихъ* (ἐν ῥητοῖς, т. е. во внутреннемъ сознаніи язычниковъ); потому что *Богъ явилъ имъ отъ созданія міра чрезъ разсмотрѣніе* видимой природы (Рим. I. 19. 20. 32. Ср. Дѣян. XIV, 17); равно и воля язычниковъ еще обладаетъ нравственною силою, которая дѣлаетъ ее способною, не имѣя вѣшняго писаннаго закона. по собственной природѣ своей совѣршать *законное, написанное въ сердцахъ ихъ* (Рим. II, 14). Это внутреннее знаніе и этотъ сердечный нравственный законъ не суть только абстрактныя или мертвыя потенціи, но дѣйствительныя и живыя акты сознанія, которые такъ же могутъ быть присущи душѣ язычниковъ, какъ увѣренность въ собственномъ существованіи и въ бытіи видимаго міра, и которые въ случаѣ не вниманія дѣлаютъ язычниковъ *безответными* предъ праведнымъ судомъ Божиимъ, по словамъ апостола, въ случаѣ же вниманія производятъ въ совѣсти ихъ *мысли то обвиняющія, то оправдывающія одна другую* (Рим. I, 20. II, 15)¹. Находясь въ такомъ духовномъ состояніи древніе классики, старавшіеся познать самихъ себя и прислушиваться къ внутреннему голосу природы, неизбѣжно должны были иногда чувствовать и выражать противорѣ-

¹ Апостолъ говоритъ здѣсь не «о подтвержденіи и разъясненіи» уже общенныхъ писаннымъ откровеніемъ истинъ вѣры, какъ думаютъ некоторые, напр. Friedhof (Grundr. der cathol. Apolog. 1854. s. 71) и Frohschammer (Einleitung in die Philos. 1858. s. 121), но о возможности познания Бога и правилъ нравственности при помощи одной внѣшней внутренней природы; потому что 1) онъ высказываетъ общее и безотносительное сужденіе о язычникахъ, а не подъ условіемъ существованія напередъ откровенія, и безъ этого условія называетъ ихъ *безответными*; 2) онъ прямо противопоставляетъ здѣсь положительное откровеніе іудейскія, законъ Моисеевъ, и грѣхи противъ него, естественному закону язычниковъ и преступленія ихъ противъ этого закона; и 3) если бы разумъ чрезъ разсмотрѣніе природы и воля при помощи естественнаго закона не могли достигнуть относительно вѣрныхъ истинъ, то они такъ же мало могли бы служить и къ «подтверженію и разъясненію» откровенія; потому что истина можетъ подтверждаться и разъясняться только истинною же, а не ложью и заблужденіемъ.

чіе своему обычному образу мыслей и дѣйствій и всей окружавшей ихъ средѣ, безъ всякаго вліянія какихъ-нибудь постороннихъ учителей. «Платонъ, сынъ Аристона, — замѣчаетъ Оригенъ, — въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ о первомъ благѣ слѣдующимъ образомъ: «первое благо не можетъ быть изображено словами, но оно отъ частаго обращенія къ нему внезапно появляется въ душѣ, какъ свѣтъ возгорѣвшагося пламени»; слыша это и мы соглашаемся съ его словами, какъ сказанными прекрасно; ибо самъ *Богъ явилъ* имъ это и все, что сказано ими прекрасно; и однако тѣ самые, которые писали такія слова о первомъ благѣ, ходятъ въ Пирей молиться Артеמידѣ, какъ Богу, и присутствовать при торжествѣ, совершаемомъ людьми простыми; тѣ, которые такъ философствовали о душѣ и изображали блаженство добродѣтельной жизни, оставивъ великіе предметы, которые *Богъ явилъ* имъ, мудрствуютъ о низкомъ и ничтожномъ и приносятъ пѣтуха въ жертву Эскулапу; тѣ, которые прозрѣвали въ *невидимое Божіе* и въ идеи *отъ созданія міра* и сквозь *видимыя* вещи, отъ которыхъ они восходили къ умозерцаемому, и не худо созерцали *вѣчную силу Его и Божество*, тѣмъ не менѣе *осуетились въ умствованіяхъ своихъ* и *несмысленное сердце* ихъ вращается во мракѣ и невѣдѣніи истиннаго богопочитанія (Рим. I, 21)»¹. Противорѣчіе находилось въ падшей человѣческой природѣ классиковъ,

¹ Contr. Cels. VI, 3. 4. Сами древніе классики сознавали какъ разнотласіе въ своей природѣ, такъ и зависимость вѣннихъ понятій ихъ отъ внутренней природы при помощи созерцанія видимой. «Явно, что я имѣю двѣ души, и когда добрая одерживаетъ верхъ, то дѣлаетъ доброе, а когда злая, то дѣлаетъ постыдное», говорится у Ксенофонта: Сугор. IV, 1. 41. Тоже у Еврипида въ Phaedra и Medea. «Законъ двойнъ, одинъ писанный, а другой неписанный», говоритъ Платонъ у Диогена Лаэртія — III, 45. 48. 51. «Богъ, невидимый всякой смертной природѣ, бываетъ видимъ изъ дѣлъ своихъ», утверждаетъ Аристотель — De mundo с. 6. Βροτῶν ἀπατὴ καὶ ἐπιδημιῶν — 2105, говоритъ одинъ древній гномикъ — Ροῦτ. гном. 139. edit. Weig. «Всякая человѣческая душа по природѣ своей созерцаетъ сущее», говоритъ Сократъ у Платона въ Phaedr. p. 249.

какъ и всѣхъ вообще людей, *преданныхъ* отъ Бога *похотямъ сердецъ ихъ* (Рим. I, 24); потому могло и должно было выражаться иногда противорѣчье и въ убѣжденіяхъ и въ словахъ ихъ. Какъ справедливо то, что въ умѣ чловѣка отъ природы есть идея Существа совершеннѣйшаго, которая не только выражается въ безотчетномъ стремленіи къ Богу, но по мѣрѣ развитія сознанія становится болѣе и болѣе ясною и отчетливою, — что воля чловѣка ограждена естественнымъ нравственнымъ закономъ или неумоляющимъ голосомъ совѣсти, внушающимъ доброе и отвращающимъ отъ злаго, и что въ чувствѣ чловѣка есть врожденное стремленіе къ блаженству, которое, по внушенію здраваго разума и нравственнаго закона, должно быть слѣдствіемъ и наградою добродѣтели, а не порока, всегда достойнаго наказаній по суду того же разума и закона, такъ справедливо и то, что понятія о всѣхъ этихъ предметахъ естественно могли составляться и иногда выражаться у классическихъ мудрецовъ не смотря ни на какія препятствія и независимо отъ постороннихъ содѣйствій¹. Конечно, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы ученымъ языкикамъ былъ не нуженъ и излишенъ особый источникъ религиозно-нравственныхъ истинъ въ видѣ положительнаго откровенія, подобно тому какъ и еврейскому народу, также владѣвшему естественными средствами богопознанія, небесный Отецъ призналъ нужнымъ даровать еще письменное Слово свое для большаго просвѣщенія избранныхъ и лучшаго сохраненія въ нихъ чистыхъ религиозно-нравственныхъ истинъ; но изъ предъидущаго несомнѣнно надобно заключить, что вышнее и положитель-

ное откровеніе, какое было у евреевъ, не есть для чловѣка единственное средство къ прозрѣнію какой-либо истины въ порядкѣ религиозномъ и нравственномъ, и что объясненіе встрѣчающихся у философовъ и поэтовъ нѣкоторыхъ высокыхъ понятій, близкихъ къ библейскимъ, заимствованіемъ изъ св. Писанія весьма много ослабляется дѣйствительностію естественныхъ средствъ у классическихъ мудрецовъ къ большому или меньшему уразумѣнію и выраженію подобныхъ истинъ. «Поэты и философы,—говоритъ апологетъ Аѳинагоръ,—достаточно касались этого предмета (единства Бога), равно какъ и другихъ, по сродству духа своего съ божественнымъ, движимые каждый своею душею (*ἀπὸ τῆς αὐτοῦ ἀνθρώπου ψυχῆς ἐκινῶντες*) испытать, не удастся ли ему найти и познать истину; но въ нихъ не оказалось только способности, чтобы постигнуть истину, потому что они думали приобрѣсти познаніе о Богѣ не отъ Бога, а каждый самъ собою (*παρ' αὐτῶν ἑκαστος*); посему каждый изъ нихъ различно училъ и о Богѣ, и о матеріи, и о формахъ, и о мѣрѣ»¹. Такимъ образомъ собственная языческая природа классиковъ даетъ объясненіе на то, почему у нихъ среди множества заблужденій проявились иногда мысли и чувствованія, превышающія обычный образъ ихъ мыслей и дѣйствій, и объясняютъ это гораздо лучше, нежели предположеніе о заимствованіи свѣтлыхъ мыслей изъ книгъ еврейскихъ. При непосредственномъ или посредственномъ заимствованіи классиками изъ Библіи непонятно, почему ни одна заимствованная истина не появилась въ ихъ сочиненіяхъ въ томъ чистомъ, неискаженномъ видѣ, въ какомъ она изречается въ св. Писаніи, и для нѣкотораго уразумѣнія этого необыкновеннаго обстоятельства нужно прибѣгать къ подозрѣніямъ въ не-

¹ Врожденность этихъ идей и стремленій допускали христіанскіе апологеты; такъ Климентъ Ал. говоритъ: «представленіе (*ἔκφρασις*) о единомъ Богѣ вседержителѣ у всѣхъ благомыслящихъ всегда было естественное (*φύσει*), и этого вѣчнаго благодѣанія по Божію промышленію удостоивались очень многіе, которые не совершенно отвращались отъ истины». Strom. V, 13. 252. Также Strom. VI, 5. 269. VI, 14. 284 и Paedag. III, 12. 113. Ориген. Contr. Cels. I, 4. VIII, 52. Кирилл. Ал. Contr. Iul. IV, 122 и 139.

¹ Пром. о христ. гл. 7. И Лактанцій говоритъ: «сами почитатели боговъ признаютъ всевышняго Бога по побужденію природы (*coegente natura*); они во время несчастій призываютъ единого Бога, а когда минуются несчастія, то опять бѣгутъ въ храмы боговъ». Div. Instit. II, 1.

добросовѣстности и нагнѣнномъ искаженіи священныхъ истинъ со стороны классическихъ писателей, какъ и дѣлаютъ нѣкоторые изъ апологетовъ¹,—что однако составляетъ одно недоказанное предположеніе,—а если отнести прекрасныя противорѣчія классиковъ самимъ себѣ собственно къ ихъ внутренней природѣ, то все это объясняется наилучшимъ образомъ². Здѣсь мы находимъ такой ближайшій источникъ познаній о предметахъ вѣры и нравственности, который былъ съ одной стороны не столь чистъ и положителенъ, чтобы уничтожить всѣ вымыслы языческаго ученія и устранить всѣ противорѣчія классиковъ, — такъ какъ прозрѣніе въ область религиозныхъ истинъ совершалось умомъ ихъ чрезъ собственное разсматриваніе видимой не совсѣмъ прозрачной природы, и ощущеніе нравственныхъ истинъ сердцемъ происходило подѣ влияніемъ вѣковой и наслѣдственной порчи, но не почерпалось прямо отъ Бога и писаннаго Слова Божія,—а съ другой стороны не столь нечистъ и непроницаемъ, чтобы изъ него, какъ изъ богатаго рудника, способнѣйшіе изъ язычниковъ не могли извлекать какихъ-либо сокровищъ вѣры и нравственности. Въ естественномъ рудникѣ внутренней природы человѣческой, въ этомъ *свидѣтельствѣ души*, какъ называетъ его Тертуліанъ, заключается содержаніе религиозно-нравственныхъ истинъ, сходное съ положеніями Библіи, которое потомъ, бывъ выра-

¹ Евсевій прямо говоритъ (Pr. Ev. XIII, 14. 691), что ни одной, согласно съ св. Писаніемъ и съ истинною природою, мысли нельзя найти у классиковъ чистою отъ заблужденія (*ἀπὸ τῆς καθάρου*). Также см. выше слова Татиана и Климента на стр. 4. и 8.

² «Ваши философы,—говоритъ бл. Теодоритъ къ Эллинамъ,—весьма похожи на тѣхъ пѣвчихъ птицъ, которые подражаютъ голосу человѣческому, но смысла словъ не разумѣютъ; такъ и они, разсуждая о предметахъ божественныхъ, не разумѣли истины того, о чемъ говорили; но по моему мнѣнію они заслуживаютъ полнаго извиненія, какъ не пользовавшіеся ни пророческимъ озареніемъ, ни апостольскимъ просвѣщеніемъ, а имѣвшіе руководительницею одну только природу (*φύσιν*), которой богоначертанныя древле письменна исказило нечестивое заблужденіе». Ук. соч. I, 20.

жено словомъ, можетъ подучать и форму, сходную съ текстами св. Писанія. «Возьмемъ душу,—говоритъ Тертуліанъ,—не ту, которая образовалась въ школахъ, упражнялась въ библіотекахъ, приобрѣла мудрость, въ академіяхъ и портикахъ аттическихъ, а простую, натуральную, неученую и необразованную, но и не христіанскую, такъ какъ душа дѣлается, а¹ не рождается христіанскою, и однако она свидѣтельствуетъ въ пользу христіанства»¹. О чемъ же она свидѣтельствуетъ? О томъ, что «одинъ Богъ, отъ котораго и во власти котораго все,—что Богъ благъ, но ненавидитъ зло,—что человѣкъ золь и потому боится Бога,—что послѣ смерти душа остается живою и ожидаетъ отъ праведнаго суда Божія или награды за свои добродѣтели, или наказаній за свои пороки»... «Таковы свидѣтельства души сколько истинныя, столько простыя, сколько простыя, столько народныя, сколько народныя, столько всеобщія, сколько всеобщія, столько естественныя, сколько естественныя, столько божественныя»². Въ этомъ очеркѣ главныхъ предметовъ, признаваемыхъ душею человѣческою по внушенію внутренняго голоса природы, содержатся существенныя части богооткровеннаго ученія іудейской и христіанской религіи, которыя были искажены и помрачены въ сознаніи язычниковъ вообще и классическихъ въ частности ложными ученіями о множествѣ боговъ, изъ которыхъ иные причиняютъ людямъ зло, о вѣчности матеріальнаго міра, производящаго и опять поглощающаго души и тѣла

¹ De testimonio animae. c. 1. Здѣсь сказано: anima, non es christiana; fieri enim, non nasci soles christiana. Въ другомъ же мѣстѣ онъ называетъ душу по природѣ христіанскою (o testimonium animae, naturaliter christianaе! Apolog. c. 17). Такое замѣчательное, впрочемъ мнимое противорѣчіе самому себѣ ученѣйшаго апологета объясняется тѣмъ, что въ первомъ случаѣ душа разсматривается въ отношеніи къ положительному писанному откровенію, а во второмъ со стороны внутренней ея природы. Положительное откровеніе можетъ быть неизвѣстно душѣ, хотя оно совершенно согласно съ ея природою.

² Тамъ же, cap. 2—6. Ср. Теодор. ук. соч. V, 75 и XII, 172.

человѣчскія, о наслажденіи чувственными благами настоящей жизни безъ страха и ожиданія будущей и том. под. Но какъ скоро кто — либо изъ мужей способныхъ и здравомыслящихъ внимательно обращался къ тайному голосу своей природы, то при помощи внутренняго и вѣшняго опыта возвышался надъ заблужденіями общаго невѣрія и суевѣрія, и по естественному порядку вещей отъ избытка сердца устами выражалъ свои возвышенныя мысли въ формѣ уже не популяристической или пантеистической религіи, не человѣческой извращенной мудрости и языческой нравственности, а въ формѣ соотвѣтствующей необыкновенному состоянію своего духа. «Поэты и философы, — замѣчаетъ Теофильтъ Антиохійскій, — невольно признаются, что они не знаютъ истины; вдохновенные, какъ говорится, музами, они говорили подъ вліяніемъ фантазіи и обольщенія; впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ, пришедши въ здравое состояніе души, говорили нѣчто согласное съ пророками, такъ что это служитъ свидѣтельствомъ противъ нихъ самихъ и противъ всѣхъ людей (языческихъ), напримѣръ, о единовластительствѣ Божіемъ, о будущемъ судѣ и другихъ истинахъ»¹. Здравое настроеніе души, по временамъ проявлявшееся у классическихъ мудрецовъ, выражалось и въ здравыхъ словахъ чистой религіи и нравственности, изображенной въ св. Писаніи. Послѣ этого удивительно ли, что, напримѣръ, гениальный поэтъ Пиндаръ, созерцающій своимъ присутіемъ идею Бога, существа высочайшаго, въ минуты восторга становился выше общихъ у грековъ представленій о судьбѣ, господствующей надъ всѣми людьми, богами и самимъ Зевсомъ, и подобно величественнымъ изреченіямъ бытописателя Моисея (Быт. 1, 2—5) выра-

¹ Къ Автол. II, 8. И бл. Августинъ говоритъ: «у философовъ находится много правильныхъ выраженій о Богѣ, которые произошли не отъ нихъ самихъ, но изъ глубочайшихъ кладезей, которые всюду ископало божественное Провидѣніе». De doct. Christ. I, 30. II, 43.

жалъ мысль о всемогуществѣ Божіемъ словами: «Богъ можетъ изъ темной ночи возсіять чистый свѣтъ, и чистый свѣтъ дня покрыть темнымъ мракомъ», тогда какъ онъ самъ въ своихъ стихотвореніяхъ вообще раздѣлялъ народныя понятія о богахъ олимпійскихъ? ¹ Удивительно ли, что поэтъ и философъ Емпедоклъ, сознавая пустоту одного наружнаго богопочтенія безъ внутренняго благочестиваго расположенія сердца, высказывалъ мысль, что Божество не нуждается въ кровавыхъ жертвахъ, которыя не содержатъ въ себѣ ничего, кромѣ смрада и зловоннаго дыма, подобно какъ возвѣщали пророки (Иса. I, 18. Осія VI, 6 и др.), тогда какъ весь языческій міръ, а съ нимъ вмѣстѣ поэты и философы признавали необходимою принадлежностію почитанія боговъ принесеніе жертвъ на алтаряхъ ихъ? ² Удивительно ли, что нѣкоторые классическіе мудрецы — Вѣасъ, Симонидъ Кеосскій и Платонъ, чувствуя немощь природы человѣческой къ приобрѣтенію истинной добродѣтели, называли ее даромъ Божіимъ, подобно пророку Даниилу (II, 20), Иисусу сыну Сирахову (I, 16), или апостолу Іакову (I, 17), а Сократъ возносилъ молитву къ Богу о дарованіи ему внутренней чистоты, подобно псалмопѣвцу Давиду (Пс. I, 12), тогда какъ весь окружающій ихъ міръ не имѣлъ понятія о благодати Божіей, не считалъ нравственной добродѣтели даромъ небеснымъ и вообще ограничивалъ свое отношеніе къ богамъ чисто вѣншимъ исполненіемъ обязанностей бого-

¹ Климентъ, считая эти слова Пиндара заимствованными изъ св. Писанія, находитъ въ нихъ библейскую мысль о высочайшемъ могуществѣ Божіемъ. Strom. V, 14. 255. Бл. Теодоритъ (указ. соч. VI, 89) видитъ въ нихъ отказъ поэта отъ вѣры въ судьбу, общей всѣмъ грекамъ. См. Nägelsbach: Die nachhomer. Theol. s. 22.

² Емпедоклъ у Плутарха, De superstitione, p. 171. и Секста Емпирика, Advers. Mathematic. lib. VIII. Заимствованіемъ изъ св. Писанія считаетъ эти мысли Климентъ Ал. въ Cohort. ad gent. II, 8. Блажен. Теодоритъ (указ. соч. VII, 108 и 109), приписывая подобныя мысли поэту Софоклу и философамъ Платону и Теофрасту, также считаетъ ихъ заимствованными изъ св. Писанія.

служения и за это исполнение ожидалъ получить отъ своихъ боговъ только внѣшнія блага, полезныя для настоящей жизни, а не внутреннія и духовныя? ¹ Понятно, почему такой философъ, какъ Сократъ, во всю свою жизнь углублявшійся преимущественно въ нравственные вопросы философіи, самъ собою могъ доходить до убѣжденія, что не должно воздавать зломъ за зло, хотя это убѣжденіе было несогласно съ мнѣніемъ другихъ мудрецовъ и жизнію всего эллинскаго народа, а дошедши до такой мысли, какъ иначе могъ онъ и выразить ее, если не словами (*ὄδ' ἀδικ' ἐμμενεν ἀνταδικεῖν*) подобными изреченіямъ пророковъ и апостоловъ, касавшихся этого закона, требуемаго истинною нравственностію: *не платити зломъ тому, кто сталъ врагомъ* (Псал. VII, 5), и: *никому не воздавать зломъ за зло* (Римл. XII, 17)? ² Понятно, почему и величайшій философъ Платонъ, вникая въ требованія естественнаго закона, могъ признать справедливость мысли, высказанной имъ такимъ образомъ: «человѣкъ, проведшій жизнь праведно и свято, по смерти переселится на острова блаженныхъ и тамъ обитаетъ во всякомъ благоденствіи внѣ золъ, а жившій неправедно и безбожно идетъ въ уни-

¹ Кто благодаритъ когда-нибудь боговъ за то, что онъ — добрый человѣкъ? Благодарятъ за то, что богаты, пользуются почестями и благополучіемъ; за эти предметы называютъ Юпитера добрейшимъ и величайшимъ», говоритъ Цицеронъ *De nat. deor.* III, 36. У Исиода *Theog.* v. 535 и Платона — *Eutyphr.* p. 17. религія представляется въ видъ простаго договора между смертными и бессмертными, заключеннаго въ давнія времена въ городѣ Миконѣ, чтобы боги людямъ оказывали помощь и благодѣянія, а люди воздавали имъ за это честь и знаки благодарности. — Слова Виса у *Diog. Laert.* I, 5. 88. Симонида у Платона *Protag.* 339. самаго Платона въ *Menon.* 100. и *Rep.* II, 379. О Сократѣ у Платона въ *Phaedr.* 279. Заимствованіемъ изъ св. Писанія считаютъ ихъ слова Лустинъ Ув. къ Эл. 32. Климентъ *Str.* V, 13 и 14. 251 и 253. Евсевій *Pr. Ev.* XIII, 13.

² Слова Сократа у Платона въ *Criton.* p. 49. Противоположно этому учили Протагоръ, Горгіасъ и многіе другіе поэты и философы. См. *Apoloq. Socrat.* p. 28. Феод. Ант. къ Автол. II, 37. Заимствованіемъ изъ св. Писанія считаетъ эту мысль Сократа Евсевій *Pr. Ev.* XIII, 7. 654. Вл. Феодоритъ въ ук. соч. II, 29. вообще считаетъ Сократа заимствовавшимъ нѣкоторыя струи истины изъ св. Писанія чрезъ Анаксагора и Архелая.

лице истязанія и казни, называемое тартаромъ», т. е. одишь наслаждается вѣчнымъ блаженствомъ, а другой терпитъ вѣчное мученіе,—тогда какъ въ систематическомъ ученіи о душѣ человѣческой онъ, согласно съ другими философами, допускалъ по истеченіи тысящелѣтнаго періода послѣ смерти человѣка переселеніе души его не только въ новое тѣло человѣческое, но и въ тѣло животнаго; если первая мысль философа въ сущности согласна съ богооткровеннымъ ученіемъ, что грѣшники по смерти *пойдутъ въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную* (Дан. XII, 2. Матѣ. XXV, 46), то вмѣстѣ съ тѣмъ не согласна ли она и съ нравственною потребностію души человѣческой, чающей по смерти блаженства за свою добродѣтельную жизнь на землѣ и чувствующей нравственную неизбежность подвергнуться по смерти наказанію за жизнь противоположную? ¹ Итакъ возвышенныя мысли и изреченія древнихъ классиковъ, выдающіяся изъ обыкновеннаго ихъ ученія, дѣйствительно указываютъ на свой особый источникъ; но этотъ источникъ находился не въ отдаленной странѣ, съ которою они не имѣли сношеній, и не у чуждаго народа, имъ вовсе неизвѣстнаго, а внутри нихъ самихъ, въ ихъ умѣ и сердцѣ. Такой источникъ сколько съ одной стороны достаточенъ для объясненія противорѣчій въ сочиненіяхъ классическихъ писателей, столько же съ другой достаточенъ для объясненія близости проистекающихъ изъ него идей и выраженій къ богооткровенному ученію. Изъ него, хотя не обильно, могли изливаться словесные потоки, сходные съ потоками писаннаго Слова Божія, и однако совершенно отъ него независимо. Кромѣ изреченій бывали у лучшихъ изъ язычниковъ и дѣйствія

¹ Платонъ въ *Gorg.* 523. *Phaedon.* 107. *Phaedr.* 256. *Tim.* 42 и 90. *Republ.* X, 614. Противорѣчіе Платона въ ученіи о загробной жизни выставляется на видъ особенно бл. Феодоритъ и производитъ правильную мысль его изъ св. Писанія, ук. соч. V, 71 и XI, 157. Также Лустинъ Ув. къ Эл. 27. Климентъ. *Strom.* I, 19. 136. Евсевій *Pr. Ev.* XIII, 16.

благородныя и возвышенныя, отличавшіяся высшею нравственностію и самоотверженіемъ и представлявшія величайшее сходство съ дѣйствіями людей, руководящихся откровеннымъ закономъ Божиимъ; но какъ эти поступки, проискавшіе изъ природной доблести нѣкоторыхъ душъ языческихъ, никто не думаетъ считать сдѣланными подъ вліяніемъ ветхозавѣтнаго закона и новозавѣтной благодати или называть заимствованіемъ отсюда, такъ и мысли языческихъ мудрецовъ, сходныя по содержанію и по формѣ съ текстами св. Писанія,—если притомъ нельзя иными способами доказать заимствованія ихъ изъ Библии,—по всей справедливости должны считаться плодомъ собственныхъ усилій ихъ разяснить общія всѣмъ людямъ задачи религіознаго и нравственнаго сознанія. Посему апологетъ Тертуліанъ въ другомъ мѣстѣ, разсуждая преимущественно о врожденности идеи о Богѣ у всѣхъ людей, и вѣжливо говоритъ: «хотя Моисей представляется первымъ проповѣдникомъ Бога міра въ храмѣ писемъ своихъ, но пятокнижіемъ его не подрываются естественные способы познанія; и все повѣствованіе Моисея не усиливается доказать идею о Творцѣ, по полагаетъ ее извѣстною отъ начала міра, отъ рая и Адама, а не отъ Египта и Моисея; притомъ большая часть рода человѣческаго, не знавшая даже имени Моисея, знаетъ Бога Моисеева; не смотря на господство идолопоклонства, столь омрачающаго (идею о единомъ Богѣ), народы у себя признаютъ Его, называя какъ бы собственнымъ именемъ—*Богомъ* и *Богомъ боговъ*, и свидѣтельствуя, что онъ всемогущъ; и этимъ они не обязаны книгамъ Моисея; душа прежде пророчества; понятіе о Богѣ есть начальный даръ души, которая одна и таже, не различная, и у египтянъ, и у сирійцевъ, и у понційцевъ»¹. Согласно съ апологетами, которыхъ соб-

¹ Adv. Marcion. I, 10. И блж. Августинъ выразительно говоритъ: *creta ipsa, quae nunc religio christiana nuncupatur, erat apud antiquos nec defuit ab initio generis humani. Retract. I, 13.*

ственные слова подтверждаютъ все вышесказанное, и одинъ изъ позднѣйшихъ ученыхъ критиковъ, вообще о заимствованіи тебретическихъ истинъ древними классиками изъ Библии замѣчаетъ: «какое бы ни усматривалось сходство въ сужденіяхъ между философами и священными писателями, но по моему мнѣнію никогда изъ него нельзя вывести вѣрнаго (certum) доказательства къ обвиненію философовъ въ похищеніи; тѣ и другіе могли черпать изъ одного источника; Богъ есть виновникъ и начало всѣхъ истинъ; и священныя авторы, хотя писали по нѣкоторому особенному вдохновенію отъ Духа, но этимъ не полагалось имъ препятствія узнавать многое или чрезъ изслѣдованіе, или по опыту, или размышленіемъ, или сознаніемъ посредствомъ чувствъ; свѣтъ естественный сіяетъ равно для всѣхъ и верховный наставникъ всѣхъ учитъ всякаго, кто отверзаетъ къ глаголамъ Его внутренній слухъ сердца; предметы, окружающіе смертныхъ, поучаютъ всѣхъ внимательныхъ слушателей»¹.

§ 4. вмѣстѣ съ мнѣніемъ о заимствованіи древними классиками многихъ истинъ изъ св. Писанія, въ однихъ и тѣхъ же сочиненіяхъ христіанскихъ апологетовъ встрѣчаются особые взгляды ихъ на происхожденіе сходныхъ съ Библиею мѣстъ у классическихъ писателей. Эти взгляды или соображенія, развитыя довольно обстоятельно, касаются всего круга истинъ, извѣстныхъ въ классическомъ мірѣ, и религіозныхъ и нравственныхъ, и теоретическаго и фактическаго содержанія, но въ существѣ своемъ такого рода, что не только не подкрѣпляютъ доказательствъ въ пользу возрвнія апологетовъ, но едва ли могутъ какимъ-нибудь образомъ быть согласены съ ними, и слѣдов. съ самымъ возрвніемъ. Достаточно будетъ внимнуть въ эти соображенія, чтобы вывести такое за-

¹ Калметъ, въ Dissertat. cit. p. 546.

включеніе.—Одинъ изъ взглядовъ состоитъ въ томъ, что лучшіе и достойнѣйшіе мужи языческаго міра издревле находились подъ вліяніемъ особеннаго дѣйствія Промысла Божія, просвѣщавшаго ихъ до разумнѣя многихъ чистыхъ истинъ вѣры и нравственности, дѣйствія, которое было для нихъ нѣкоторымъ благодатнымъ озареніемъ или вдохновеніемъ свыше, сообщаемымъ всякому при условіяхъ способности и внимательности къ божественному внушенію. «На всѣхъ вообще людей,—говоритъ Климентъ Александрійскій,—простирается нѣкоторое божественное вліяніе (*ἀπὸ τοῦ Θεοῦ*), по которому они даже невольно исповѣдуютъ, что одинъ Богъ, безсмертный и безначальный, всегда сущій горѣ выше неба, въ своей собственной обители, какъ говоритъ Еврипидъ:» какому, скажи мнѣ, надобно представлять Бога? Такимъ, который видитъ все, а самъ невидимъ». ¹ Это божественное вліяніе на языческихъ мудрецовъ не только не тождественно съ писаннымъ откровеніемъ іудейскаго народа, но составляетъ нѣчто отдѣльное и отъ тѣхъ религіозныхъ преданій, которыя сохранились отчасти во всемъ родѣ человѣческомъ со временъ предшествовавшихъ писанному откровенію, какъ наслѣдіе отъ древнихъ праотцевъ и общихъ родоначальниковъ еврейскаго и языческихъ народовъ; ² такъ какъ преданія подобнаго рода составляли и составляютъ достоиніе человѣчества внѣшнее, историческое и всеобщее, переходившее устно отъ одного поколѣнія къ другому, а божественное вліяніе на языческихъ поэтовъ и философовъ

¹ Cohort. ad gent. VI, 20. 21. Далѣе, приведши нѣсколько изреченій Демокрита, Пифагора, Платона и другихъ о Богѣ, Климентъ прибавляетъ: «все это написано ими по вдохновенію Божію (*ἀπὸ τοῦ Θεοῦ*)».

² Объ этихъ преданіяхъ отдѣльно говорятъ апологеты, напр. Климентъ Strom. V, 10. Евсевій Pr. Ev. XIV, 3. 719., но очень рѣдко и мало, не придавая имъ того значенія, какое приписываютъ непосредственному вдохновенію Слова Божія, дѣйствовавшаго на язычниковъ, а тѣмъ болѣе того важнаго употребленія, какое придаютъ имъ новѣйшіе защитники взгляда на первоначальное Откровеніе (Utoffenbarung).

представляется у христіанскихъ апологетовъ дѣйствіемъ болѣе внутреннимъ и недоступнымъ для большинства огульныхъ язычниковъ; равнымъ образомъ оно составляетъ нѣчто особенное и отъ собственной способности разума и сердца человѣческаго достигать до познанія важнѣйшихъ религіозно-нравственныхъ истинъ посредствомъ разсмотрѣнія внѣшней природы и естественнаго нравственнаго закона совѣсти, при помощи идей истины и добра, врожденныхъ во глубинѣ души человѣческой; такъ какъ это вліяніе или вдохновеніе, хотя дѣйствующее внутри, представляется происходящимъ не отъ самаго человѣка, но свыше отъ Бога, и потому называется *Словомъ Божіимъ*, озаряющимъ самыя способности человѣческаго духа и сердца. «Все,—говоритъ св. Іустинъ,—что когда-либо сказано и открыто хорошаго философами и законодателями, все это сдѣлано ими соотвѣственно мѣрѣ нахождения или созерцанія Слова; всякой изъ нихъ говорилъ прекрасно потому именно, что познавалъ отчасти сродное съ посвященнымъ Словомъ Божіимъ;.. всѣ они посредствомъ сѣмени Слова могли видѣть истину; но темно; ибо иное дѣло сѣмя и нѣкоторое подобіе чего-либо, данное по мѣрѣ приѣмлемости, а иное то самое, чего причастіе и подобіе даровано по Его благодати». ¹ Также Климентъ Ал. въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «заблуждается по мѣрѣ мнѣнію Менаандръ, когда восклицаетъ:» солнце, тебѣ должно поклоняться первому изъ боговъ, чрезъ котораго можно созерцать и прочіихъ боговъ»; ибо солнце никогда не показало бы намъ истиннаго Бога, если бы не было истиннаго Слова, которое есть солнце души, посредствомъ ко-

¹ Апол. II, 10. 13. Самое выраженіе: *сѣмя Слова (σπέρμα τῆς λέγου)*, по мнѣнію нѣкоторыхъ (Ficquel, S. Justin. p. 321), заимствовано Іустиномъ отъ Стояковъ, въ ученіи которыхъ было понятіе о *σπέρμα λογικόν* или *λόγος σπερματικός*; (Diog. Laert. c. 136), какъ совокупности идей въ существѣ Божества, по которымъ созданъ видимый міръ. Ср. Іуст. Апол. II, 8. Очевидно, что при сходствѣ названія смыслъ его у св. Іустина совершенно другой.

торого единого, возсіявшаго во глубинѣ ума, просвѣщаетъ око и самаго разума». ¹ Это внутреннее и однако отвнѣ происходящее просвѣщеніе было даруемо людямъ, находившимся внѣ положительнаго откровенія, по особенной благодати промысла Божія, не желавшаго, чтобы между ними истребилось всякое познаніе истинъ, необходимыхъ для духовной жизни ихъ, и чтобы наибольшая часть человечества была совершенно лишена тѣхъ духовныхъ благъ, которыя въ изобиліи и чистотѣ дарованы были избранному народу израильскому. Безъ такога просвѣтительнаго начала, по мнѣнію христіанскихъ апологетовъ, не могли обойтись люди, которыхъ умъ и сердце, поврежденныя грѣхопаденіемъ, болѣе и болѣе извращались и помирались заблужденіями язычества. Какъ въ мірѣ физическомъ глазъ человѣка былъ бы всегда погруженъ во мракъ и не могъ бы ничего видѣть, не смотря на свою способность зрѣнія, если бы внѣшній солнечный свѣтъ не восходилъ для озаренія его и всего окружающаго, такъ и разумъ человѣческій, при всей естественной способности своей, не былъ бы въ состояніи постигать какія-либо истины міра невидимаго, если бы Слово Божіе не просвѣщало его своими духовными лучами. Поэтому Промыслъ Божій никогда не оставлялъ своихъ разумныхъ созданий, но постоянно низпосылалъ имъ особое озареніе невидимаго Слова, которое восполняло прочіе доступные для нихъ способы познанія и могло останавливать ихъ вниманіе на истинныхъ и благочестивыхъ преданіяхъ старины, съ отверженіемъ недѣльныхъ прибавленій, руководитъ любозна-

¹ Cohort. ad gent. VI, 20. Въ другомъ мѣстѣ (Str. I, 7. 124) онъ выражается такъ: «одинъ воздѣлыватель земли человѣческой (тѣ; ἐν ἀνθρώποις ὕψι), сходящій свыше (ἄνωθεν) отъ сложенія міра питательныя сѣмена, одождяющій во великое время Господа — Слово (Ἐπίστα — Λόγος); во времена и мѣстности, которыя пріемлютъ Его, произведи разности». Посему, если иногда у Климента при изображеніи дѣйствія Слова Божія на людей, по видимому, оно не отличается отъ природныхъ способностей разума и воли (напр. Strom. I, 19. 136), то послѣднія мѣста, не совсемъ точныя, нужно объяснять первыми, болѣе ясными и точными.

тельность ихъ къ здоровому бужденію о явленіяхъ видимой природы и ея Виновникъ и наклонитъ сердце ихъ къ безпристрастному слушанію внутреннего голоса души, созданной по образу Божію; ¹ и какъ скоро кто-нибудь изъ язычниковъ, вмѣсто большаго и большаго ослѣпленія самаго себя заблужденіями, суевѣріями и страстями, открывалъ свои духовныя очи къ божественному свѣту, окружающему его, то, не смотря на свою наслѣдственную порчу, могъ при содѣйствіи Слова достигать до разумѣнія и высказыванія вѣрныхъ сужденій и правилъ, приближаясь въ нѣкоторой степени къ писаннымъ богооткровеннымъ истинамъ. «Промысленіе Божіе, — говоритъ Климентъ Александрійскій, — свыше нисходитъ на всѣхъ, какъ муро, стекающее съ головы на бороду Ааронову и на край одежды его (Псал. СXXXII, 2), т. е. муро великаго Архiereя, чрезъ котораго произошло все и безъ котораго ничто не произошло (Іоан. 1, 3), впрочемъ не на мірѣ тѣла; ибо философія внѣ народа, какъ одежда (внѣ тѣла); посему философы, руководясь при собственномъ разсужденіи духомъ познанія, когда занимаются не какою-нибудь частною философіею, но всецѣлою и совершенною философіею, и съ любовію къ истинѣ и безпристрастіемъ свидѣтельствуютъ объ истинѣ, то даже при разномысліяхъ говорятъ доброе и достигаютъ до разумѣнія (истины) по божественному устроенію неизреченной Благодати, которая всегда по возможности ведетъ природу существъ къ лучшему». ² Раскрывая далѣе ученіе о Словѣ

¹ «Слово не было сокрыто ни отъ кого; это—общій свѣтъ, сіяющій для всѣхъ людей; въ отношеніи къ Слову нѣтъ Киммерійца», говоритъ Климентъ Ал. въ Cohort. ad gen. IX, 25. Оригенъ объ этомъ разсуждаетъ такъ: «Слово по благословнымъ причинамъ исполнилъ воплощеніе Иисуса нынѣ, но благодѣтельствовалъ роду человѣческому всегда; ибо ничего добраго между людьми не было безъ наитія божественнаго Слова на души тѣхъ, которые могли хотя на малое время принять такіа дѣйствія божественнаго Слова». Cont. Cel. VI, 78. «Бывшее въ началѣ у Бога Слово, которымъ все создано, всегда было присуще роду человѣческому», говоритъ св. Иринеи: Прот. ерес. III, 18. 1.

² Strom. VI, 17. 293. Подробнѣе объ этомъ см. Strom. VII, 2.

Божіемъ, дѣйствовавшемъ въ языческомъ мірѣ, апологеты утверждали, что Богъ, заключивъ частный завѣтъ съ народомъ израильскимъ, не лишилъ и остальную часть человѣчества своихъ благодѣяній, но и другіе народы призвалъ къ участию въ благодати и свѣтѣ, разливаемыхъ Словомъ Божиимъ по всему міру и во всякое время. Въ избранномъ народѣ Божіемъ это благодатное просвѣщеніе было болѣе живо, обильно и дѣйствительно; наставляемый законами и пророками Слова Израиль жилъ своею вѣрою въ истиннаго Бога и своею надеждою на истиннаго Мессію; но свѣтъ божественный не ограничивался этою частию горизонта; Слово озаряло своими лучами всѣ предѣлы земли; ибо на мѣсто пророковъ Израіля языческіе народы имѣли своихъ мудрецовъ и философовъ, воздвигаемыхъ тѣмъ же Богомъ, чтобы они были наставниками и руководителями народа. Воособенности греческая философія, по изъясненію Климента, «не Стоическая и Платонова, не Эпикурова и Аристотелева, но содержащая все, что сказано каждою изъ этихъ сектъ хорошаго и поучающаго правдѣ съ благочестивымъ знаніемъ,» вся совокупность вѣрныхъ религіозно-нравственныхъ истинъ, преподаваемыхъ философіею, служила для язычниковъ своего рода откровеніемъ, хотя не совершенно равнымъ съ откровеніемъ, даннымъ въ писанномъ Словѣ Божіемъ іудеямъ и хрстіанамъ, но для классическаго міра замѣплюющимъ письменное откровеніе, руководившимъ тамошнихъ язычниковъ къ богопознанію и къ высшимъ цѣлямъ человѣческой жизни. ¹ «Господь,—говоритъ Климентъ,—ведетъ къ созерцанію

¹ Strom. I, 7. 124. Въ Strom. I, 2. 127. онъ же называетъ философію *ἀληθείας εἰκόνα ἐναργῆ, θεῶν δωρεάν*. Отсюда произошла мысль, встречающаяся у апологетовъ, что всѣ богооткровенныя истины по частямъ и разсѣянно находятся въ разныхъ философскихъ школахъ: «такъ какъ истина одна, то философскія секты варварскія и греческія, получивъ каждая ту часть ея, какую получила, хвалятся какъ бы цѣлою истиною». Клим. Strom. I, 13. 128. Также Лактанцій говоритъ: *facile est docere, pene universam veritatem per philosophos sectos esse dispersam...; totam igitur veritatem et omne divinae religionis arcanum philosophi attigerunt*. Div. Inst. VIII, 7.

Себя всякаго, кто всецѣло предался созерцанію по любви къ вѣднію; для того Онъ и далъ заповѣди, первыя и вторыя, почерпнувъ ихъ изъ одного источника, и какъ жившихъ до закона не оставилъ быть беззаконными, такъ и неслушавшихъ варварской философіи не допустилъ быть необузданными; ибо, даровавъ однимъ заповѣди, а другимъ философію, Онъ положилъ предѣлы невѣрію до своего пришествія, послѣ котораго всякой невѣрующей уже безответенъ». ¹ Еще яснѣе тотъ же учитель Церкви пишетъ въ другомъ мѣстѣ;» эллины знали единаго и единственнаго Бога по язычески, іудеи по іудейски, а мы знаемъ Его новымъ и духовнымъ образомъ; намъ обоимъ даровалъ завѣтъ тотъ же самый Богъ, податель эллинской философіи для эллиновъ, посредствомъ которой Онъ прославляется у нихъ, какъ Вседержитель; по ятому изъ эллинскихъ ученыхъ и изъ учениковъ закона принимающіе вѣру составляютъ одинъ родъ спасаемыхъ, не раздѣляемый по времени на три народа, но только поучаемый различными завѣтами одного Господа, Словомъ одного Бога; ибо какъ для спасенія іудеевъ Богъ благоволилъ посылать пророковъ, такъ между эллинами Онъ воздвигалъ отличнѣйшихъ мужей и, отдѣляя ихъ отъ толпы, поставилъ пророками въ собственномъ ихъ народѣ, сколько они способны были принять это благодѣяніе Божіе». ² На основаніи подобныхъ соображеній хрстіанскіе апологеты полагали, что тѣ изъ язычниковъ, которые прежде воплощенія Бога—Слова мудрствовали и устроили свою жизнь сообразно съ вну-

¹ Strom. VII. 2. 299. «Все необходимое и полезное для жизни получается нами отъ Бога, а тѣмъ болѣе философія дана Эллинамъ какъ бы собственныи ихъ завѣтъ, какъ ступень къ философіи Христовой». Strom. VI, 8. 275.

² Strom. VI, 5. 270. Климентъ основываетъ раскрытыя здѣсь мысли на приведенномъ предъ тѣмъ отрывкѣ изъ апокрифическаго писанія Ап. Петра, подъ заглавіемъ: *Тѣ иеруз.*, о которомъ упоминаютъ еще: Оригенъ in Ev. Iohann. p. 215. Иеронимъ De script. eccles. § 1. и Евсевій Hist. eccles. III, 3.

шеніями дѣйствовавшей между ними премудрости Божіей, не только были не хуже іудеевъ, но могутъ быть названы даже христіанами; потому что и они были учениками того же Слова Божія, просвѣщающаго всякаго человѣка, приходящаго въ міръ (Іоан. 1, 9), которое воплотившись сдѣлало вѣрующіихъ людей христіанами.» Христосъ—говоритъ св. Іустинъ—есть перворожденный Бога, и мы выше объявили, что Онъ есть Слово, которому причастенъ весь родъ человѣческой; тѣ, которые жили согласно съ Словомъ, суть христіане, хотя бы они считались (со стороны язычниковъ) за безбожниковъ; таковы между эллинами Сократъ и Ираклитъ и имъ подобные, а изъ варваровъ Авраамъ, Ананія, Азарія и Мисаилъ, и Ілія и многіе другіе; такимъ образомъ тѣ изъ прежде-бывшихъ, которые жили противно Слову, были безчестными, враждебными Христу и убійцами людей, жившихъ согласно съ Словомъ, а тѣ, которые жили и нынѣ живутъ согласно съ Нимъ, суть христіане». ¹ Таково подлинное ученіе объ откровеніи Слова Божія между языческими мудрецами, ² высказанное главнымъ образомъ тѣми христіанскими апологетами, изъ которыхъ одинъ—св. Іустинъ—прежде всѣхъ, а другой—Климентъ Александрійскій—больше всѣхъ держались мнѣнія о заимствованіи древними классиками изъ Библии. Не входя въ разборъ самаго ученія, здѣсь нужно коснуться только отношенія его къ упомянутому мнѣ-

¹ Апол. I, 46. ср. I, 15. Въ другой апологіи (II, 13) онъ говоритъ: «все, что сказано каѣмъ-нибудь изъ философовъ хорошаго, принадлежитъ намъ христіанамъ». Минуцій Феликсъ выражается такъ: «лучшая слава философовъ въ томъ, что они, хотя различными именами, указывали единого Бога, такъ что иной подумаетъ, что или нынѣшніе христіане философы, или философы были уже тогда христіанами». Октав. гл. 20. Ср. также Климент. Strom. VI, 7. 293. VII, 2. 298.

² Оно доводится до крайности новѣйшими послѣдователями, изъ которыхъ одинъ напр. говоритъ: Das eigentliche Heidenthum steht dem Christenthume unendlich näher, als der moderne Protestantismus und abgestandene Katholicismus. Sepp: Thaten und Lehren Jesu. 1864. T. I. s. 13.

нію. Есть ли между ними какаѣ-нибудь связь? Между этими воззрѣніями, касающимися однихъ и тѣхъ же истинъ, сходныхъ у классиковъ съ св. Писаніемъ, не только нѣтъ взаимной связи, но напротивъ въ изложенномъ ученіи о Словѣ Божіемъ есть нѣсколько такихъ сторонъ, которыя не могутъ быть соглашены съ мнѣніемъ о заимствованіи классиками изъ Библии. Обратимъ ли мы вниманіе на мотивы, по которымъ допускается особенное промыслительное дѣйствіе Слова Божія на языческихъ мудрецовъ, эти мотивы исключаютъ мысль о непосредственномъ или посредственномъ отношеніи древнихъ классиковъ къ св. Писанію еврейскаго народа; пбо дѣятельность Слова между ними потому и предполагается необходимою, что, кромѣ естественныхъ и общечеловѣческихъ средствъ къ приобрѣтенію религіозно-нравственныхъ познаній, никакихъ другихъ средствъ у язычниковъ не было, и Провидѣніе имѣло въ виду вознаградить у нихъ недостатокъ письменнаго Слова Божія неписаннымъ откровеніемъ того же Слова и даже замѣнить для язычниковъ законъ Моисеевъ особымъ просвѣщеніемъ ума и воли классическихъ мудрецовъ, особенно такъ называемою философіею. Посмотримъ ли мы на дѣйствіе Слова Божія въ кругу людей, находившихся внѣ положительнаго откровенія, то оно, доставляя по возможности тѣ блага, для которыхъ было сообщаемо язычникамъ, тѣмъ самымъ и выполняло все свое дѣло; ¹ при этомъ нельзя представить, чтобы оно между прочимъ производило и такое дѣйствіе, которое одно по видимому

¹ Одинъ язычникъ спрашивалъ бл. Августина, почему Спаситель столько столѣтій не приходилъ въ міръ спасать язычниковъ, которые не могли получать спасенія чрезъ законъ Моисеевъ, такъ какъ законъ іудейскій появился уже въ позднее время и былъ соблюдаемъ только въ малой части Сири? Августинъ отвѣчалъ, что вѣчное Слово Божіе никогда совершенно не оставило міра, но во всякое время открывалось известнымъ образомъ и между язычниками. Августин. Epist. 40. ad Deograt. Ср. Иероним. Epist. 48. ad Stesiph.

могло бы примирить учение о дѣятельности Слова между классиками съ мнѣніемъ о заимствованіи ими истинъ изъ Библии, но въ сущности противорѣчитъ самому этому учению, именно чтобы оно производило въ ученыхъ язычникахъ стремленіе къ исканію св. Писанія у евреевъ для заимствованія изъ него чистыхъ истинъ вѣры и нравственности; ибо, хотя философы, законодатели и поэты стремились на востокъ за пріобрѣтеніемъ познаній, но кто можетъ сказать (и апологеты не говорили этого), чтобы они стремились туда именно по побужденію дѣйствовавшаго въ нихъ Слова Божія? Предположеніе этого побужденія со стороны Слова не значило ли бы, что оно само не достигало тѣхъ благъ, для которыхъ было даруемо язычникамъ, — просвѣщенія ума и воли ихъ въ замѣнъ иудейскаго св. Писанія? Не служитъ ли доказательствомъ противнаго то обстоятельство, что всѣ пилигримства классическихъ мудрецовъ постоянно устремлялись не въ Палестину, гдѣ хранилась въ письменныхъ памятникахъ откровенная истина, а въ тѣ страны египтянъ, финикянъ и вавилонянъ, отъ которыхъ самъ Богъ, какъ извѣстно, устранилъ избранный народъ свой и всячески ограждалъ въ теченіи многихъ столѣтій, находя вреднымъ для него сообщеніе съ этими народами въ религиозномъ и нравственномъ отношеніи? Посмотримъ ли наконецъ на главную цѣль дѣятельности Слова Божія между язычниками, то и эта цѣль, положительно высказанная апологетами, не мирится съ мыслию о заимствованіи классиками изъ Библии. Какая же это цѣль? «Виновникъ всѣхъ благъ есть Богъ, — говоритъ Климентъ, — но однихъ главнымъ образомъ (*κατὰ προκύψιν*), какъ ветхаго и новаго Заветовъ, а другихъ посредственно (*κατ' ἐπιβολὴν Ἐπιμα*), какъ философіи; впрочемъ и она дана была эллинамъ главнымъ образомъ, прежде нежели Господь призвалъ и эллиновъ; ибо и она была для эллиновъ, какъ законъ для евреевъ, дѣтководителемъ ко Христу (Гал. III, 24); философія предуготовляетъ, руко-

дить, а совершенство получается отъ Христа». ¹ И въ другомъ мѣстѣ: «иудеямъ данъ былъ законъ, эллинамъ же философія, до пришествія Христова, а съ этого времени общее призваніе въ особенный народъ правды, къ учению вѣры, куда Господь призываетъ чрезъ одного, который есть единый Богъ обоихъ и эллиновъ и варваровъ, или лучше, всего человѣческаго рода». ² Если же чрезъ откровеніе невидимаго Слова Божія язычники были руководимы прямо ко Христу точно такъ же, какъ иудеи чрезъ ветхозавѣтный законъ св. Писанія, то для чего нуженъ былъ бы языческимъ мудрецамъ еще не прямой путь въ нѣдра церкви Христовой, путь чрезъ евреевъ посредствомъ заимствованія религиозно-нравственныхъ истинъ изъ закона Моисеева? ³ Другой взглядъ состоитъ въ томъ, что сужденія языческихъ мудрецовъ и учрежденія религиозно-нравственныхъ у языческихъ народовъ, сходныя съ библейскими, произошли отъ врага рода человѣческаго — діавола, и предлагается въ слѣдующемъ видѣ. Благотворнымъ дѣйствіемъ вѣчнаго Слова Божія, сообщавшаго языческому міру такія же познанія, какія писанный законъ евреямъ, всегда противился духъ злобы, который господствуетъ на землѣ преимущественно между идолопоклонниками; онъ и слуги его демоны суть виновники безбожныхъ и безнравственныхъ ученій между людьми и вмѣстѣ губители всего священнаго и душеполезнаго, достигающаго къ людямъ какими-либо внѣшними или внутренними путями.» Эти нечистые духи, — говоритъ Минуцій Феликсъ, — по изъясненію маговъ, философовъ и самаго Платона, скрываются въ

¹ Strom. I, 5. 122.

² Strom. VI, 17. 295. Ср. VII, 2. 298.

³ Послѣ этого получаетъ глубокий смыслъ замѣчаніе Лактанція, послужившее основаніемъ его сомнѣнія въ справедливости мнѣнія о заимствованіи классиками изъ Библии: «самъ Промыслъ Божій устранилъ классическихъ мудрецовъ отъ евреевъ, чтобы, по наступленіи опредѣленнаго времени, отнявъ ихъ отъ вѣроломнаго и неблагодарнаго народа, открыть ее внѣшнимъ народамъ». См. выше на стр. 34.

статуяхъ и идолахъ, которые по ихъ внушенію приобретаютъ такое уваженіе, какъ будто въ нихъ присутствовало божество; они вдохновляютъ прорицателей, обитаютъ въ капищахъ, дѣйствуютъ на внутренности животныхъ, руководятъ полетомъ птицъ, управляютъ жребіями, произносятъ смѣшанныя съ ложью прорицанія; они обманываются и обманываютъ, то не зная вѣрной истины, то, когда знаютъ, не исповѣдая на погибель себѣ». ¹ Между истинами, извѣстными демонамъ, были между прочимъ и предвозвѣщенныя пророками истины о пришествіи Сына Божія на землю для просвѣщенія людей свѣтомъ чистой религіи и нравственности. Чтобы ослабить и по возможности остановить дѣйствія воплощеннаго Слова Божія если не во всемъ человѣчествѣ, то по крайней мѣрѣ въ преданныхъ идолопоклонству язычникахъ, дьяволъ напередъ, за долго до пришествія Мессіи, познакомилъ языческій міръ съ библейскими истинами и учрежденіями, примѣшавъ къ нимъ ложь и баснословныя сказанія, и въ такомъ видѣ ввелъ ихъ въ составъ ученія мудрецовъ языческихъ вообще и классическихъ въ частности и въ культы языческихъ народовъ. Такимъ коварствомъ онъ хотѣлъ достигнуть какъ униженія самыхъ истинъ, помѣщенныхъ въ чуждую имъ область суевѣрій и вымысловъ, такъ и предотвращенія тѣхъ спасительныхъ послѣдствій, которыя могли произойти въ душахъ язычниковъ отъ проповѣди чистаго божественнаго ученія, отъ слушанія въ свое время новыхъ и необычайныхъ истинъ св. Писанія; онъ воспользовался религіозно-нравственными истинами богооткровенныхъ книгъ, придавъ имъ ложный видъ и въ этомъ видѣ распространивъ ихъ между народами, стоявшими внѣ откровенія, чтобы повредить распространенію тѣхъ же истинъ въ дѣйствительномъ ихъ видѣ и съ над-

¹ Октав. гл. 27. Ср. гл. 35., гдѣ говорится, что языческіе ученые и поэты знаютъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ загробной жизни «по указаніямъ демоновъ и изреченіямъ пророковъ».

лежащимъ успѣхомъ.» Баснословныя сказанія поэтовъ—говоритъ Св. Іустинъ—были говорены для обмана и развращенія рода человѣческаго, по дѣйствию злыхъ демоновъ; они, услышавши предсказанія пророковъ о томъ, что придетъ Христосъ и люди нечестивые будутъ наказаны огнемъ, сдѣлали то, что многіе назывались сынами, происшедшими отъ Зевса, думая тѣмъ произвести такое дѣйствіе, чтобы люди сказанія о Христѣ почитали за чудесныя сказки, подобныя тѣмъ, которыя были сказаны поэтами.» ¹ Такъ по поводу пророчества о рожденіи Бога—Слова демоны составили басню о рожденіи Діониса отъ Зевса; сказаніе о томъ, что Богъ сотворилъ міръ Словоиъ, послужило демонамъ къ составленію разсказа, что Зевсъ дочь свою Аѳину не родилъ, а произвелъ вдругъ изъ самаго себя; пророчество о Христѣ, что Онъ будетъ силенъ, какъ исполинъ, готовый идти въ путь, въ баснѣ отнесено къ Ираклу, герою сильному и обоедшему всю землю для совершенія великихъ подвиговъ; пророчества о Христѣ, издѣляющемъ всякую болѣзнь и воскрешающемъ мертвыхъ, послужили къ разсказу объ Эскулапѣ, дѣлавшемъ подобныя дѣла; предсказанія пророковъ о христіанскомъ крещеніи произвели обычай, по которому вступающіе въ храмъ языческой окроплялись и приступающіе къ богамъ омывались; слова пророка Даніила о камнѣ, отторгнутомъ отъ горы безъ рукъ (II, 34), и проповѣдь пророка Исаіи о правдѣ и судѣ (XXXIII, 13—19) подали поводъ совершителямъ мистерій Мнеры по наученію демоновъ говорить, что онъ родился отъ камня и между посвященными въ эти мистеріи устроить бесѣды о соблюденіи правды, и т. под. ² Если у св. Іустина нѣкоторыя пророчества ветхаго Завета представляются переданными въ искаженномъ видѣ язычникамъ по дѣйствию

¹ Апол. I, 54.

² Апол. I, гл. 62. и 64. Разгов. съ Трифономъ. гл. 69. и 70. Ср. Тертуліан. De praescript. haeret. с. 40.

злых демоновъ, то Климентъ Ал. и Тертуліанъ различнымъ религіозно-нравственнымъ истинамъ, сходнымъ у классиковъ съ библейскими, приписываютъ такое же происхождение. «Тѣ,—пишетъ Климентъ,—которые говорятъ, что философія произошла отъ діавола, пусть знаютъ, что, по выраженію Писанія, діаволь *принимаетъ видъ ангела свѣта* (2 Кор. XI, 14); для чего? Очевидно для того, чтобы пророчествовать; когда же онъ пророчествуетъ, какъ ангелъ свѣта, то говоритъ истинное; когда вѣщаетъ ангельское и свѣтлое, то вѣщаетъ полезное, т. е. когда онъ принимаетъ видъ такого дѣйствія, хотя по существу своему онъ есть иной; иначе какъ онъ и прельстилъ бы кого-нибудь, если бы не привлекалъ къ себѣ сначала посредствомъ истиннаго, а потомъ вовлекая въ ложь? Слѣдовательно философія не есть ложь, хотя въ ней вѣщаетъ истинное воръ и лжець преобразившійся.»¹ Еще яснѣе говоритъ Тертуліанъ: «все устроено противъ истины посредствомъ заимствования отъ самой истины духами заблужденія, совершающими такое уподобленіе; ими сдѣланы эти искаженія спасительнаго ученія; ими введены и басни, которыя по сходству ослабляли бы вѣру въ истину, или лучше сказать, привлекали бы вѣру къ нимъ самимъ, чтобы всякой думалъ, что не нужно вѣрить христіанамъ такъ же, какъ поетамъ и философамъ, или лучше думалъ, что нужно вѣрить поетамъ и философамъ, потому что нельзя вѣрить христіанамъ.»² Таковъ взглядъ апологетовъ на дѣйствія духа злобы въ классическомъ мірѣ. Если сопоставить его съ воззрѣніемъ ихъ на заимствованіе самими классиками разныхъ истинъ

¹ Strom. VI, 8. 275. Срав. Аѳинаг. Проп. о христ. гл. 24.

² Apolog. с. 47. Въ другомъ мѣстѣ утверждая, что діаволь съ коварною цѣлію подражалъ іудейскому ученію (Iudaeae), онъ выражается такъ: *diabolus gestit et potuit instrumenta quoque divinarum rerum et sanctorum christianorum* (т. е. книги св. Писанія), *sensum de sensibus, verba de verbis, parabolas de parabolis, profanae et aenigmas fidei attemperare. De praescribaer. с. 40.*

изъ Библии, то онъ, какъ новое объясненіе одного и того же явленія, самъ собою исключаетъ это воззрѣніе, тѣмъ болѣе, что въ немъ заключается такое соображеніе, которое прямо и какъ бы нарочито принято въ опроверженіе воззрѣнія; именно предполагася дѣятельность злаго духа, при передачѣ истинъ св. Писанія классическому міру въ искаженномъ видѣ, очевидно направлена къ тому, чтобы отклонить самихъ языческихъ мудрецовъ и даже ихъ потомковъ отъ непосредственнаго или посредственнаго ознакомленія съ подлинными источниками откровенныхъ истинъ, не дать имъ возможности повѣрить копіи съ оригиналомъ и оставить ихъ при довольствѣ сообщаемыми имъ заблужденіями; какимъ же образомъ классики, вопреки такой силѣ, могли достигать до св. Писанія и изъ него что—нибудь заимствовать? Правда, этотъ взглядъ самъ не выдерживаетъ критики; потому что впервыхъ въ немъ уже предварительно допускается, какъ нѣчто данное, дѣйствительное сходство извѣстныхъ теоретическихъ сужденій и фактическихъ учрежденій съ положеніями и учрежденіями богооткровенной религіи, и предлагается объясненіе, откуда произошло такое сходство; посему всѣ доводы, опровергающіе дѣйствительное сходство тѣхъ или другихъ мѣстъ классическихъ съ подобными мѣстами св. Писанія и всѣ историческія и хронологическія соображенія особенно касательно обращенія фактическихъ сказаній Библии въ миѳы классической древности, имѣютъ силу и противъ этого взгляда;¹ во вторыхъ въ этомъ взглядѣ, не придающемъ никакого значенія другимъ источникамъ познаній, доступнымъ для классиковъ и весьма естественно объясняющимъ многое въ настоящемъ вопросѣ², приписывается языческимъ мудре-

¹ См. выше, Отд. II. Глав. 2. § 1.

² Объясненіе сходныхъ мѣстъ у классиковъ съ Библиею дѣйствіемъ Слова Божія, хотя также напередъ допускаетъ извѣстнымъ и доказаннымъ сходство

цамъ такая безсознательность въ отношеніи къ источнику, изъ котораго духъ злобы заимствовалъ будто бы истины и сообщалъ въ искаженномъ видѣ людямъ безъ ихъ вѣдома и желанія, что вопросъ объ отношеніи классиковъ къ Библии становится совершенно излишнимъ и неммыслимымъ, какъ было бы неммыслимо существованіе св. Писанія для людей, находившихся подъ такимъ вліяніемъ; по сему этотъ взглядъ, какъ не объясняющій дѣла, справедливо можетъ быть устраненъ. Но и послѣ того мнѣніе о заимствованіи истинъ классиками изъ Библии не можетъ стать на его мѣсто или приобрести болѣе силы и убѣдительности. Напротивъ въ томъ же взглядѣ есть тѣя стороны, которыя сближаются съ нѣкоторыми сторонами этого мнѣнія и еще болѣе подрываютъ его состоятельность. Какъ демонамъ приписывается здѣсь сообщеніе язычникамъ не совсѣмъ чистыхъ истинъ св. Писанія, а съ примѣсью разныхъ заблужденій и вымысловъ, такъ и о греческихъ классикахъ предполагается, что они при заимствованіи изъ Библии искажали все и въ такомъ видѣ переводили въ свои сочиненія; дѣло тѣхъ и другихъ было бы одинаковымъ и дѣйствительнымъ зломъ, которое могло вредить какъ самымъ истинамъ, такъ и людямъ, до которыхъ онѣ доходили бы чрезъ ненадежныхъ посредниковъ, и потому они у Климента Александрійскаго и называются одинаково *ворами* и *разбойниками*; но съ подобною мыслию какимъ образомъ можно согласить взглядъ самихъ апологетовъ на мѣста въ сочиненіяхъ классическихъ писателей, сходныя съ Библиею, какъ на нѣчто достойное всякаго уваженія и дѣлающее честь древнимъ поэтамъ и философамъ? ¹ Мотивы и цѣль дѣятельности

вѣтъ мѣстъ съ Библиею, но по крайней мѣрѣ такое дѣйствіе Слова легко можетъ быть согласено съ самодѣятельностію внутреннихъ силъ классиковъ, какъ начало содѣйствующее имъ и тайственно просвѣщающее къ большому и большому познанію спасительныхъ истинъ.

¹ Климентъ (Strom. V, 14. 262) послѣ исчисленія множества мѣстъ классическихъ, сходныхъ съ библейскими, въ заключеніе говоритъ, что знаком-

злаго духа при передачѣ священныхъ истинъ въ нечистомъ видѣ языческому міру полагаются въ томъ, чтобы поставить препятствія къ распространенію со временемъ подлинныхъ истинъ божественнаго откровенія; это заслужило нареканія со стороны христіанскихъ апологетовъ, какъ дѣло злобы и коварства; классическіе же мудрецы, по предположенію, точно также сообщали своимъ соотечественникамъ библейскія истины въ искаженномъ видѣ; поэтому не слѣдуетъ ли приписать и имъ тѣже мотивы и ту же цѣль, какъ скоро они дѣйствительно были знакомы непосредственно или посредственно съ св. Писаніемъ? Не имъ ли надобно приписать то, что враги іудейской и христіанской религіи, каковы Кельсъ и Юліанъ, опирались на классическія сочиненія въ своихъ усиліяхъ къ униженію св. Писанія, и слѣдовательно на нихъ же, кромѣ вины невниманія и противленія естественнымъ источникамъ богопознанія и богопочитанія, въ которой укоряетъ ихъ апостолъ (Рим. I, 18—20), не нужно ли навлечь еще новую вину злоупотребленія извѣстнымъ для нихъ писаннымъ Словомъ Божиимъ? Съ принятіемъ мнѣнія о заимствованіи классиками изъ Библии въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно утверждается, все это слѣдуетъ; но такое обвиненіе языческихъ мудрецовъ, конечно, было бы несправедливою крайностію.— Такимъ образомъ изложенные два взгляда христіанскихъ апологетовъ на происхожденіе у классическихъ писателей мѣстъ, сходныхъ съ библейскими, исключаютъ ихъ мнѣніе о заимствованіи самими классиками истинъ изъ Библии. Если нельзя сказать, что классики заимствовали истины изъ св. Писанія, *такъ какъ* невидимое Слово Божіе сообщало имъ многія мысли сходныя съ текстами писаннаго Слова Божія, или, *такъ какъ* духъ злобы вводилъ у нихъ

ство философовъ и поэтовъ съ библейскими истинами и передача ихъ современникамъ есть великое благодѣніе Божіе (ἡ τῶ θεοῦ εὐλογία). Тоже не рѣдко повторяютъ и другіе апологеты.

сужденія и учрежденія подобныя библейскимъ, то значить, что при этихъ взглядахъ не имѣеть мѣста изложенное мнѣніе. Впрочемъ и независимо отъ упомянутыхъ взглядовъ, это мнѣніе само по себѣ представляеть такъ много неясностей и недоразумѣній, что скорѣе можно отказаться отъ него, нежели найти возможность объяснить и примирить всѣ встрѣчающіяся при немъ противорѣчія. Не нашли этой возможности, по крайней мѣрѣ не предложили своимъ читателямъ и христіанскіе апологеты; и потому можно заключить, что самое это мнѣніе, не имѣющее органической связи съ прочими мнѣніями апологетовъ о томъ же предметѣ, не было такимъ же собственнымъ, ими самими выработаннымъ убѣжденіемъ, какъ другія ихъ воззрѣнія, иначе сказать, оно само было заимствовано ими изъ чуждаго источника; а изъ какого именно, и какимъ образомъ, это видно будетъ изъ слѣдующаго отдѣла изслѣдованія.

ОТДѢЛЪ Ш.

§ 1. Изслѣдованіе воззрѣнія христіанскихъ апологетовъ на отношеніе древнихъ писателей классическихъ къ библейскимъ приводитъ къ мысли, что это воззрѣніе не было собственнымъ ихъ, выработаннымъ ими самими убѣжденіемъ, а заимствовано было ими отъ какихъ-нибудь другихъ мыслителей. Оно дѣйствительно не было самостоятельнымъ ихъ мнѣніемъ. Это прежде всего видно на тѣхъ апологетахъ, которые то утверждали мнѣніе о заимствованіи разныхъ истинъ классиками изъ св. Писанія, то сомнѣвались въ справедливости того же мнѣнія. Отъ чего бы ни происходило такое ихъ сомнѣніе, отъ большаго ли и внимательнѣйшаго изученія предмета въ послѣдствіи времени, или отъ внушенія другихъ лицъ, не державшихся этого мнѣнія, во всякомъ случаѣ первоначальное допущеніе воззрѣнія, прежде выраженнаго сомнѣнія, можетъ быть объяснено у нихъ тѣмъ, что они были тогда *согласны* съ мнѣніемъ другихъ, какъ выразился блаж. Августинъ, или *не отвергли написаннаго некоторыми*, какъ выразился Оригенъ, иначе сказать, оно не было плодомъ самостоятельнаго ихъ изслѣдованія¹. У тѣхъ же апологетовъ, которые не выражали сомнѣній на счетъ этого воззрѣнія и утверждали его, какъ по видимому свое собственное мнѣ-

¹ См. выше, Отд. 1. § 4.

ніе, несамостоятельность его ясно открывается и съ внутренней и съ внѣшней стороны; съ внутренней стороны— изъ того, что оно оказывается несомнѣннымъ съ другими мыслями самихъ христіанскихъ писателей о томъ же предметѣ, достаточно проявляющими сходство нѣкоторыхъ общечеловѣческихъ мыслей у древнихъ классиковъ съ Библиею безъ прямаго заимствованія ихъ изъ книгъ еврейскаго народа. Со всѣми такими мыслями, болѣе или менѣе развитыми въ ихъ сочиненіяхъ, воззрѣніе на отношеніе древнихъ писателей классическихъ къ библейскимъ не имѣетъ внутренней связи. Оно можетъ быть отчасти согласено только съ мнѣніемъ о заимствованіи истинъ изъ Библии и сообщеніи ихъ въ искаженномъ видѣ языческому міру злыми духами¹. Но это послѣднее мнѣніе о вліяніи духа злобы на классиковъ, не имѣя твердыхъ основаній въ самомъ себѣ, не есть самостоятельное ученіе христіанскихъ писателей; оно ведетъ свое начало вообще изъ древняго ученія іудеевъ о происхожденіи язычества отъ злаго духа, и въ частности изъ ихъ преданій о смѣшеніи демоновъ съ дочерьми человѣческими². Такъ точно и мнѣніе о заимствованіи истинъ древними классиками изъ Библии, не имѣя твердыхъ и несомнѣнныхъ основаній въ са-

¹ Климентъ Ал. находитъ связь между этими мнѣніями, когда говоритъ: «мы показали, что эллинскіе философы называются ворами, какъ неблаго- дарно заимствовавшіе изъ пророковъ главнѣйшіе догматы; къ этому прибавимъ, что ангелы, удостоившіеся высшаго жребія, но низпадшіе къ чувственнымъ удовольствіямъ, открыли жемчужныя неизреченныя истины, какія достигли до ихъ вѣдѣній; отсюда происекло ученіе о Промыслѣ и открытіе высокихъ истинъ; и, когда пророческое ученіе уже передано было Эллинамъ (т. е. демонами чрезъ женъ), то появились разсужденія философовъ о догматахъ, то истинныя, когда они принимались за это внимательно, то ошибочныя, когда они не понимали сокровеннаго смысла пророческихъ иносказаній.» *Stg. V, 1. 235.* Ср. Іустин. Апол. II, 5. Разг. съ Триѳ. 55. Афинагор. 26. Татиан. 12. Минуц. Фел. Окт. 27. Тертул. Аполлог. 22.

² См. Второз. XXXII, 17. Псал. XCV, 5. Исai. XXX, 4. LXV, 11. I Паралип. XVI, 26. — всѣ эти мѣста по переводу 70 толковниковъ. О вліяніи демоновъ посредствомъ женъ см. книг. Еноха VII, 1. XV, 8. Іос. Флав. *Antiquit. I, 3. 1.*

момъ себѣ, заставляетъ предполагать посторонній источникъ, изъ котораго оно было заимствовано, и всего ближе тотъ же самый источникъ, которому обязано своимъ началомъ и сродное съ нимъ мнѣніе о демонахъ въ отношеніи къ классическому міру. Это предположеніе дѣйствительно оправдывается и внѣшними признаками несамостоятельности упомянутого воззрѣнія. Христіанскіе апологеты отнюдь не скрываютъ, откуда получили они это воззрѣніе; напротивъ сами и при изложеніи общей мысли объ отношеніи классиковъ къ св. Писанію, и при сужденіяхъ о томъ или другомъ классическомъ писателѣ въ отдѣльности, и при раскрытіи какъ главныхъ доводовъ въ пользу воззрѣнія, такъ и многихъ частныхъ, ссылаются на другихъ; слѣдовательно признають свое заимствованіе отъ постороннихъ мыслителей. Отъ кого же именно? При изслѣдованіи этого воззрѣнія объявилось, что предположеніе о существованіи древнѣйшаго, прежде 70 толковниковъ, перевода Библии съ еврейскаго на греческій языкъ, допущенное христіанскими апологетами, принадлежитъ іудейскому писателю Аристову, высказавшему его въ связи съ мыслию о заимствованіи всего лучшаго классиками изъ Библии¹. Мысль о томъ, что объ еврейскъ и еврейскомъ ученіи упоминали нѣкоторые древніе классики до эпохи Александра Македонскаго, утверждается въ особомъ сочиненіи іудейскаго писателя Іосифа Флавія и повторяется апологетами съ буквальною точностію². Предположеніе о вліяніи древнихъ евреевъ на восточные народы въ культурномъ отношеніи опирается на свидѣтельствахъ александрійскихъ іудеевъ—Евполема и Артапана³. Соображенія объ извѣстности заповѣди закона Моисеева о почитаніи субботы въ классическомъ мірѣ, равно и согласіи ученія Орфея съ ученіемъ св. Писанія о

¹ См. выше, Отд. II. Гл. 1. § 1.

² Тамъ же.

³ См. выше, Отд. I. Гл. 1. § 3.

единствѣ Бога, основываются опять на словахъ Аристотула іудея¹. Точно также при раскрытіи общихъ соображеній и частныхъ мыслей апологеты ссылаются на Филона пифагорейца², Нуминія пифагорейца, Порфирія платоника, Амелія и Плотина неоплатониковъ, и на другихъ какъ іудейскихъ писателей, такъ и неопифагорейцевъ и неоплатониковъ³. Соображая всѣ эти ссылки, приведенныя для подтвержденія принятаго воззрѣнія и въ существенныхъ и во второстепенныхъ частяхъ его, съ достовѣрностію можно сказать, что первоначальнымъ и главнымъ источникомъ воззрѣнія христіанскихъ апологетовъ было ученіе до—христіанскихъ іудеевъ, той школы, къ которой принадлежали вышеупомянутые іудейскіе писатели, а за тѣмъ способствующими лицами, подъ вліяніемъ которыхъ поддерживалось и развивалось это воззрѣніе, были современные апологетамъ неопифагорейцы и неоплатоники. Историческія обстоятельства тогдашняго времени вполне подтверждаютъ такое заключеніе, достаточно проясняя пути и способы, какими образовалось въ христіанскомъ мірѣ изложенное мнѣніе о заимствованіи истинъ древними классиками изъ св. Писанія.

§ 2. Вскорѣ послѣ основанія Александромъ великимъ новой египетской столицы, городъ Александрія сдѣлался не только мѣстомъ посредствующимъ между восточными и западными народами, но и средоточіемъ іудеевъ, жившихъ между эллинами. Здѣсь іудеи въ первый разъ вошли въ кругъ общечеловѣческаго образованія, принадлежавшаго другимъ націямъ, и сами сдѣлались предметомъ изученія другихъ націй со стороны своихъ религіозныхъ и

¹ Отд. II. Гл. 1. § 1 и § 2. Этого Аристотула не нужно смѣшивать съ историкомъ Аристотуломъ Кассандрскимъ, жившимъ при Александрѣ великомъ. Arrian. VI, 28. Lucian. Quomodo hist. scrib. c. 12.

² Климент. Strom. I, 15. 132. Подъ этимъ именемъ разумѣется извѣстный іудейскій писатель Филонъ Александрійскій, называемый и Платоникомъ.

³ О нихъ будетъ сказано ниже въ своемъ мѣстѣ.

нравственныхъ особенностей; здѣсь въ первый разъ библейское ученіе встрѣтилось лицомъ къ лицу съ греческимъ міровоззрѣніемъ и вступило во взаимное съ нимъ отношеніе. Этому способствовали историческія обстоятельства александрійской жизни при Александрѣ великомъ и преемникахъ его—Птоломахъ. Первые александрійскіе поселенцы изъ іудеевъ были принуждены Александромъ великимъ къ переселенію изъ Палестины въ Египетъ, равно какъ и послѣдующіе при преемникѣ его Птоломѣѣ, сынѣ Лаговомъ¹; но египетскіе государи предоставили іудеямъ одинаковыя гражданскія права съ македонянами, и, замѣтивъ строгое соблюденіе ими клятвы на вѣрность, отличали ихъ нѣкоторыми преимуществами по службѣ, отъ чего, при чрезвычайно выгодномъ, торговомъ и международномъ, положеніи Александріи, значеніе и благосостояніе іудеевъ въ этой странѣ скоро возвысилось и привлекло еще большее число добровольныхъ переселенцевъ изъ іудеевъ, которые свыкались съ тамошнею жизнію, усвоивъ здѣсь и греческій языкъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ они пользовались здѣсь важнѣйшею выгодною—религіозною свободою, вслѣдствіе которой могли безмятежно жить по правиламъ своей религіи и обычаямъ своихъ отцевъ. Хотя взаимная религіозная вражда между египетскими язычниками и почитателями истиннаго Бога нарушала иногда спокойствіе александрійскихъ іудеевъ, и нѣкоторые изъ Птоломеевъ, какъ то: Филопаторъ и Фисконъ, дѣлали имъ притѣсненія, но эти неблагоприятныя обстоятельства скоро проходили, и господствовавшій вообще при династіи Птоломеевъ духъ терпимости способствовалъ развитію благосостоянія и общечеловѣческаго образованія между александрійскими іудеями². Это внутреннее развитіе ихъ. завися отъ мѣстныхъ

¹ Иос. Флав. De bell. Iud. II, 18. 7. Antiq. XII, 1. 1. к Contr. Apion. II, 4.

² См. статью: «Египетскіе іудеи», въ Хр. Чтен. за 1870 г. мѣс. июль и сентябрь.

благоприятныхъ обстоятельствъ, обусловливалось и общимъ настроеніемъ духовной жизни послѣ побѣдъ Александра Македонскаго. Древняя народная жизнь грековъ и восточныхъ народовъ окончилась съ эпохою этого великаго завоевателя, которая положила начало новому, болѣе научному образованію, усилившемуся въ послѣдующія столѣтія и принесшему обильные плоды. Александрія была средоточнымъ пунктомъ этого новаго направленія не только по своему мѣстоположенію и вышнему значенію, но и потому, что Птоломеи понимали духъ времени и способствовали его укрѣпленію и развитію. Первый изъ нихъ, сынъ Лаговъ (320—284 до Р. Хр.), былъ любителемъ наукъ и искусствъ, и преемникъ его—Птоломей Филадельфъ (285—247 г.) поощрялъ ихъ всѣми мѣрами, особенно же устройствомъ Музея и большой библіотеки и попеченіемъ какъ о духовныхъ, такъ и о матеріальныхъ потребностяхъ ученыхъ мужей, занимавшихся науками въ этихъ двухъ учрежденіяхъ. Изъ нихъ Музей, имѣя своимъ назначеніемъ доставленіе ученымъ мужамъ всякихъ способовъ къ усовершенствованію въ научномъ образованіи, по видимому предназначался болѣе всего къ тому, чтобы поставлять въ соприкосновеніе другъ съ другомъ различныя духовныя направленія и во взаимной борьбѣ выравнивать и просвѣтлять ихъ. Въ Музеѣ каждый, безъ различія національнаго происхожденія и принадлежности къ той или другой школѣ по образованію, имѣлъ право участвовать въ занятіяхъ и совѣщаніяхъ и пролагать собственную свою дорогу въ ученыхъ работахъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и свободнымъ разборомъ мнѣній другихъ, пользуясь на равнѣ со всѣми и наставленіями ожившихъ учителей, которыхъ сочиненія со всего свѣта въ необыкновенномъ количествѣ были собраны и постоянно болѣе и болѣе собирались въ находящейся при Музеѣ библіотекѣ¹. Многочисленные и

¹ Александрійскій Музей (Μουσείο—храмъ музъ), съ библіотекою въ двухъ отдѣленіяхъ при храмахъ Врухія и Серайя, получилъ начало при цесарѣ,

пользовавшіеся благосостояніемъ іудей, граждане Александріи, не могли оставаться безучастными въ этомъ новомъ духовномъ направленіи, тѣмъ болѣе, что они чувствовали себя здѣсь особенно независимыми отъ палестинскихъ раввиновъ и не имѣли своего учено-религіознаго средоточія; устроая свои собранія въ синагогахъ, куда могли быть допускаемы и не-іудей, они за тѣмъ, по близкому соприкосновенію съ послѣдними, и сами не чуждались собраній эллинскихъ въ Музеѣ и библіотекѣ¹. При всей склонности къ сохраненію древняго вѣроученія въ неприкосновенной цѣлости, способнѣйшіе изъ іудеевъ, знакомясь съ греческою образованностію, видѣли необходимость привести въ научное сознаніе то, что содержалось въ ихъ священныхъ книгахъ, при помощи господствовавшей предъ ихъ глазами греческой философіи; откуда и произошло религіозно-научное воззрѣніе, называемое александрійскою философіею, стремившееся къ примиренію греческаго образа мысленія съ ученіемъ св. Писанія. Къ этой потребности времени присоединился у нихъ и апологетическій интересъ по весьма понятной причинѣ. Религія, довольная сама собою, для научнаго своего раскрытія имѣла нужду во вышнемъ поводѣ, именно въ соприкосновеніи съ противоположными ученіями, но укрѣпившись нѣсколько въ сво-

достигъ полнаго устройства при второмъ Птоломеевѣ. Цѣль учрежденія его Плутархъ (Adv. Epicur. p. 1095) выражаетъ такъ: Πτολεμαῖος ἡ πρότος συναγαγὼν τὰ μυσία ἠρξάμενος ἰουδαίους καὶ χριστιανὸν φιλοσόφους ἐστῆσαι. И другіе писатели древніе и новыя представляютъ это учрежденіе въ родѣ Академіи Наукъ, гдѣ собирались и пользовались готовымъ содержаніемъ ученые всѣхъ націй и всѣхъ вѣроисповѣданій. Страб. lib. XVII. Parthey: «Das Alex. Museum. Berl. 1838. Конст. Экон. ук. соч. Т. 1. стр. 330 и 550. Bernhardt: Grundr. der griechisch. Liter. 1861. Т. 1. в. 508—526. Переводъ св. Писанія 70 толковниковъ былъ положенъ для храненія и пользованія въ одно изъ отдѣленій библіотеки. См. выше на стр. 76.

¹ Tzschjgner: Der Fall des Heidenth. s. 172. Уже въ половинѣ 2-го вѣка до Р. Хр. первосвященникъ Онія испросилъ у Птоломея Филомитора дозволеніе обратить запустѣвшій египетскій храмъ близъ Иліополя въ іудейское святилище, которое притомъ пользовалось уваженіемъ не всѣхъ іудеевъ. См. Иос. Флав. Antiqu. XIV, 8. 1.

ихъ научныхъ средствахъ она по свойству своему, какъ противящаяся синкретизму и издавна сознававшая свое назначеніе сдѣлаться всеобщей человѣческой религіею (Втор. XXIII, 2. Исаі. II, 3. 4. Прем. Сол. XVIII, 4), вскорѣ обратилась къ защитѣ самой себя и возвышенію себя предъ всѣми противоположными воззрѣніями; богословское философствованіе приняло видъ полемики и апологетики. Посему не удивительно, что у александрійскихъ іудеевъ, при ихъ стремленіи сблизиться съ греческимъ образомъ мыслей, сначала образовалось мнѣніе о томъ, что всѣ познанія, считавшіяся плодомъ классической мудрости, содержатся и въ св. писаніяхъ Моисея и пророковъ, и притомъ съ преимуществомъ старшинства предъ греческою философіею. Мысль о сравнительномъ старшинствѣ св. Писанія оправдывалась хронологическими данными касательно появленія книгъ Моисея и сочиненій греческихъ классиковъ; но другая половина мнѣнія о существованіи въ книгахъ св. Писанія философіи, подобной греческимъ философемамъ, была собственно произведеніемъ тогдашняго времени и требовала другихъ основаній для своего оправданія, которыя и были тщательно отыскиваемы. Съ убѣжденіемъ въ превосходѣйшемъ совершенствѣ своего Бога и своего закона предъ всѣми богами и законами изучая греческія науки и содержащееся въ нихъ обиліе высокыхъ мыслей, александрійскіе іудеи искали такого же научнаго содержанія и въ своихъ священныхъ книгахъ; если же чего не находили въ нихъ, то недостатокъ этого приписывали не дѣйствительному отсутствію въ книгахъ Моисея и пророковъ философскихъ и всякаго рода теоретическихъ истинъ, а не довольно глубокому и полному разумѣнію содержанія священныхъ книгъ въ прежнее время; отсюда, для сближенія богооткровеннаго ученія съ языческою мудростію, у александрійскихъ іудеевъ широко развилось аллегорическое объясненіе наличныхъ текстовъ св. Писанія, и именно такое, которое было направлено

къ открытію истинъ греческаго и общечеловѣческаго образованія въ св. Писаніи. Послѣ этого, находя при помощи аллегорическаго объясненія священныхъ текстовъ и такого же объясненія многихъ предметовъ греческаго міровоззрѣнія разительное сходство между тѣми и другими¹, александрійскіе іудеи пришли къ мысли о причинной связи между библейскимъ и эллинскимъ ученіемъ въ смыслѣ заимствованія древними учителями религіи и философіи изъ книгъ св. Писанія; они стали утверждать, что нѣкоторыя частицы богооткровенной истины взяты греческими философами и поэтами изъ св. Писанія и выданы за плоды ихъ собственной мудрости. Это, весьма естественное при такомъ ходѣ іудейско-александрійской образованности, явленіе обусловливалось еще и тѣмъ, что сами ученые греки по національной гордости и другіе не-іудейскіе ученые по ненависти словесно и письменно унижали еврейскую религію и національность предъ своею языческою самымъ оскорбительнымъ и несправедливымъ образомъ, вызывая іудеевъ на такой же образъ дѣйствованія въ отношеніи къ своимъ противникамъ². Такимъ образомъ въ Александріи, среди взаимныхъ состязаній ученыхъ египетскихъ, эллинскихъ и іудейскихъ, рано или поздно могло образоваться у тамошнихъ іудеевъ воззрѣніе о заимствованіи древними греческими классиками многихъ высокыхъ истинъ изъ книгъ св. Писанія, и—дѣйствительно образовалось. Древнѣйшія памятники ихъ воззрѣнія представляютъ отрывки изъ сочиненій извѣстнаго іудея Аристовула. Такъ въ одномъ изъ отрывковъ,

¹ Аллегорическое объясненіе не только текстовъ св. Писанія, но и мифовъ языческихъ, см. у Филона De Abrah. p. 357. De Somniis, p. 586. De Mose, p. 655. De mercede meretr. p. 862. Quod omni. prob. lib. p. 884—886. и др. Филонъ, по особенной полнотѣ своего ученія съ такимъ направленіемъ считается представителемъ александрійской философіи. См. Ориг. Contr. Cels. IV, 51.

² Иос. Флав. Contr. Apion. lib. I. et. 11. Walckenar, въ сочиненіи De Aristob. Iud. p. 46 и 47. опредѣленно высказываетъ это въ слѣдующихъ словахъ: sub Philometore Aristobulo displicuisse contemptus videtur, quo

гдѣ проводится мысль о существованіи перевода св. Писанія на греческій языкъ прежде 70 толковниковъ, Аристовулъ высказываетъ мнѣніе, что все лучшіе философы и поэты, начиная съ Платона до самыхъ древнихъ, «изучали писанія Моисея и слѣдовали ему» въ изложеніи высокѣйшихъ религиозныхъ и нравственныхъ истинъ (*δοκούντες μοι περιγραφείναι πάντα κατηκολούθειναι τούτου*, т. е. Моисею)¹. Въ другомъ отрывкѣ Аристовулъ, объясняя антропоморфическія выраженія св. Писанія о Богѣ аллегорическимъ образомъ, говоритъ: «тѣ, у кого есть здравый смыслъ, удивляются мудрости Моисея и божественному Духу, силою котораго онъ получилъ славу пророка; таковы суть высказанные философы и многіе другіе и поэты, которые отъ него заимствовали много» (*παρ' αὐτοῦ μετέλας ἀφορμάς ἐλάττωστές*), приобрѣли и себѣ удивленіе². Эта общая и ясно выраженная мысль о заимствованіи древними классиками изъ Библии и легла въ основаніе воззрѣнію всехъ послѣдующихъ его защитниковъ. Въ дальнѣйшее время она составляла у александрійскихъ іудеевъ постоянное преданіе до христіанскаго вѣка и далѣе, и высказывалась то въ видѣ неясныхъ намековъ, именно въ сочиненіяхъ, оставшихся изъ періода времени отъ Аристовула до Филона и Іосифа

professores Alexandrini, philosophi ceterique suam gentem iudaicam aspernabantur; librum itaque scripsit, quo monstrare conatus est nihil illos habere, cur suis adeo gloriarentur philosophis, Pythagora, Socrate, Platone, ac rēbetis Orpheo, Lino, Homero, Hesiodo ceterisque; nam si quid haberent eximium prae ceteris, id ipsos derivasse de fonte sacro, libris sui legislatoris Moysis.

¹ Именно: Платонъ, Сократъ, Перипатетики, Пинеаторъ, Исидоръ, Омйръ, Линъ, Орфей, приведенные здѣсь для примѣра съ нѣсколькими ихъ изреченіями. Евсев. Pr. Ev. XIII, 12. 664—668. Еще у Евсева Pr. Ev. VII, 14. 324. краткій отрывокъ изъ него же, гдѣ Перипатетики представляются учившими о Премудрости или Словѣ Божіемъ согласно съ Соломономъ. Климентъ въ Str. I, 22. 148. приводитъ небольшую часть перваго отрывка, а въ другомъ мѣстѣ, Str. V, 14. 254. замѣчаетъ, что Аристовулъ написалъ нѣсколько книгъ (*βιβλία ἱκανά*), въ которыхъ допозывалъ, что перипатетическая философія заимствована изъ закона Моисея и писаній прочихъ пророковъ.

² Евсев. Pr. Ev. VIII, 10. 376.

Флавія, то въ видѣ вполне развитаго убѣжденія у этихъ двухъ писателей, то въ видѣ практическихъ упражненій надъ сочиненіями древнихъ классиковъ и изданія ихъ съ очевидными (будто бы) признаками заимствованія изъ св. Писанія. Во второмъ и первомъ вѣкѣ до Р. Христова было довольно много писателей іудейскихъ, излагавшихъ ученіе и исторію евреевъ на греческомъ языкѣ съ большимъ или меньшимъ отношеніемъ къ ученію и исторіи другихъ народовъ, съ которыми они пришли въ ближайшее соприкосновеніе. Изъ нихъ Евполемъ и Артапанъ, какъ извѣстно, проводили мысль, что вся образованность восточныхъ народовъ, а чрезъ нихъ и эллиновъ, произошла отъ еврейскихъ патріарховъ и отъ законодателя Моисея, — взглядъ, который могъ очень много поддерживать воззрѣніе о заимствованіи религиозно-нравственныхъ истинъ классиками изъ св. Писанія, если бы онъ былъ справедливымъ. Тоже или подобное тому, вѣроятно, утверждалось и въ сочиненіяхъ другихъ современныхъ и содѣянныхъ имъ писателей. По малочисленности и незначительности отрывковъ, дошедшихъ до насъ изъ этихъ сочиненій подъ именами Клеодима, Теофила, Филона старшаго, Теодота, Іезекииля и другихъ, невозможно судить, въ какой мѣрѣ и въ какой формѣ они высказывали мысль о заимствованіи фактическихъ и теоретическихъ истинъ эллинами изъ Библии; но что эта мысль дѣйствительно жила въ ихъ средѣ въ видѣ подобномъ тому, въ какомъ выражалась прежде и опять выразилась въ послѣдствіи, въ этомъ нельзя сомнѣваться; такъ какъ нѣкоторые, по видимому маловажныя, замѣтки ихъ, дошедшія до насъ, прямо истекать изъ того же воззрѣнія и могутъ быть объяснены только господствомъ его въ тогдашнее время; напр. Артапанъ между прочимъ говорилъ, что Фараонова дочь назвала принятаго ею еврейскаго младенца Моисеемъ, а эллины прозвали его Музеемъ (*Μουσῆος*), и что этотъ Моисей былъ учителемъ Орфея; поэтъ Теодотъ воспѣвалъ,

что иудейский город Сихем принадлежал некогда Сикимию, сыну Эрмиса или греческого Меркурия¹. Но если у всех этих писателей упомянутое возвращение высказывалось только мимоходом, при некоторых отдельных случаях и в частных замѣтках², то у Филона Александрийскаго и Иосифа Флавия оно опять является в такомъ же и даже еще большемъ свѣтѣ, нежели у Аристотула. Знаменитый учитель эллино-иудейской философии Филонъ неоднократно повторяетъ его въ своихъ сочиненіяхъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ объясняя аллегорически слова книги Бытія (XV, 10) объ Авраамѣ, какъ онъ при ночномъ жертвоприношеніи разсѣкъ пополамъ жертвенныхъ животныхъ и положилъ одну часть противъ другой, Филонъ замѣчаетъ въ духѣ философіи Ираклита, что въ мірѣ все состоитъ изъ противоположностей, и прибавляетъ: «не то ли это самое, что греки приписываютъ великому и славному Ираклиту и съ гордостію выдаютъ за новое его открытіе, какъ основаніе его философіи? Это

¹ Евсев. Pr. Ev. IX, 22. 426. и IX, 27. 432. Отрывки изъ сочиненій этихъ писателей приводятся у Евсевія въ Praef. Evang. болѣею частью со словъ писателя 1-го вѣка до Р. Хр. Александра Полигистора. Разныя мнѣнія о нихъ и подробный разборъ см. у Конст. Экон. ук. соч. Т. II, стр. 78—138. и у Herzfeld въ Geschichte des Volks Israel, V. III, p. 481—502. и 564—588. Herzfeld между прочимъ замѣчаетъ, что Александрийская эллинистическая Haggada изобиловала мыслями о томъ, что эллинскій Атлантъ есть еврейскій Енохъ, Музей есть Моисей, что два сына Авраамовы ходили въ Ливію вмѣстѣ съ Иракломъ и т. п. В. II, p. 493.

² Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ защитниковъ козрвѣнія (De Lavang, histoire de la fable etc. p. 43) находятъ его у писателя 1-й Маккав. книги въ разсказѣ о томъ, какъ гонимые Антиохомъ Елпсаною иудеи, собравшись въ Массею, разгнули книгу закона, *πρὸς τὸν ἑβραϊστικὸν τὰ ἱερατικὰ βιβλία τῶν ἱερέων* (III, 48). Но это темное мѣсто скорѣе можно понимать такъ, что язычники тогдашніе пытались дѣлать изображенія своихъ идоловъ на иудейскихъ книгахъ, чтобы осквернить ихъ, или находили въ антропоморфическихъ выраженіяхъ св. Писанія подобіе своей мифологіи къ оскорбленію иудеевъ, и стремились объяснить, какъ мнѣніе самаго писателя о сходствѣ сказаній библейскихъ съ эллинскими. См. Конст. Экон. ук. соч. Т. II, стр. 127. Not., гдѣ упоминаются и другія толкованія этого мѣста.

есть древнее ученіе Моисея»¹. Въ другомъ мѣстѣ у него стоикуъ Зенонъ за возвышенное нравственное ученіе свое считается питомцемъ иудейской мудрости, почерпавшимъ мысли прямо «изъ источника иудейскаго законодательства»²; иногда у него и всѣ философы и законодатели вмѣстѣ признаются послѣдователями Моисея и переписчиками ученія изъ священнѣйшихъ скрижалей Моисеевыхъ³. До какой обширности простиралъ Филонъ предполагаемое заимствованіе греческими законодателями и философами разныхъ положеній изъ закона Моисеева, это особенно ясно открывается въ книгахъ его о Моисеѣ, которыя наполнены необыкновенными похвалами великому сврейскому вождю предпочтительно предъ мудрецами всего міра. Во второй книгѣ о Моисеѣ Филонъ изображая, какъ иудеи при всякихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ съ постоянною твердостію держались своихъ законовъ, продолжаетъ: «а еще удивительнѣе для меня то, что не только иудеи, но почти всѣ и именно тѣ, которые имѣли призваніе къ высшему образованію, принимали и уважали наши законы; это ихъ особенное преимущество, котораго въ подобномъ видѣ нигдѣ не встрѣчается; ибо едва ли есть какой-либо городъ у грековъ или варваровъ, котораго законы и обычаи привлекали бы къ себѣ уваженіе другихъ, напротивъ они едва соблюдаютъ свои собственныя; а съ нашимъ закономъ совершенно иначе; его почти всѣ приняли и усвоили себѣ, иудеи и греки, жители суши и острововъ, народы востока и запада, Европы и Азіи, кратко сказать, весь обитаемый міръ отъ одного предѣла его до другаго»;

¹ Quis rer. div. haer. p. 510. Также Leg. alleg. 1. p. 60. Edit. Hoeschel. Francf. 1791.

² Quod. omn. prob. lib. p. 873.

³ De nomin. mutat. p. 1071: τῶν φιλοσόφων Μωσῆος χορηγός. De judic. p. 719: ἕναι νομοθετῶν μεταγράφοντες ἐκ τῶν ἱεραικῶν Μωσῆος σπιλῶν. Также de mund. incognit. p. 941. Сходныхъ же съ библейскими мѣстъ изъ классиковъ Филона приводить очень много.

и за тѣмъ Филонъ изчисляетъ нѣкоторые обычаи и убѣждения, перешедшія изъ Іудеи во всѣ страны извѣстнаго тогда міра ¹. Іосифъ Флавій независимо отъ Филона, но согласно съ общимъ преданіемъ александрійскихъ іудеевъ, въ сочиненіи противъ грамматика Апіона выдаетъ за истину всѣмъ извѣстную, что мудрѣйшіе изъ грековъ научились высокимъ понятіямъ о Богѣ отъ Моисея, какъ своего предшественника и началовождя, изложившаго эти понятія въ книгахъ, которыя древнѣе всѣхъ эллинскихъ писаній ²; и о многихъ отдѣльныхъ философахъ Греціи выражается совершенно въ духѣ такого воззрѣнія. «Пиеагоръ Самосскій,—говоритъ онъ въ томъ же сочиненіи,—мужъ древній, мудростію и набожностію отличавшійся отъ всѣхъ философовъ, очевидно, не только зналъ наше ученіе, но и весьма былъ преданъ ему; хотя собственнаго его сочиненія неизвѣстно никакого, но многіе объ немъ повѣствуютъ это и знаменитѣйшій изъ нихъ Эрмиппъ, мужъ тщательный въ повѣствованіи о всѣхъ предметахъ; онъ въ первой книгѣ о Пиеагорѣ свидѣтельствуеетъ, что Пиеагоръ училъ не проходить мимо того мѣста, гдѣ палъ осель, не употреблять стоячей воды и воздерживаться отъ всякаго злословія, и что онъ дѣлалъ и говорилъ все это, слѣдуя усвоенному имъ ученію іудеевъ и фракійцевъ; и справедливо говорятъ, что этотъ мужъ (т. е. Пиеагоръ) перенялъ многое изъ законовъ іудеевъ въ свою филосо-

¹ De Mose. 2. p. 656. Здѣсь—преувеличеніе и отчасти смѣшеніе времени позднѣйшихъ съ древнѣйшими. Подобныя мысли о Моисеѣ и іудеяхъ встрѣчаются и у христ. апологетовъ, напр. у Кирилла Алекс. Contr. Iul. V, 177. гдѣ Моисей отличается отъ всѣхъ эллинскихъ мудрецовъ, какъ свѣтъ отъ мрака. Евсев. Pr. Ev. VIII, 3. 301. X, 4. 468.

² Cont. Ap. II, 16. «Что они учились у Моисея, объ этомъ нечего и говорить (ἐὰν οὐκ ἔμελλεν)», именно Пиеагоръ, Анаксагоръ, Платонъ, Стоикъ и почти всѣ (μικρὰ δὲ τὰ ἄλλα). Cont. Apion. 1, 2. онъ говоритъ, что Ферекидъ Сироссскій, Пиеагоръ и Фалесъ были учениками египтянъ и халдеевъ, а халдеи,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (с. 13),—τῶν ὑβῆος ἀπὸν ἀρχαίων καὶ σοφιστῶν.

фію» ¹. Изъ всѣхъ же мудрецовъ Греціи, жившихъ въ древнее время и говорившихъ что-либо сходное съ богооткровеннымъ ученіемъ, по словамъ Іосифа Флавія, «во особенноти Платонъ подражалъ нашему законодателю (μαλιστα δὲ Πλάτων μεμιμηται τὸν ἡμετέρον νομοθέτην)» ². Такимъ образомъ въ школѣ александрійскихъ іудеевъ издавна образовалось и до христіанскихъ вѣковъ держалось твердое убѣжденіе, что древніе греческіе классики читали писанія Моисея и пророковъ, по крайней мѣрѣ знали ихъ содержаніе или непосредственно отъ евреевъ или при посредствѣ другихъ восточныхъ народовъ, и заимствовали оттуда высокія истины религіи и нравственности. Воззрѣніе это у нихъ, по видимому, не встрѣчало никакихъ сомнѣній; и если когда-нибудь ясныя доказательства противнаго, выставляемыя въ чьихъ-либо отыскахъ, напр. Аристеемъ, писавшаго о переводѣ 70 толковниковъ, появлялись въ свѣтъ и не могли оставаться неизвѣстными александрійскимъ іудеямъ, то они были проходимы молчаніемъ и заглушаемы большинствомъ голосовъ, защищавшихъ предзанятое мнѣніе ³. Если съ другой стороны ученые греки,

¹ Cont. Ap. I, 22. Приведенныя слова Эрмиппа о Пиеагорѣ повторяетъ Оригенъ Cont. Cels. I, 15. Изъ многихъ языческихъ писателей съ именемъ Эрмиппа здѣсь разужаютъ Смирнскаго, жившаго около 200 л. до Р. Хр. Pauly: Real-Encycl. T. III, s. 1220. Въ словахъ его, вѣроятно, разужаются не іудеи, а Идея Даггили. О другомъ Эрмиппѣ Виритскомъ, жившемъ уже во 2 вѣкѣ послѣ Р. Хр., неоднократно упоминаетъ Климентъ Ал. Str. I, 15. 132. VI, 16. 291.

² Cont. Ap. II, 36. Ср. 39 и 41.

³ Иначе нельзя объяснить отношенія между положительнымъ свидѣтельствомъ Аристеемъ о томъ, что древніе классики не знали св. Писанія, и противоположнымъ ему мнѣніемъ александрійскихъ іудеевъ. Трудно допустить, чтобы Аристовуль не зналъ его свидѣтельства, хотя это возможно для тѣхъ, которые считаютъ Аристеемъ вовсе не существовавшимъ лицомъ или жившимъ позднѣе Аристовуля, но какъ это могло случиться у Филона и Флавія, которые изъ Аристеемъ буквально выписывали исторію перевода 70 толковниковъ (De Mose lib. 2. Antiquit. lib. 1. prooem. 3.)? Флавій повторяетъ даже въ одномъ мѣстѣ и слова Аристеемъ о классикахъ (Antiq. XII, 2); очевидно, что онъ, равно и Филонъ, не хотѣли вѣрить свидѣтельству Аристеемъ о классикахъ и держались мнѣнія большинства александрійскихъ іудеевъ.

вовсе не сознававшие происхождение своей философии отъ еврейскаго ученія и видѣвшіе существенное различіе между ними, препятствующее считать первую за отрасль послѣдняго, могли дѣлать многочисленныя возраженія противъ распространяемаго мнѣнія и желать яснѣйшихъ доказательствъ его, — ибо нельзя же думать, чтобы они безспорно принимали голословное мнѣніе, унижавшее многоуважаемыхъ ихъ учителей, — то александрійскіе іудеи принимали и противъ этихъ возраженій свои мѣры, которыя состояли въ обнародованіи сочиненій древнихъ классиковъ со вставками нѣкоторыхъ мѣстъ, хотя не буквально сходныхъ съ библейскими, но на столько подобныхъ имъ и по содержанію и по выраженію, что невозможно было не ставить ихъ въ причинную связь съ текстами св. Писанія; къ тѣмъ же мѣстамъ относилось и изданіе цѣлыхъ произведеній въ духѣ эллинской старины, составленныхъ размѣромъ древнихъ стихотворцевъ или языкомъ тогдашнихъ прозаиковъ, но по мыслямъ и другимъ разнымъ признакамъ напоминающихъ о библейскихъ изреченіяхъ еврейскаго народа. Прибѣгнуть къ этимъ мѣстамъ александрійскіе іудеи могли тѣмъ удобнѣе, чѣмъ чаще нѣкоторые изъ самихъ грековъ подавали примѣръ поддѣлки сочиненій древнихъ классическихъ писателей для сбыта ихъ въ бібліотеку за вознагражденіе, щедро выдаваемое Птоломеями¹, и чѣмъ болѣе іудеи, познакомившись съ классическою литературою, оказывались способными соревновать съ своими современниками въ составленіи произведеній, подобныхъ классическимъ; успѣхъ же принятыхъ мѣръ обезпечивался тѣмъ,

¹ О поддѣлкѣ сочиненій въ Александрійскій періодъ говорятъ древніе, напр. Галенъ in Hippocr. de nat. hom. I, 3. p. 126 и 127. См. Neune oper. I. p. 113. Wower de polymathia cap. 16. Lusac. Lect. Attic. p. 150. Not. 2. Іудеевъ Александрійскихъ въ томъ же облачаютъ Scaliger ad Chronol. Evseb. p. 405. Grotius, ad Epist. Iud. v. 14. Вообще, по словамъ Лобера (Aglaoph. p. 1275), constat his temporibus, quibus religiones veteres et novae, peregrinae et domesticae, inter se conflictatae sunt, libros sacros profanosque cum summa impudentia interpolatos esse.

что іудеи осторожно вставляли собственныя произведенія въ сочиненія такихъ греческихъ классиковъ и выдавали подъ именами такихъ авторитетовъ, которыхъ слова уважались греками, но которыхъ сочиненія по разнымъ причинамъ съ точностію не были опредѣлены или въ дѣйствительности были весьма разнообразны, преимущественно подъ именами *Орфея* и *Сивиллы*. Подъ названіемъ *орфическихъ* (orphica) разумѣются не одни только стихотворенія древняго греческаго пѣвца Орфея, но многочисленныя произведенія, принадлежащія и другимъ писателямъ орфической школы. Извѣстно, что поэтъ Ономакритъ и вѣоагорейцы Вронтинъ, Керфопсъ и другіе дѣлали вставки въ подлинныхъ стихахъ Орфея и выдавали собственныя сочиненія подъ его именемъ. Но сборникъ этихъ стихотвореній, увеличенный ими, не былъ заключенъ до времени египетскихъ Птоломеевъ, а еще долго пополнялся и въ послѣдующія времена такими произведеніями и отрывочными вставками, которыя обличаютъ свое позднѣйшее происхожденіе тѣмъ, что или не были извѣстны въ древности, или не имѣютъ никакой связи съ мистическимъ ученіемъ Орфея и даже противорѣчатъ какъ ему, такъ и между собою.¹ По такой неопредѣленности происхожденія и содержанія орфическихъ сочиненій, а съ другой стороны по высокому уваженію классиковъ къ пѣвцу, именемъ котораго они были украшаемы, эти сочиненія представляли для александрійскихъ іудеевъ весьма удобный органъ,

¹ Bernhardt: Grundr. der griech. Litter. T. 2. s. 408—440. Pauly: Real-Encycl. T. V. Orpheus. Lobeck. Aglaoph. p. 230 и др. Между сочиненіями орфическими есть и космогоническія, и космогоническія, и повѣствовательныя, изображающія судьбу Орфея, и астрологическія, и земледѣльческія, и гимны въ честь боговъ, и несвязные фрагменты, относящіяся къ неизвѣстнымъ сочиненіямъ. Христ. апологеты приписываютъ ихъ не одному Орфею, а разнымъ лицамъ, напр. Калмент. Strom. I, 21. 144. Таган. Рѣч. къ Элл. 41. Окончательное наполненіе сборника ихъ относятъ ученые къ 5 или 6 вѣку по Р. Хр. Beck: Spec. 1. ad Fabric. Bibl. graec. 1827. Dähne: Iudisch-Alexand. Religionsphil. Abth. 2. p. 225.

посредствомъ котораго можно было проводить собственныя мысли, по своей прозрачности напоминавшія людямъ, сколько-нибудь знакомымъ съ Вибліею, объ ученіи Моисея и пророковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ служившія какъ бы доказательствомъ извѣстнаго воззрѣнія. Такимъ образомъ несомнѣнно имъ нужно приписать тѣ вставки въ орафическихкихъ стихотвореніяхъ, которыя содержатъ необыкновенныя похвалы еврейскому народу, его патриархамъ и законодателю Моисею, предпочтительно предъ всеми народами и мудрецами древности, усвояютъ орафикамъ званіе и почитаніе предметовъ, вовсе неизвѣстныхъ въ классическомъ мірѣ, или представляютъ осужденіе свойственнаго орафикамъ и вообще всемъ эллинамъ мировоззрѣнія, несогласнаго съ св. Писаніемъ.¹ Еще больше простора для вставокъ и измѣненій представляли александрійскимъ іудеямъ такъ называемыя *сивиллины* книги. Подъ этимъ названіемъ разумѣются изреченія, принадлежащія неизвѣстнымъ прорицателямъ языческой древности и выданныя подъ именемъ фантастической пророчицы Сивиллы²; они никогда не составляли ничего дѣльнаго, но безъ всякаго

¹ Въ орафическихкихъ отрывкахъ, приведенныхъ у апологетовъ, можно указать на слѣдующіе примѣры: изъ *Περὶ λόγος* слова: «останьтесь за дверями, нечистые, отвергающіе праведныя постановленія закона, даннаго всемію отъ Бога (*ἀκούετε θεοῦ τῆς νόμου*)», «никто не знаетъ Царя смертныхъ, кромѣ одной отрасли древняго халдейскаго племени (*μηνογενὴς τις ἀπὸρροῦ φύλη ζωῶν χαλδαίων*)», «Бога я не вижу, Онъ покрытъ для меня облакомъ, но есть десять свитковъ для людей (*δέκα περὶ*), какъ заповѣдалъ взятый отъ воды (*ὕδατος*), принявъ изреченія Божіи въ двухъ скрижаляхъ закона (*κατὰ δίπλακα θεῶν*)». Евсев. Пр. Ев. XIII, 12. 664. Изъ *Ὀρακοὶ ὀραφικαί* слова: «заклинаю тебя первымъ словомъ Отца, которое произнесъ Онъ, когда утвердилъ вселенную своими законами (*ἀρχὴν πατρὸς, ἣ φθέγγετο πρότερον* и т. д.)». Густ. Ув. къ Элл. 15. Кириа. Ал. Contr. Iul. I, 33. Первый отрывокъ Евсевиемъ приведенъ со словъ Аристовула іудея; слѣд. еще Аристовуль дѣлалъ тенденціозныя вставки и другія измѣненія въ орафическихкихъ стихахъ (см. выше, Отд. II. Гл. 2. § 2), а за нимъ слѣдовали неизвѣстные продолжатели. Dähne, ук. соч. Abt. 2. p. 90. Walckenar de Arist. Iudaeo.

² Наименованіе Сивиллы греки объяснили словами: *αἰὶς* (по эолически *Σιδῆς*) *φωβή*, и разумѣли подъ этимъ изреченія оракуловъ, выражавшія волю Зевса.

порядка и связи переходили изъ устъ въ уста между греками и римлянами. Сборникъ ихъ только началъ составляться въ александрійскій періодъ греческой литературы и заключился въ своемъ настоящемъ составѣ не раньше 2-го вѣка по Р. Христовѣ. Онъ содержитъ въ себѣ теперь не столько языческія стихотворенія, сколько іудейскія и христіанскія. Имя Сивиллы, пользовавшееся суевѣрнымъ уваженіемъ въ классическомъ мірѣ съ давняго времени¹, и неопредѣленность содержанія распространившихся подъ этимъ именемъ изреченій, могли внушить александрійскимъ іудеямъ мысль — воспользоваться ими для проведенія своихъ понятій и намѣреній между современниками, и они наполнили этотъ сборникъ стихотвореній, подобно какъ сборникъ орафическихкихъ произведеній, похвалами еврейскому народу, его патриархамъ и іерусалимскому храму, заповѣдями и наставленіями, заимствованными изъ св. Писанія, и укоризнами ученію и дѣйствіямъ окружавшихъ іудейскій народъ язычниковъ, въ тонѣ ветхозавѣтныхъ пророковъ. Изъ 12-ти дошедшихъ до насъ сивиллиныхъ книгъ особенно двѣ, именно третья и пятая, должны быть по содержанію своему отнесены къ памятникамъ іудейско-александрійской письменности; въ первой изъ нихъ высказывается рѣзкое обличеніе языческому міру во всехъ его стремленіяхъ и дѣйствіяхъ, во второй — обличеніе болѣе кроткое и сѣтующее о людяхъ, не имѣющихъ чистаго понятія о Богѣ и сознанія своихъ заблужденій; а между прочимъ и о себѣ александрійско-іудейская Сивилла гово-

Новѣйшій писатель Ewald производитъ названіе Сивиллы отъ арамейскаго слова: *שׁוּבְלָה* — потоки, и производитъ отъ почитанія источниковъ и рѣкъ у древнихъ персовъ и индійцевъ, получившаго видъ почитанія сивиллина оракула въ передней Азіи и Сиріи. Die Lehre der Bibel von Gott. Leipzig. 1871. s. 232.

¹ Объ ней съ уваженіемъ отзывались еще Ираклитъ (у Плутарха De Pyth. oracul. Клим. Str. I, 15. 131) и Платонъ (Федр. p. 244). Изчисленіе Сивиллъ извѣстныхъ въ древности, см. у Климен. Ал. Strom. I, 21. 144. и Лактанція Div. Inst. I, 6. Юсепъ Флавій упоминаетъ о Сивиллѣ въ Antiqu. I, 4. 3.

рять, что она, какъ невѣстка Ноя, бывшая съ нимъ ковчегъ, вѣщаетъ истину, и что ея вѣщаніями воспользуется Омиръ и передастъ ихъ міру, прибавивъ къ нимъ отъ себя много ложнаго¹. Все подобныя вставки, невозможныя со стороны языческихъ писателей, вполне объясняются тенденціознымъ возрѣніемъ Аристовула, Филона, Иосифа Флавія и другихъ его защитниковъ. Такимъ образомъ между александрійскими іудеями, по обнаруженіи перевода Библии съ еврейскаго на греческій языкъ, образовался и распространился взглядъ на древнѣйшихъ греческихъ классиковъ, какъ на заимствователей изъ св. Писанія, и уже сформированный почти во всѣхъ своихъ частяхъ, со многими доводами и примѣрами, перешелъ въ міръ христіанскій. Апологеты христіанства, читавшіе іудейскія сочиненія и лично входившіе въ сношеніе съ современными учеными іудеями², легко могли усвоить взглядъ ихъ особенно потому, что имъ предстояло вести борьбу съ тѣми же самыми противниками, образованными эллинами, съ которыми состязались и александрійскіе іудеи въ теченіи предшествовавшихъ столѣтій; и они дѣйствительно усвоили его, въ чемъ нельзя сомнѣваться какъ

¹ Orac. Sib. III, 413—432. 824—826. Ed. Alexand. 1869. Bernhardy ук. соч. с. 444. Dähne, ук. соч. с. 229—234. Friedlieb: Orac. Sibyl. 1852. и др. Почти все отрывки, приведенные апологетами изъ сивиллинскихъ книгъ, такого содержанія, напр. «мы заблудились отъ путей Безсмертнаго, мы неразумнымъ сердцемъ чтимъ рукотворенныя издѣлія, мдолы боговъ и переходящихъ людей». Iуст. Увѣщ. къ Элл. 16; «вы получите достойное возмездіе за свое злое изволеніе, за то, что вы оставили прославлять истиннаго и вѣчнаго Бога и приносить Ему священные жертвы, и совершали жертвоприношенія демонамъ». Θεοσ. къ Автод. II, 36. Также Iуст. Апол. I, 20. Климент. А. Cohort. ad gen. IV, 18. и др.

² Iустинъ философъ входилъ въ собесѣдованіе съ Трифономъ іудеяниномъ, который, по словамъ Евсевія (Hist. Eccl. IV, 18), былъ славнѣйшій изъ іудеевъ, а между тѣмъ жилъ въ Греціи и предавался изученію греческой философіи (Разг. съ Триф. гл. 1). Климентъ А. говоритъ о себѣ, что однимъ изъ его учителей былъ палестинскій еврей. Str. I, 1. 118. Вліяніе Филона А. на Климента и Оригена несомнѣнно. См. Ab. Freppel, Origène, T. 2. p. 176.

всѣмъ предъидущимъ соображеніямъ, такъ и на основаніи словъ самихъ апологетовъ, изъ которыхъ наприм. Евсевій Кесарійскій, приступая къ выпискѣ изъ сочиненія Аристовула іудея, прямо говоритъ: «еще прежде насъ (καὶ πρὸ ἡμῶν) перипатетикъ Аристовулъ свидѣтельствовалъ, что эллины заимствовали изъ еврейской философіи»¹. Принявъ общую мысль о заимствованіи истинъ древними классиками изъ Библии, апологеты христіанства не могли отказать отъ принятія и тѣхъ доводовъ, которыми она подкрѣплялась. Допустивъ главныя доводы, они за тѣмъ не имѣли повода отвергать и тѣ примѣры литературныхъ произведеній, которые уже были извѣстны въ этой отрасли ученой полемики, пока подлинность ихъ не была никѣмъ заподозрѣна и опровергаема. Извлекая изъ собственныхъ сочиненій классиковъ доказательства въ пользу мнѣнія о заимствованіи, апологеты пользовались и готовыми доказательствами, выработанными въ школѣ александрійскихъ іудеевъ, и чѣмъ болѣе кто изъ апологетовъ былъ преданъ общей мысли предзанятаго возрѣнія, тѣмъ болѣе онъ склонялся и къ усвоенію всѣхъ тѣхъ частныхъ, которыми она подтверждалась². «Кто увлекъ св. Iустина и нѣкоторыхъ другихъ отцевъ вѣрить, что мудрецы Греціи черпали полными руками изъ книгъ Моисея? Къ какому источнику нужно отнести это мнѣніе?»—спрашиваетъ аббатъ Фреппель и отвѣчаетъ: «іудейская александрійская

¹ Praer. Ev. XIII, 12. 663.

² Это очевидно изъ того, какъ относились христ. апологеты напр. къ Сивиллѣ. Тогда какъ Климентъ А. называлъ ее еврейскою пророчествомъ (ἰβραϊκὴν προφητείαν), древнѣйшему Орсею (Ὀρφέως παλαμωτέα)—Cohort. ad gent. VI, 21. Str. I, 21. 139. и тогда какъ Iустинъ совѣтовалъ классикамъ читать сивиллины книги для приобрѣтенія добрыхъ познаній (τὰς κλιτὰν γραμμάς—Апол. I, 44), Тертуліанъ отзывался не совсѣмъ уважительно о Сивиллахъ: vestrae Sibyllae nomen de veritate mentitae, quemadmodum et dei vestri (Apol. с. 19); Оригенъ упоминаетъ о Сивиллѣ только по случаю надобности отклонить обвиненіе Келеса, называвшаго христіанъ Сивиллистами за частое употребленіе изреченій Сивиллы (Contr. Cels. V, 61); а блаж. Августинъ

школа первая вообразила близкое знакомство греческих поэтов и философов съ священными книгами; въ своемъ національномъ тщеславіи оскорбленная тѣмъ, что Греки оказывали глубокое презрѣніе къ Моисеевой религіи, она привела въ дѣйствіе всѣ мѣры, чтобы показать имъ превосходство тѣхъ, которыхъ они называли варварами въ сравненіи съ собственными своими писателями; что же могло существеннѣйшимъ образомъ выставить это превосходство, какъ не тезисъ, направленный къ доказательству того, что мудрецы Греціи заимствовали изъ священныхъ книгъ и имъ обязаны своими лучшими положеніями? Послушаемъ Аристовула; если не онъ есть изобрѣтатель этой стратагеми, то у него по крайней мѣрѣ мы находимъ въ первый разъ высказаннымъ это воззрѣніе (слѣдуютъ слова Аристовула, приведенныя выше). Иудейская александрійская школа была каналомъ, посредствомъ котораго гипотеза прѣмога вліянія священныхъ книгъ на греческую философію перепла въ сочиненія первыхъ отцевъ. Это объясняетъ, почему она была съ особенною благоклонностію защищаема тѣми церковными писателями, которые имѣли сношеніе съ египетскою столицею (Александріею), каковы св. Іустинъ и Климентъ Александрійскій.¹

§ 3. Но взглядъ на древнихъ классиковъ, получившій начало между александрійскими іудеями и перешедшій къ

прямо выражаетъ сомнѣніе въ авторитетъ этихъ изреченій и объясняетъ, почему апологеты пользовались ими: *Sibylla vel Sibyllae et Orpheus et nescio qui Hermes et si qui alii vates vel theologi, vel sapientes, vel philosophi gentium de filio Dei aut de patre Deo vera praedixisse eum dixisse perhibentur; valet quidem aliquid ad paganorum vanitatem revincendam, non tam en ad istorum auctoritatem amplectendam. Ad Faustin. L. XIII, 15.* Лактанцій же, отвергавъ мнѣніе о заимствованіи классиками изъ Библии, приводилъ изреченія Сивиллы вълѣдствіе своего особаго взгляда на частицы истины, разсѣяныя у язычниковъ.

¹ Freppel. s. Justin. p. 214. Іудеямъ приписывается еще нѣсколько произведеній, выданныхъ подъ именами древняго поэта Фокилада (*Pseudophocylidae*) и Софонка (*Pseudosophoclea*), изъ которыхъ немногія изреченія

христіанскимъ писателямъ, не могъ бы держаться у послѣднихъ такъ долго, какъ онъ держался, подъ вліяніемъ одной только іудейской школы. Съ развитіемъ самостоятельнаго научнаго направленія у христіанскихъ мыслителей, этотъ взглядъ, образовавшійся при первоначальномъ сближеніи разнородныхъ представителей съ одной стороны богооткровеннаго ученія, а съ другой классическаго образованія, скоро уничтожился бы при большемъ и ближайшемъ знакомствѣ съ сочиненіями греческихъ писателей и со всѣмъ духомъ эллинизма, во многомъ несомнѣстимаго и даже противоположнаго съ ученіемъ іудейскимъ и христіанскимъ. Искусственныя и не совсѣмъ правдивыя мѣры іудеевъ къ поддержанію своего воззрѣнія на классиковъ вскорѣ были бы оцѣнены по достоинству и были бы оставлены безъ употребленія, если бы греческіе мыслители, среди которыхъ жили христіанскіе апологеты, нѣкоторымъ образомъ не способствовали къ тому, чтобы это воззрѣніе хранилось и высказывалось еще довольно долго. Чуждое вліяніе на апологетовъ въ этомъ вопросѣ было и во времена, послѣдующія за іудейско-александрійскимъ. Блаж. Феодоритъ, повторившій мысли своихъ предшественниковъ, въ одномъ мѣстѣ пишетъ: «Ферекидъ Сиросскій, и Писагоръ Самосскій, и Фалесъ Милетскій, и Солонъ Аѳинскій, равно какъ и Платонъ, сынъ Аристана, говорить, въ Египтѣ не только отъ египтянъ, но и отъ евреевъ научились познанію о сущемъ Богѣ; объ этомъ говорить Плутархъ Віотійскій, свидѣтельствуетъ и Порфирій, говорившій противъ истины, также и Нуминій пизаго-

приведены у христ. апологетовъ — Климент. Strom. V, 14. 259. и Coh. ad gent. VII, 21. Феодор. ук. соч. VII, 109. Кирил. Ал. Cont. Iul. I, 32. Они носятъ тѣже признаки неподлинности, какъ и *Pseudorphica* и *Oracula Sibyllina*. См. Graetz: *Gesch. der Juden*. B. 3. s. 489. Ковет. Экон. ук. соч. Т. 1. стр. 479. Freppel. s. Justin. p. 188—206. О неподлинности отрывковъ изъ греческихъ трагиковъ см. Boeckhins: *Graecae tragoediae* и пр. 1808. Heidelberg.

реецъ, и весьма многіе другіе.»¹ Такой способъ доказательства въ пользу мѣнія о заимствованіи истинъ древними классиками изъ св. Писанія показываетъ, что современные апологетамъ философы, именно неопиэагорейцы и неоплатоники, имѣли на нихъ вліяніе, способствовавшее къ поддержанію этого мѣнія; а какимъ образомъ могло случиться это явленіе, объясняется изъ исторіи и характера Неопиэагореизма и Неоплатонизма.—Взаимное соприкосновеніе восточныхъ и западныхъ народовъ послѣ эпохи Александра великаго оказало просвѣтительное вліяніе не только на іудеевъ, но и на греческихъ философовъ, поселившихся въ странахъ восточныхъ, преимущественно въ Египтъ. Когда въ Александріи, сдѣлавшейся средоточіемъ всемірнаго движенія, и въ тамошнемъ Музеѣ ближайшимъ образомъ встрѣтились между собою греческіе философы всѣхъ возможныхъ сектъ, мудрецы различныхъ восточныхъ народовъ, издавна извѣстные грекамъ болѣе по слуху и частнымъ сказаніямъ немногихъ путешественниковъ, и палестинскіе собственники богооткровеннаго ученія, дотогѣ вовсе неизвѣстные грекамъ, тогда сколько западная ученость открыла своихъ сокровищъ востоку, столько же и восточная мудрость предложила западу своихъ задачъ, не изслѣдованныхъ философскимъ умомъ его, не смотря на то, что онъ уже до того времени испыталъ почти всѣ, доступныя естественнымъ силамъ, пути къ отысканію истины. Если не всѣ эти задачи, относящіяся къ ученію о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, были новы для греческихъ мыслителей, то всѣ онѣ представились въ такой оригинальной формѣ, что казались новыми и возбуждали философовъ къ изученію ихъ и введенію въ кругъ классическаго образованія. Первымъ послѣдствіемъ этого былъ такъ называемый Синкретизмъ или Еклектизмъ, господствовавшій въ александрійскій періодъ греческой филосо-

фії и стремившійся извлечь полезныя и пригодныя свѣдѣнія религіи и философіи отовсюду и соединить ихъ въ одно безъ особенной связи между разнообразными частностями; онъ пользовался одинаково и греческими системами, и мировоззрѣніями египтянъ, финикянъ и халдеевъ, и ученіемъ іудейскимъ¹. Синкретизмъ былъ приготовленіемъ къ образованію новой философской школы, которая стремилась не выбирать только различныя положенія изъ всѣхъ системъ и мировоззрѣній, но и приводить все выбранное къ высшему единству, надѣясь такимъ образомъ подойти ближе къ истинѣ. Образовавшись уже во времена христіанства, она извлекала свѣдѣнія, кромѣ всѣхъ восточныхъ источниковъ, и изъ христіанскихъ писаній новаго Завета; но въ основаніи своей теоріи полагала не богооткровенное ученіе іудеевъ и христіанъ, или воззрѣнія другихъ восточныхъ народовъ, а системы знаменитыхъ классическихъ мудрецовъ,—Пиэагора, Платона, Аристотеля,—и потому называлась то Неопиэагореизмомъ, то Неоплатонизмомъ, а позднѣе—однимъ послѣднимъ именовъ². Основатель собственно неоплатонической школы, учившій въ Александріи и старавшійся соединить въ одно самыя основанія не совсѣмъ согласныхъ между собою системъ ученія Пиэагора, Платона и Аристотеля, Аммоній Саккасъ

¹ Alexandriam totius fere orbis civitatem facere Alexander constituerat, et ob eam causam colonias, quas ex omni gente illuc deduxit, permiserat suae religionis adhaerere placitis. Ita vero dum omnis generis dogmata inter graecos innotuere, ea graecis placitis admixta et adaptata sunt, gentis indole ejusmodi syncretismo mire favente. Bruckeri Institut. Hist. philos. p. 294. Ed. Petrop. 1817. О важности Александріи въ богословскомъ и ученюмъ отношеніи говорятъ св. Григорій Нисскій (Contra Apollinarium), Athenaeus, IV, p. 184., Heeren: Geschichte der class. Littér. I, 27. и др.

² Могла бы называться и Неовристотелизмомъ, но такъ не называлась. Одни и тѣже лица назывались прежде и пиэагорейцами и платониками (Филонъ, Нуминій, Плотинъ), иди платониками и перипатетиками (Николай Дамасскій). См. Suidas. Пиэагорейцы скоро соединились съ платониками, и потому ихъ ученіе называлось иногда платонико-пиэагореизмомъ, а по мѣсту своего происхожденія и господства Александрійскимъ или Египетскимъ. Brucker, ibid. p. 328.

¹ Graec. affect. curat. 1, 6.

(† 243 или 244 году по Р. Хр.), был сначала христианином, а потом перешел в язычество; следовательно он вполне знал истины христианства и иудейства. Ученики и последователи его Оригенъ (нехристианскій), Лонгинъ, Амелій, Порфирій, Плотинъ и другіе также знали учение христианъ и иудеевъ и, по самому свойству своей школы, заимствовали изъ него много теоретическаго и фактическаго. Философская теорія ихъ, окончательно составленная знаменитѣйшимъ изъ неоплатониковъ Плотинъ на основаніи системы Платона, была проникнута, кромѣ многихъ идей другихъ восточныхъ народовъ, заимствованиями и мыслями и выраженіями изъ св. Писанія, которыя впрочемъ были приводимы къ положенному основанію, какъ части построеннаго на немъ зданія¹. Правда, при такомъ обращеніи съ содержаніемъ св. Писанія, по видимому, трудно ожидать отъ неоплатониковъ чего-нибудь въ пользу иудейско-христианскаго мнѣнія (по отношенію къ которому и разсматривается здѣсь эта школа) о заимствованіи истинъ древними классиками изъ Библии, тѣмъ болѣе, что они во времена апологетовъ были злѣйшими врагами христианства; они собирали ученые средства со всѣхъ системъ и религій для того, чтобы дѣйствовать ими противъ христианской религіи²; но въ тоже время неоплатоники не были во враждебномъ отношеніи къ иудейству и привлекали все, что можно было заимствовать отъ иудеевъ, — уже отдѣлившись тогда отъ христианъ, — чтобы поддержать язычество и свою философскую теорію; а съ другой стороны собственное учение ихъ до такой степени было проникнуто идеями и подожженіями христианскими, что они не могли отказаться отъ нихъ, и только отрицали принадлежность этихъ идей и положеній новозавѣтному

¹ О заимствованіи неоплатониковъ отъ христианъ, см. у Tzschirner: Fall des Heidenth. s. 574—578.

² Tzschirner, тамъ же, s. 560. Kellner: Hellen. und Christent. s. 163.

откровенію, присвоивая ихъ себѣ или по крайней мѣрѣ преданіямъ восточныхъ народовъ, между прочими и иудеевъ¹. Борьба неоплатонизма съ христианствомъ, происходившая изъ фанатическаго желанія неоплатониковъ поддержать падавшее язычество и вражды къ усилившейся и побѣждавшей христианской церкви, была въ теоретическомъ отношеніи противорѣчіемъ неоплатонизма самому себѣ, если не въ цѣломъ составѣ ихъ ученія, то въ тѣхъ частяхъ, которыя вошли въ ихъ систему изъ св. Писанія ветхаго и новаго Завѣта². Поэтому неудивительно, что среди многочисленныхъ нападеній на предметы вѣры и дѣятельности исповѣдниковъ христианской религіи неоплатоники высказывали такіа мысли объ отношеніи своихъ древнихъ учителей-классиковъ къ св. Писанію, какія были весьма близки къ воззрѣнію на это отношеніе въ школѣ александрійскихъ иудеевъ. Такъ Порфирій въ сочиненіи *о философіи оракуловъ*, соединяя евреевъ съ прочими восточными народами, говорилъ объ нихъ: «путь къ богамъ огражденъ мѣдными препонами, труденъ и тѣжкъ; варвары открыли много тропинокъ туда, эллины же частію заблудились, частію исказили и то, чѣмъ прежде владѣли; открытіе принадлежитъ египтянамъ, финиціанамъ и халдеямъ (это — ассирійцы), лидійцамъ и евреямъ, какъ за-

¹ Nihil rebus deorum consultius esse putabat haec familia (Platoniorum), quam sua facere quodam modo praecepta illa, quae praeceteris in religione christiana eximia, praeclara, sublimia omnium confessione erant, cumque his veteres superstitiones colligare. Mosheim, Adnot. in Cudwort. T. I. p. 873.

² Decolorans Christum, Iudaeos praeposuit christianis, говоритъ Августинъ о Порфиріѣ (Civ. D. XIX, 23. § 1). Иногда неоплатоники отзывались хорошо объ И. Христѣ, но причисляли Его къ свирепымъ (sapientes Hebraeorum, quorum unus iste etiam Iesus fuit—слова Порфирія у Августина ibid § 4), и не замѣчая противорѣчія со всѣмъ этимъ своей вражды противъ христианъ: suae nocendi astutiae multiformi sentiunt non esse contrarium, si credatur eis laudantibus Christum, tum tamen credatur etiam vituperantibus christianos. Ibid. § 3.

свидѣтельствовалъ богъ Аполлонъ въ своемъ оракулѣ»¹. Тотъ же Порфирій, рассуждая о путешествіяхъ Пиеагора, объяснялъ, что «этотъ древній философъ путешествовалъ къ египтянамъ, арабамъ и халдеямъ, отъ которыхъ научился между прочимъ и толкованію сновидѣній и гаданію посредствомъ ладана», и подтверждалъ существованіе подобныхъ снотолкованій и гаданій у восточныхъ народовъ словами пророка Исаіи (LXV, 3. 4)². Подобнымъ образомъ Нуминій въ сочиненіи *о благи* говорилъ, что «разсуждающему объ этомъ предметѣ и ссылающемуся на Платона нужно обратиться и снестись съ словами Пиеагора, также призвать въ свидѣтели и знаменитые народы, указавъ на ихъ обряды, ученія и учрежденія, согласныя съ Платоновыми, какія установили брахманы и іудеи, маги и египтяне»³. Тому же Нуминію принадлежитъ извѣстное изреченіе о философѣ Платонѣ: «что такое Платонъ, какъ не аттическій Моисей»?⁴. Если всѣ эти примѣры еще не доказываютъ того, что неопиеагорейцы и неоплатоники держались мысли о заимствованіи истинъ древними классиками изъ писаній еврейскаго народа, и даже такая мысль казалась бы у нихъ странною, какъ несогласная съ ихъ уваженіемъ къ классическимъ мудрецамъ, которыхъ идеи они полагали въ основаніе своей системы,

¹ Евсев. Рг. Ев. IX, 10. 413. Феодор. ук. соч. I, 10. Ср. у Евсевія Рг. Ев. IX, 3, 404—407. отзывъ Порфирія о мудрости и добродѣтеляхъ Ессеевъ, которые по происхожденію были іудеи.

² Кирилл. Contr. Iulian. X, 341.

³ Евсев. Рг. Ев. IX, 7. 411. Нуминій называлъ Моисея — Μωυσεως. Ср. Orig. Contr. Cels. IV, 51.

⁴ Оно со словъ Нуминія приводится въ доказательство заимствованія классиками изъ Библии у Клим. Str. I, 22. 148. Евсев. Рг. Ев. XI, 10. 5 27. и другихъ. Свидя (Т. II, 634) говоритъ: «τοῦ (Нуминія) ἔστιν ὁ τῆν τῶν Πλάτωνος ἱεραλέγους διάνοιαν, ὡς ἐκ τῶν Μωυσεϊκῶν τὰ περὶ Θεῶν καὶ κεραι γυνέσεως ἀποβύλασαν» καὶ διὰ τῆτο φησὶ τὴ γὰρ ἔστι Πλάτων, ἢ Μωυσεῖς ἀττικίζων; Хотя фраза Нуминія прямо не выражаетъ мысли о заимствованіи Платономъ отъ Моисея и даже можетъ имѣть обратный смыслъ, но большое сходство между ученіемъ Платона и Моисея въ ней ясно утверждается.

привлекая къ ней понятія всѣхъ другихъ народовъ **ю** какому-либо сходству съ ученіями греческихъ философовъ, то по крайней мѣрѣ они подавали поводъ выводить такую мысль всѣмъ тѣмъ, кто хотѣлъ бы воспользоваться ихъ выраженіями; тѣмъ болѣе, что разные способы, которыми они хотѣли доказать и развить свою систему, располагали къ выводу той же мысли. Одинъ изъ этихъ способовъ для соединенія разнородныхъ ученій греческихъ и восточныхъ состоялъ въ томъ, чтобы какимъ бы то ни было образомъ отыскать въ сочиненіяхъ греческихъ философовъ идеи сродныя съ чуждыми имъ міровоззрѣніями, въ кругъ которыхъ входило и іудейство; это вмѣстѣ съ тѣмъ служило у нихъ и орудіемъ къ униженію богооткровеннаго ученія христіанскаго предъ прочими, особенно предъ классическимъ. Такъ какъ сами греческіе философы разногласили между собою часто даже до совершенной противоположности, то первою заботою неоплатониковъ было—устранить противорѣчія между различными философскими системами, преимущественно между системами корифеевъ греческой мудрости Платона и Аристотеля; они не щадили никакихъ логическихъ натяжекъ, чтобы достигнуть этого примиренія почти непримиримыхъ элементовъ и отыскать въ текстахъ философскихъ сочиненій такіа стороны, какія имъ самимъ хотѣлось видѣть и извлечь въ свою пользу; они выражали не истинный смыслъ словъ Платона или Аристотеля и не старались проникнуть въ этотъ смыслъ, а влагали въ ихъ слова свои собственныя понятія и чувствованія; они во многихъ случаяхъ представляли Платона и Аристотеля болѣе мудрыми и болѣе ясными, нежели каковы были эти философы на самомъ дѣлѣ, для того, чтобы выставить изъ книгъ уважаемыхъ писателей или документъ для защиты своихъ новыхъ взглядовъ, или мнимый доводъ для опроверженія христіанскихъ догматовъ. У греческихъ философовъ не доставало чистыхъ понятій о Богѣ единомъ, духовномъ и личномъ, вѣрныхъ и твер-

дыхъ сужденій объ отношеніи высочайшаго Существа къ сотворенному имъ видимому міру, о невидимомъ мірѣ ангеловъ, о происхожденіи и природѣ человѣка, его назначеніи въ здѣшней и будущей жизни, о важнѣйшихъ обязанностяхъ человѣка къ Богу, ближнему и самому себѣ, и о многихъ высшихъ предметахъ религіи и нравственности; неоплатоники находили все это у древнихъ классиковъ, и притомъ въ довольно близкомъ согласіи съ ученіемъ іудеевъ и христіанъ, при чемъ истины, заимствованныя ими самими изъ св. Писанія, считали какъ бы собственными, основанными на подлинныхъ словахъ Платона или Аристотеля.¹ Всѣ средства, придуманныя прежде нихъ для того, чтобы дать болѣе благовидный смыслъ еоогоніямъ и космогоніямъ древнихъ поэтовъ, противъ естественнымъ предписаніямъ законодателей, нелѣпнымъ взглядамъ и правиламъ философовъ, какъ то: аллегорическое толкованіе, небуквальное пониманіе текста, таинственное значеніе, и тому подобныя, были оставлены въ своей силѣ, и ко всему этому неоплатоники еще присоединяли толкованіе древнихъ классиковъ по идеямъ своего времени какъ вынесеннымъ отъ восточныхъ народовъ, такъ и разнесеннымъ по классическому міру іудеями и христіанами. Что дѣлала іудейская александрійская школа съ писаніями своего законодателя и пророковъ для приспособленія ихъ къ философскому ученію, отыскивая въ нихъ смыслъ греческой философіи,² тоже самое еще въ большихъ размѣрахъ дѣлали неоплатоники съ текстами своихъ философскихъ корифеевъ, усиливаясь доказать согла-

¹ Hoc solemnè recentioribus a Plotino usque Platonis, ut mille aliena dogmata philosophi illius (Platonis) doctrinae sive adtexant, sive substituant, et tamen pro gemino universa vendunt platonismo, quasi Plato, si non ita sensit, certe debuerit ita sentire, ut ipsi comminiscuntur. Alb. Fabric. bibl. Graec. T. VIII. p. 516. Также Mosheim Adnot. ad Cudwort. T. I. p. 352. Прямъры обращенія Порфирія съ Платономъ см. у Августина Civ. Dei. X, 30.

² См. выше на стр. 190.

сіе ихъ между собою, сходство съ возрѣвнѣями глубокой восточной древности и превосходство предъ ученіемъ христіанскимъ. Такимъ образомъ жертвуя своей системѣ точностію и вѣрностію приводимыхъ мѣстъ изъ классиковъ, они невольно высказывали такія положенія, которыя навлекали подозрѣніе и на древнихъ ихъ учителей въ мнѣніемъ заимствованіи изъ св. Писанія, какъ дѣйствительно и случалось. Врагъ христіанства Кельсъ въ свое время укорялъ іудеевъ и христіанъ, что они затемняли сказанія библейскихъ книгъ аллегорическимъ толкованіемъ священнаго текста; Оригенъ, отвѣчая на эту укоризну, говоритъ: «Кельсъ, кажется мнѣ, слышалъ, что существуютъ сочиненія, содержащія аллегорическое толкованіе закона, именно сочиненія Филона, или еще древнѣйшія, каковы Аристотелулы; но я полагаю, что онъ не читалъ этихъ книгъ; ибо онъ, мнѣ кажется, болѣею частію составлены такъ, что и эллинскіе философы видны въ словахъ ихъ; въ нихъ изящны не только выраженія, но и мысли, и ученіе, и пользование тѣми мѣстами Писанія, которыя Кельсъ считаетъ баснями; я знаю, что и Нуминій пивагореецъ, весьма хорошо толкуя Платона и съ уваженіемъ относясь къ пивагорейскому ученію, во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій излагаетъ также изреченія Моисея и пророковъ и даетъ имъ аллегорическое не вѣроятное толкованіе, какъ на прим. въ сочиненіи подъ названіемъ *Епоносъ*, въ книгахъ *о числахъ* и *о мѣстѣ*, а въ третьей книгѣ *о благи* излагаетъ нѣчто и изъ исторіи Исуса, не называя Его по имени, и изъясняетъ ее аллегорически; но правильно ли, или неправильно, объ этомъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ.»¹ Евсевій Кесарійскій, изложивъ толкованіе того же Нуминія на слова Платона о сущемъ, довольно согласное съ ученіемъ св. Писанія о вѣчномъ и неизмѣняемомъ существѣ Божіемъ, говоритъ: «съ такою ясностію Нуми-

¹ Cont. Cels. IV, 51. Ср. 1, 15.

ній истолковывает слова Платона и вмѣстѣ еще древнѣйшаго—Моисея; поему справедливо ему приписывается известное изреченіе: что такое Платонъ, какъ не *Оттический Моисей*? Но вотъ еще больше Плутархъ, изясняя настоящій смыслъ этого предмета, подходитъ (*συντρέχει δὲ*) къ предложеннымъ изреченіямъ философовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ еврейскимъ текстамъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ самъ Богъ представляется говорящимъ: *Я—Господь Богъ вашъ, и не измѣняюсь* (Мал. III, 6); и еще: *Я есмь сущій* (Исх. III, 14).¹ Кириллъ Александрійскій, доказывая нелѣпость мысли Юліана, будто Богъ есть создатель злыхъ существъ, и ссылаясь на ученіе самихъ греческихъ философовъ, опровергающихъ такую мысль, прибавляетъ: «такъ учить о создателѣ Плотинъ, не свою предлагаая мысль, но толкуя мысль Платона; онъ называетъ отца виновника всего—ума—благомъ, отъ котораго сначала произошелъ умъ, а потомъ все существующее; впрочемъ существующее и умъ онъ часто называетъ идеею; такимъ образомъ Платонъ признавалъ, что отъ блага произошелъ умъ, а отъ ума душа; и эти мысли не новыя и не теперь, а давно сказанныя, только не разъясненныя прежде, нынѣшнія же соображенія послужили къ ихъ разъясненію». ² При помощи такихъ соображеній неоплатониковъ древніе классики начинали говорить языкомъ восточныхъ мудрецовъ, или священныхъ писателей ветхаго и новаго Заветъа. ³ Другой способъ соединенія разнородныхъ

¹ Pr. Ev. XI, 10. 527. Слѣдуютъ слова Плутарха изъ его сочиненія о надписаніи въ храмѣ Делійскомъ слога: εἶ.

² Contr. Julian IV, 145.

³ Ист. міробожества примѣровъ произвольнаго и запутаннаго толкованія неоплатониками разныхъ предметовъ классическаго міра, укажемъ на слѣдующія слова Порфирія: «Нимфеми Наядами мы называемъ собственно силы, присутія водамъ; называли такъ и вообще души, получающія рожденіе; ибо думали, что души сидятъ при водѣ, находящейся подъ божественнымъ дунуваніемъ, какъ говоритъ Нуминій, утверждая, что поему и пророкъ сказалъ: *Духъ Божій носился надъ водою* (Быт. I, 2)». De antro Nympharum. p. 256. Edit. Cantabr. 1655.

ученій греческихъ и восточныхъ, употребившіяся у современныхъ апологетамъ философовъ, состоятъ въ томъ, чтобы находить у восточныхъ народовъ, не исключая и іудеевъ, такія преданія писанныя или неписанныя, которыя наиболѣе приближались бы къ мыслямъ и выраженіямъ древнихъ классиковъ, особенно Аристотеля и Платона. Такъ какъ въ подлинныхъ книгахъ восточныхъ народовъ можно было найти немного сходства по буквѣ и по духу съ ученіемъ греческихъ философовъ, развившимся хотя въ нѣкоторой отдаленной зависимости отъ старинныхъ преданій, но болѣею частію самостоятельно и въ духѣ собственномъ эллинскимъ мыслителямъ; то неоплатоники пользовались такими пособіями для отысканія нужныхъ имъ понятій въ этихъ книгахъ, которыя составляли болѣе дополненіе и перетолкованіе, нежели изложеніе подлиннаго смысла ихъ; если же и при этихъ пособіяхъ не достигали удовлетворительныхъ результатовъ, то не стѣснялись и сами составлять подобныя книги, появившіяся въ ихъ время въ значительномъ количествѣ. Въ отношеніи къ св. Писанію ветхаго Заветъа пригодное для нихъ пособіе представляли толковательныя сочиненія іудеевъ александрійской школы, и неоплатоники обильно пользовались такими сочиненіями, преимущественно знаменитаго по этой части Филона александрійскаго; въ ученіи этого іудейскаго философа они могли находить если не въ полномъ развитіи, то въ зародышѣ, почти всѣ главныя мысли и направленія своей школы: и мистико-аллегорическое объясненіе сказаній и міеовъ, усиливавшееся не смотря на исторію и грамматику извлечъ изъ буквы писанія сокровенный смыслъ, и стремленіе привести противорѣчія разнородныхъ ученій къ единству, и расположеніе къ таинственному созерцанію Божества посредствомъ вышеразумной способности, приписываемой философствующему духу, и пр., а еще болѣе могли встрѣчать мыслей, способствовавшихъ имъ къ своеобразному пониманію тек-

ста священныхъ еврейскихъ книгъ, такъ что трудно опредѣлить съ исторической и теоретической стороны, кому болѣе обязанъ неоплатонизмъ своимъ первоначальнымъ развитіемъ, языческимъ ли философамъ первыхъ вѣковъ христіанства, или іудеямъ александрійской школы. ¹ Само собою разумѣется, что всѣ апокрифическія сочиненія и вставки въ подлинныхъ текстахъ классическихъ сочиненій, составленныя александрійскими іудеями и способствовавшія къ сочетанію западныхъ и восточныхъ идей, каковы на пр. въ орфическихъ стихотвореніяхъ и сивиллинныхъ книгахъ, были принимаемы неоплатониками, какъ дѣйствительныя произведенія классиковъ и при случаѣ употребляемы для достиженія ихъ цѣли. ² Никогда ревностнѣе не занимались орфическою поэзіею, — говоритъ Лоббекъ, — какъ въ третьемъ и четвертомъ столѣтіи по Р. Хр.; собирали поученія древнихъ и старались привести ихъ въ согласіе между собою; это уже дѣлалъ Хараксъ, пергамскій жрецъ, жившій во времена Нерона; а извѣстный александріецъ Серапіонъ (2-го вѣка) былъ такой почитателемъ орфическихъ стихотвореній, что старался пріобрѣсти ихъ себѣ за какую бы то ни было цѣну». ³ Неоплатоническій философъ Героклисъ (5-го вѣка), написавшій сочиненіе о *провидѣніи*, усиливался въ 4-й книгѣ представить согласіе оракуловъ и іератическихъ формулъ съ положеніями Платона, а въ 5-й книгѣ доказать слѣды философіи Платоновой у Орфея, Омира и другихъ. ⁴ Неопла-

¹ Der älteste und bedeutenste Vorläufer des Neoplatonismus war der Iude Philon, говоритъ Steinhart въ Real-Encicl. Pauly, T. V, s. 1712. Dähne (Jüdisch. alex. Religionsphilos. s. VIII) говоритъ, что философскій методъ неоплатониковъ въ своихъ общихъ и характеристическихъ чертахъ прежде всего образовался у Александрійскихъ іудеевъ. — Знаменитѣйшій неоплатоникъ Плотинъ имѣлъ отношеніе къ Филону чрезъ Куинія и непосредственно. См. сочиненіе «Философія Плотина» Владиславава, С.-П.-Б. 1868 г. стр. 287—290.

² Aglaoph. p. 344.

³ Photii Biblioth. cod. 214.

тоникъ Сиріанъ (5-го вѣка) написалъ сочиненіе о богословіи Орфея и другое о согласіи Орфея, Пинегора и Платона. ¹ Прокль (5-го вѣка) думалъ, что положенія Платоновой системы должны быть объясняемы согласно съ орфическими изреченіями, и вообще считалъ богословское ученіе орфическихъ стиховъ однимъ изъ источниковъ всего религиозно-философскаго воззрѣнія, которое впрочемъ можетъ подлежать толкованію философовъ. ² Порфирій же (3-го вѣка) составилъ большое сочиненіе о *философіи оракуловъ*, въ которомъ собралъ всѣ извѣстныя въ то время изреченія прорицателей, имѣя цѣлю представить къ систематическомъ видѣ содержащіяся въ нихъ, по его мнѣнію, философскія и богословскія идеи и положенія; по оставшимся отрывкамъ этого сочиненія, изъ которыхъ нѣкоторые свидѣтельствуютъ въ пользу іудеевъ и въ похвалу Моисеева закона весьма сходно съ изреченіями сивиллинныхъ книгъ, можно думать, что Порфирій руководствовался между прочимъ и памятниками апокрифической письменности іудеевъ предшествовавшаго времени. ³ Эти сборники разнородныхъ понятій могли способствовать къ сближенію писателей классическихъ съ библейскими по теоріи неоплатонизма; для сближенія же съ идеями другихъ восточныхъ народовъ неоплатоникамъ не доставало ни та-

¹ Fabric. Bibl. Graec. T. VIII, p. 450.

² Theolog. Platon. I, 5. In Cratyl. p. 64. 'Ἐν ῥαφωδίαις δοκιμαίς θεολογία διὰ τίς ἐστίν, ἐν καὶ οἱ φιλόσοφοι διερχόμενοι, говоритъ Прокль. См. также Philostr. vit. Apollon. V, 21. Damasc. Quaes. 380—382.

³ Подробный разборъ этого сочиненія у Kellner; Hel. und Christ. p. 199—205. Отрывки собраны и изданы Г. Вольфомъ: Porphyrii de philos. ex oraculis. Berl. 1856. Они разсыпаны въ сочиненіяхъ христ. апологетовъ большею частію подъ именемъ оракуловъ бога Аполлона. Евсев. Pr. E. IV. с. 5—8, V, 5—9. VI, 2. IX, 10. Кирил. Cont. Iul. V, 180. Августин. Civ. D. XIX, 23. Лактанц. De ira Dei, с. 23. Div. Inst. I, 7. IV, 13—15. VII, 13. 18. Между ними есть и благоприятные отзывы объ Основателѣ христ. религіи. Часто повторяемое апологетами изреченіе въ пользу мнѣнія о заимствованіи классиками изъ Библии есть слѣдующее: «одни лишь халдеи постигли премудрость, а также евреи, что Бога царя самобытнаго чтимъ». Iust. Ув. къ Эдл. II и 24. Евс. Pr. Ev. IX, 10. 413. Кирил. Cont. Iul. V, 180.

ких положительных источниковъ, каковы книги іудеевъ и христіанъ, ни готовыхъ пособій со стороны іудеевъ. Почти недоступны въ то время и большею частью писанныя на неизвѣстныхъ языкахъ и таинственными знаками религіозныя и спекулятивныя воззрѣнія египтянъ, халдеевъ, индійцевъ, представляли важныя препятствія для желающихъ—составить изъ всѣхъ возможныхъ ученій одно удовлетворительное для всякаго философскаго ума. Собранныя прежде свѣдѣнія грековъ о мудрости варварскихъ народовъ, на которую указывали съ уваженіемъ еще Платонъ и Аристотель, были весьма ограниченны; во времена александрійскаго періода, сблизившія между собою народы востока и запада, греки болѣе познакомились съ вѣроученіемъ, культами и преданіями египтянъ и народовъ передней Азіи; но всѣ эти данныя, кромѣ того что были недостаточны, носили характеръ мѣстности и національности; а неоплатоники стремились къ идеалу мудрости общечеловѣческой, независимой отъ особенныхъ отношеній извѣстной области и націи.» Еще не найдена—говоритъ Порфирій—какая-нибудь одна секта, которая владела бы всеобщимъ (universalem) путемъ къ освобожденію души, на основаніи ли какой-нибудь истиннѣйшей философіи, или нравовъ и обычаевъ индійцевъ, или умозрѣнія халдеевъ, или какого-нибудь другаго пути; еще не дошелъ такой путь до моего свѣдѣнія исторически; ¹ и въ этомъ стремленіи къ универсальной философіи и вмѣстѣ къ униженію открытаго всѣмъ для религіозно-правственнаго усовершенствованія пути—христіанской Вѣры—неоплатоники восполняли пробѣлы касательно восточныхъ

¹ Эти слова приводитъ Августинъ изъ сочиненія Порфирія: De regressu animae (Civ. D. X, 32), и объясняетъ, что онъ, а съ нимъ конечно и прочіе неоплатоники доискивались: quaeenam ista est universalis via, quae non suae cuique genti propria, sed universis gentibus communis esset,—не замѣчая, что такой всеобщій путь къ очищенію и освобожденію души и есть религія христіанская.

народовъ составленіемъ собственныхъ сборниковъ ихъ ученія подъ формою древнихъ преданій, каковы: *Изреченія халдеевъ* и писанія *Эрмиса трисмемста*, изъ которыхъ первыя служили образцемъ мудрости халдеевъ, вторыя—мудрости египтянъ. Подъ именемъ *Изреченій халдеевъ* (τὰ χαλδαίων λόγια) разумѣется сборникъ мыслей и правилъ, ведшихъ свое начало отъ Зороастра и маговъ персидскихъ, и потому называвшійся ипаче: *Μαγικά λόγια τῶν ἀπὸ τοῦ Ζωροάστρου μαγῶν*; онъ составилъ не раньше 2-го вѣка по Р. Хр. трудами двухъ Юліановъ, отца и сына, по происхожденію халдеевъ, и первоначально содержалъ, вѣроятно, наставленія касательно звѣздочетства, гаданія, волшебства и другихъ подобныхъ искусствъ, которыми халдеи славились издревле, а воособенности во времена римской имперіи. Неоплатоники, принявъ этотъ сборникъ въ кругъ своихъ источниковъ познаній, обработали его съ внутренней и внѣшней стороны, дополнили по своему усмотрѣнію, и въ такомъ видѣ выдавали за кодексъ божественнаго откровенія, даннаго халдеямъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ, желающимъ достигнуть высшей мудрости. ¹ Ямблихъ (4-го вѣка) писалъ о халдейскомъ совершеннѣйшемъ богословіи (περὶ τῆς χαλδαϊκῆς τελειοτάτης θεολογίας), въ которомъ находилъ ученіе о единствѣ сверхчувственнаго міра и откровеніяхъ его въ трехъ видахъ—отца, силы и ума и т. п. Проклъ считалъ упомянутый сборникъ книгою книгъ, при которой почти не нужны никакія сочиненія философовъ—конечно потому, что онъ былъ наполненъ идеями разныхъ вѣроученій и философскихъ системъ, и притомъ съ характеромъ современнаго неоплатонизма. Подъ именемъ писаній *Эрмиса трисмемста* разумѣется нѣсколько литературныхъ произведеній, которыхъ авторы имѣли цѣлю соединить въ нихъ въ одно

¹ Объ немъ упоминаютъ *Фл. Августинъ* (Civ. D. X, 32) и Энци Гааскій (Theophr. p. 77. Ed. 1655). До насъ почти ничего не дошло изъ этого сборника. См. Bernhady. ук. соч. в. 453—456.

цѣлое и египетскіе мѣны, и греческія умозрѣнія, съ іудейскими и христіанскими идеями; не достигнувъ этой цѣли, они составили только смѣшанные сборники разнородныхъ понятій, которыя и по содержанію и по формѣ обличаютъ свое происхожденіе изъ Египта, изъ греческихъ философемъ, или изъ христіанства и іудейства. Такъ въ главныххъ изъ этихъ сочиненій подъ названіемъ: *Асклмій* (*Ἀσκληπίου*; или *Ἰερέως τέλειος*) и *Пимандръ* (*Ἐρμῆος τῆς τριήμερου* *Παμάνδρου*) проповѣдуется и христіанско-іудейское ученіе о единствѣ Божіемъ съ рѣшительнымъ отверженіемъ языческаго многобожія, и греческая мѣология о богахъ олимпійскихъ, то намекается на христіанскую Троицу Божества, подъ которою впрочемъ разумѣется троичность началъ—Богъ или небо, матерія или пространство, и духъ, какъ орудіе, посредствомъ котораго Богъ управляетъ міромъ, то проповѣдуется восточный пантеизмъ; въ однихъ мѣстахъ человѣкъ представляется существомъ, одареннымъ душою, которая произошла отъ Бога и къ Богу должна возвратиться, въ другихъ мѣстахъ души людей назначаются къ переселенію въ другія тѣла по ученію египетскому и т. п. ¹. Никакой вѣкъ не могъ произвесть такихъ смѣшанныхъ сочиненій, кромѣ вѣковъ господства универсальнаго синкретизма; никому изъ синкретистовъ нельзя приписать ихъ съ большею основательностію, какъ неоплатоникамъ; по этому они и пользовались особеннымъ уваженіемъ всѣхъ неоплатониковъ ². Имблихъ

¹ Подробное изслѣдованіе о нихъ см. у Baumgartenrusius: De librorum Hermeticorum origine atque indole. Ien. 1827. Также Kellner. ук. соч. s. 237—249. Herm. Trism. Poemander. Edit. Parthey. Berl. 1854. Pauly: Real-Encycl. Tom. III. Hermes.

² Христіанскіе апологеты приводятъ изъ этихъ сочиненій нѣста, согласныя съ библейскими (Іустин. Ув. къ Эл. 38. Аѳнагор. Прощ. о Хр. 29. Кирил. Сопт. Iul. I. 1, IV и V. Лактанц. Div. Ins. 1, 6. 8. VII, 4. 13. 18), но безъ особеннаго уваженія къ нимъ, вѣроятно зная ихъ происхожденіе. Св. Кирилъ (Сопт. Iul. 1, 30.) говоритъ о иужъ, который въ Аѳнахъ составилъ 15 такъ называемыхъ эрмисовыхъ книгъ (*ἐρμητικὰ βιβλία*). Августинъ

въ предисловіи къ своему сочиненію о *мистеріяхъ* египетскихъ говоритъ: «Эрмисъ, виновникъ краснорѣчія, есть древній богъ, общій для всѣхъ служителей боговъ; онъ есть единый и единственный представитель истиннаго вѣдѣнія о богахъ» ¹. По свидѣтельству Прокла въ его время думали, что въ этихъ писаніяхъ содержатся древнѣйшія свѣдѣнія, которыя были прежде начертаны на столбахъ Меркурія и изъ которыхъ Пифагоръ и Платонъ почерпали ученіе ². Юліанъ богоотступникъ въ своемъ сочиненіи противъ христіанъ говорилъ: «Богъ усвоилъ себѣ не однихъ только евреевъ, но, какъ пекущійся о всѣхъ народахъ, Онъ далъ имъ не какія-нибудь особенныя или великія преимущества, но и намъ (язычникамъ) сообщилъ еще большія и важнѣйшія; это мы видимъ между прочимъ изъ слѣдующаго: египтяне могутъ насчитать не мало именъ своихъ домашнихъ мудрецовъ и указать на многихъ преемниковъ Эрмиса, того Эрмиса, который три раза посѣтилъ Египетъ» ³. Очевидно, что посредствомъ этихъ сочиненій неоплатоники хотѣли увѣрить древній міръ, что Египетъ есть священная земля, которую боги избрали своимъ жилищемъ и посѣщали въ видимомъ образѣ, дабы сообщать людямъ небесныя истины и открыть имъ истинную религію, и что, слѣдовательно, языческое ученіе имѣетъ божественное происхожденіе, а книги ихъ, содержащія это ученіе — и для большаго обаянія украшенныя именемъ Эрмиса *трижды величайшаго*, которому за двѣ и за три тысячи лѣтъ египтяне приписывали всѣ свои познанія и

придають имъ не больше авторитета, какъ и сивиллинымъ книгамъ (Ad Faustin. XIII, 15.) А Лактанцій, приведши слова изъ Эрмиса о созданіи человека изъ двухъ природъ, смертной и бессмертной, говоритъ: sed hunc fortasse aliquis in numero philosophorum amputet, quamvis in deos relatus Mercurii nomine ab Aegyptiis honoretur, nec plus ei auctoritatis tribuat, quam Platoni aut Pythagorae. Div. In. VII, 13.

¹ Fabric. Bibl. Graec. T. 1. p. 76—79.

² Procl. in Timaeum lib. 1. Amm. Marcell. lib. XXII.

³ Кирил. Ал. Contr. Iul. Y, 176.

писанія, — должны считаться священными свитками, подобно іудейской и христіанской Библии и еще болѣе того, если не у всѣхъ, то по крайней мѣрѣ у язычников¹. — Такимъ образомъ мысль о сходствѣ ученія восточныхъ народовъ, а между прочими и еврейскаго, съ греческою философіею, доказываемая теоретически и подтверждаемая практически, была общаю въ тѣ вѣка, когда жили и дѣйствовали христіанскіе апологеты. Неоплатоники собрали столько матеріаловъ для раскрытія этой мысли, что не нужно было прилагать особеннаго труда, чтобы извлечь изъ нихъ доказательства въ пользу какаго-либо воззрѣнія, а воособенности мнѣнія о заимствованіи истинъ древними классиками изъ св. Писанія іудейскаго народа. Сами неоплатоники, употребляя только методъ сравненія библейскихъ идей съ классическими, не высказывали и не могли высказывать этого мнѣнія по привязанности своей къ классической почвѣ, но христіанскіе апологеты, оставившіе всѣ философскія школы по принятіи христіанской Вѣры, не имѣли такой препоны, и, встрѣчая у тѣхъ самыхъ людей, съ которыми вели усиленную религіозную и ученую борьбу, поводы и всѣ данныя для продолженія извѣстнаго воззрѣнія на отношеніе классиковъ къ Библии, прямоудупно высказывали это воззрѣніе. Главнѣйшіе поводы со стороны современныхъ имъ философовъ состояли въ слѣдующемъ. Неоплатоники и еще прежде нихъ еклектики и синкретисты были знакомы съ ученіемъ св. Писанія сначала ветхаго, а потомъ и новаго Заветѣ, приводили очень часто библейскіе тексты для подтвержденія тѣхъ или другихъ соображеній своихъ касательно общности вѣрованій

¹ Распространившіяся сочиненія подъ именемъ Hermes Trismegistos не слѣдуетъ принимать хотя бы только за позднѣйшіе остатки древнихъ египетскихъ священныхъ книгъ; они только въ 3, 4 и 5 вѣкахъ христіанства написаны тѣми, которые хотѣли снова освѣжить христіанскими выраженіями египетское язычество; поему они написаны сначала по гречески, — и мыслями Еwald: Die Lehre der Bibel von Gött. Leipz. 1871. s. 264. Nota.

и убѣжденій у грековъ и другихъ народовъ, и въ тоже время увѣряли и доказывали, что такъ же точно учили и древніе классики, корифеи греческой мудрости, Орфей, Пифагоръ, Платонъ, Аристотель и прочіе; какое же заключеніе могли вывести отсюда ученые мужи, стоявшіе за авторитетъ св. Писанія, убѣжденные въ древности книгъ Моисеевыхъ предъ всѣми классическими произведеніями и предварительно знакомые со взглядомъ на этотъ предметъ александрійскихъ іудеевъ? Естественное заключеніе состояло въ томъ, что древніе классики заимствовали изъ Библии; доказательства на это были подъ руками въ сочиненіяхъ Нуминія, Амелія, Порфирія, Плотина и прочихъ неоплатониковъ. Далѣе христіанскіе апологеты видѣли, какимъ образомъ пользовались современные имъ философы чужими мыслями, какъ они, не понимая духа іудейства и христіанства и отрывая одно или два выраженія изъ Библии, употребляли ихъ въ свою пользу; а съ другой стороны апологеты, освободившись отъ одностороннихъ языческихъ ученій и разширивъ кругъ своихъ познаній изъ истинныхъ источниковъ богооткровеннаго ученія, замѣчали, что всѣ эти выраженія въ іудействѣ и христіанствѣ суть необходимыя части и звенья стройнаго цѣлаго, тогда какъ у неоплатониковъ они были только прилежачими къ системамъ, совершенно чуждымъ и принадлежащимъ сколько этимъ, столько же и древнимъ классикамъ; что же могло быть ближайшимъ послѣдствіемъ подобныхъ соображеній? Тотъ выводъ, что и древніе классики, у которыхъ также есть блестяи истины среди множества заблужденій, поступали одинаково съ позднѣйшими своими послѣдователями — неоплатониками¹,

¹ Qui (Neoplatonici) cum divinae veritatis gustum ex sacris scripturis, et nascentis Ecclesiae doctoribus, aut praecceptorum christianorum ore perciperissent, purissimos veritatis rivulos in Pythagorae et Platonis derivarunt lacunas, et igniculos divinae lucis mendaciorum fumo ac tenebris obscurarunt. Luc. Holsten. de vita et script. Porphyrii philos. Dissert. c. VI. Также Olcarii Dissert. de philosop. eclectica ad calcem Stanlei Histor. Philos. p. 1205. Lips. 1711. Mosheim. Dissert. ad hist. eccles. vol. 1. p. 339. et 373.

т. е. и они доходили какими бы то ни было путями до источника боготкровенных вѣрованій и правилъ и заимствовали изъ него проявляющіяся у нихъ иногда высокія истины религіи и нравственности. Что дѣйствительно такъ соображали и заключали христіанскіе апологеты, когда утверждали мнѣніе о заимствованіи древними классиками изъ Библии, подъ вліяніемъ прежде всего іудеевъ, а потомъ современныхъ философовъ, это совершенно ясно изъ собственныхъ ихъ словъ, касающихся настоящаго предмета. «Плутархъ, и Нуминій, и другіе, принадлежащіе къ ихъ обществу,—говоритъ блаж. Теодоритъ,—живши послѣ воплощенія Спасителя нашего, примѣшали многое къ своимъ словамъ изъ христіанскаго богословія; такъ и Плотинъ и Нуминій, разъясня мысль Платона, говорятъ, что онъ допускалъ три вышевременныхъ и вѣчныхъ существа—благо, умъ и душу всего, называя благомъ того, кого мы называемъ Отцемъ, умомъ — того, кого мы называемъ Сыномъ и Словомъ, а силу одушевляющую и оживотворяющую все называя душею, которая въ божественномъ ученіи называется Святымъ Духомъ; и это, какъ я сказалъ, похищено изъ философіи и богословія евреевъ; ибо псаломщикъ Давидъ, воспѣвая божественную пѣснь, по внушенію божественной благодати взываетъ: *словомъ Господа сотворены небеса, и духомъ устъ Его все воинство ихъ* (Пс. XXXII, 6) ¹. Строгаго разграниченія между современными философами и древними здѣсь не сдѣлано, и заимствование ученія изъ Библии приписывается тѣмъ и другимъ одинаково. Еще прямѣе высказывается Евсевій Кесрійскій. Въ одномъ мѣстѣ, объясняя, что слова въ Платоновомъ Тимей: «что есть всегда сущее и не имѣющее рожденія»? выражаютъ такое же понятіе о Богѣ, какое заключается въ словахъ св. Писанія: *Я есмь сущій* (Исх. III, 14), и заимствованы отсюда, Евсевій прибавляетъ: «а чтобы кто-нибудь не подумалъ, что мы перетолковываемъ»

¹ Graec. аф. сур. II, 33.

ваемъ слова философа, то я воспользуюсь комментаріями (Ἐρμηνείαι), которые объясняютъ смыслъ этихъ словъ; многие занимались объясненіемъ ихъ, но для меня здѣсь достаточно привести слова знаменитаго мужа Нуминія пивагорейца, который онъ высказываетъ во второй книгѣ о *Благи*»,—и приводитъ Нуминіево объясненіе словъ Платона, согласное съ христіанскимъ ученіемъ о Богѣ вѣчномъ и неизмѣнномъ ¹. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Евсевій доказываетъ сходство неопредѣленнаго выраженія Платона о второмъ началѣ, сказаннаго въ письмѣ къ Эрмію, Ерасту и Кориску, съ ученіемъ св. Писанія о второмъ лицѣ св. Троицы и, присовокупляя, что это познаніе заимствовано имъ изъ боготкровеннаго источника, продолжаетъ: «если же намъ нужны другія свидѣтельства для вѣрнѣйшаго представленія мысли философа и для удостовѣренія въ точности сдѣланнаго объясненія, то послушай, какъ Плотинъ въ сочиненіи *о трехъ начальныхъ гипостазахъ* объясняетъ это»,—и слѣдуютъ слова Плотина, болѣе сходныя съ св. Писаніемъ, нежели Платоновы ². — Послѣ всѣхъ изложенныхъ соображеній немаловажнымъ подтвержденіемъ зависимости воззрѣнія христіанскихъ апологетовъ на древнихъ классиковъ отъ вліянія современныхъ имъ неоплатониковъ можетъ служить и тотъ историческій фактъ, что это воззрѣніе держалось у христіанскихъ писателей только до тѣхъ поръ, пока существовали въ классическомъ мірѣ эти философы, а какъ скоро они разсѣялись и закрыли свои школы (въ 530 году по Р. Хр.), то

¹ Пр. Ев. XI, 9 и 10. Подобнымъ образомъ доказывали апологеты существованіе ученія о Словѣ Божіемъ у Ираклита по указанію неоплатоника Амелія (Евсев. Р. Е. XI, 19. Теодор. ук. соч. II, 33. Кирил. Ал.-Сонтр. Iulian, VIII, 283), ученія о св. Троицѣ у Платона со словъ Порфирія (Кирил. ук. соч. I, 29—34), ученія объ ангелахъ въ словахъ Платона о второстепенныхъ богахъ по изъясненію вообще Платониковъ (August. Civ. Dei. IX, 23) и такъ далѣе. См. объ этомъ у Döllinger: Heidenth. und Judenth. 1857. p. 300—302.

² Praep. Evang. XI, 16.

и оно перестало занимать умы и высказываться въ христіанскомъ мірѣ на нѣсколько столѣтій, до новаго появленія въ сочиненіяхъ европейскихъ ученыхъ по особымъ причинамъ и обстоятельствамъ времени.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Итакъ мнѣніе христіанскихъ апологетовъ объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ было историческимъ явленіемъ того времени, въ которое жили апологеты, но сущность его—мысль о заимствованіи истинъ древними классиками изъ св. Писанія непосредственно или посредственно—не имѣетъ твердыхъ историческихъ и другаго рода ученыхъ основаній. Оно есть традиціонное воззрѣніе на греческихъ классиковъ, доставшееся апологетамъ отъ тѣхъ же іудеевъ, отъ которыхъ они приняли священныя книги ветхаго Заваѣта, и сохранилось, какъ частное и притомъ преимущественно мѣстное (Александрійское) мнѣніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Если отъ нихъ самихъ зависѣло держаться или не держаться его въ дальнѣйшее время, то опять не отъ нихъ зависѣло направленіе современной имъ философіи, которая представляла многочисленныя данныя и разными сторонами своими склоняла людей, близко стоявшихъ къ ней, къ этому воззрѣнію. Когда уже поставленъ былъ вопросъ о томъ, заимствовали ли древніе классики что-нибудь изъ Библии, то во времена первыхъ вѣковъ христіанства, среди живыхъ и непрестанныхъ отношеній между христіанскими и языческими писателями, невозможно было оставлять его безъ отвѣта, и ученые апологеты давали этотъ отвѣтъ: больша

шая часть изъ нихъ отвѣчала утвердительно, меньшая то утвердительно, то отрицательно, немногіе отрицательно, впрочемъ не принимая на себя труда входить въ подробное изслѣдованіе существовавшего вопроса. Эти же дѣятельныя отношенія другъ къ другу христіанскихъ и языческихъ писателей, эта живая борьба служила для первыхъ препятствіемъ—надлежащимъ образомъ взвѣсить силу тѣхъ общихъ и частныхъ доводовъ, которыми подкрѣплялось ихъ мнѣніе, не столько касавшееся Церкви, устройство которой главнымъ образомъ поглощало заботы и вниманіе христіанскихъ учителей, сколько ученое, хотя и трактовавшее о важнѣйшихъ предметахъ христіанской вѣры и нравственности. Для раскрытія допущеннаго мнѣнія о заимствованіи классиками изъ Библии, христіанскіе апологеты сдѣлали съ своей стороны скорѣе, можно сказать, слишкомъ много, нежели слишкомъ мало; но какъ главная мысль не была ихъ собственною и самостоятельною, такъ и доказательства въ ея пользу были у нихъ большею частью не самостоятельныя; трудъ ихъ по этому предмету состоялъ только въ чтеніи сочиненій древнихъ классиковъ, александрійскихъ іудеевъ и современныхъ неоплатониковъ и въ пригодныхъ изъ нихъ выдержкахъ; посему вѣрность или невѣрность приведенныхъ доводовъ лежитъ не на отвѣтственности христіанскихъ апологетовъ; они передавали все найденное такъ, какъ находили у другихъ, а что касается содержанія сдѣланныхъ извлеченій, то въ оправданіе апологетовъ отъ всякихъ нареканій смѣло можно сказать, что они не вымышляли и не сочиняли отъ себя ничего для поддержки этого мнѣнія и, при множествѣ готовыхъ матеріаловъ, не имѣли въ томъ ни малѣйшей нужды¹.

¹ Нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей весьма рѣзко отрицаются о христіанскихъ апологетахъ какъ вообще за допущеніе и защиту мнѣнія о заимствованіи классиками изъ Библии (Segueri a S. Brisson. Notae ad Eusebii Praep. Ev. p. 1546. et. 1634. Edit. Migne. Lobbeck: Aglaoph. p. 153 и 353), такъ и за 15*

Еще меньше можно укорять ихъ въ недалковидности по поводу защищенія ими нетвердаго, несостоятельнаго воззрѣнія; напротивъ и въ этомъ частномъ вопросѣ открывается высокая дальновидность ихъ, какъ мужей, понимавшихъ современное состояніе общества и взявшихъ подъ свою защиту мысль, которая въ то время могла быть сильнымъ противоѣдствіемъ стремленіямъ неоплатониковъ—подвести всѣ религіи и всѣ священныя книги къ общему уровню по началамъ совершеннаго индеферентизма, равно показавшихъ свою дальновидность и въ выборѣ средствъ для развитія этой мысли такихъ, которые могли рѣшительно дѣйствовать на окружавшее ихъ общество¹. Если что можно сказать съ критической точки зрѣнія о самомъ воззрѣнн и его защитѣ, то развѣ слѣдующее: христіанскіе апологеты, рѣшая вопросъ объ отношеніи древнихъ классиковъ къ Библии болѣе по приспособленію къ потребностямъ своего времени и по имѣвшимся у нихъ средствамъ, не коснулись сущности этого предмета прямо и безотносительно. Воззрѣніе ихъ, по видимому стремясь дать точный отвѣтъ на вопросъ: какъ относились писатели классическіе къ библейскимъ?—рѣшало другой, хотя сопряженный, но основанный не на прямомъ параллельномъ сравненіи двухъ различныхъ дѣятелей, а зависѣвшій отъ традиціи и обстоятельствъ вопросъ: чѣмъ

приведеніе нѣкоторыхъ приписанныхъ классикамъ мѣстъ сомнительной подлинности (Thorlacius: Libri Sibyllistarum veteris ecclesiae. 1815. Lobeek: Aglaoph. p. 448). Но, при независимости мнѣнія и доводовъ въ пользу его у христ. апологетовъ, такіе отзывы оказываются совершенно неудобными.

¹ Николай Le Nourry, въ оправданіе христ. апологетовъ отъ нареканій, говоритъ: nec est quod quis arguat, hos patrum lapsus ex nimio eorum in christianam professionem zelo derivari; nam imprudens adeo et caecus non fuit illorum zelus, ut arma, quibus omnino opprimerentur, pagani tanta facilitate, suppeditarent. Dicendum itaque Orphei carmina (а равно и другія) vel minime fictitia fuisse, vel certe a pagani ita pro veris habita, ut sancti patres eorum auctoritate, tanquam argumento, ut loquantur, ad hominem, utendi jus sibi fasque esse meritò crediderint. Appar. ad Bibl. Max. Patrum. T. 2. p. 340. Edit. 1697.

можно доказать, что древніе классики заимствовали многія истины изъ св. Писанія? Этотъ послѣдній вопросъ, бывъ первоначально поставленъ на видъ александрійскими іудеями, отзывался и прежде и послѣ нѣкоторою тенденціозностію, хотя и оправдываемою обстоятельствами времени. Между тѣмъ истинное отношеніе этихъ двухъ дѣятелей—писателей классическихъ и библейскихъ—точно и ясно, а, главное, согласіе съ исторіею и справедливою можетъ быть опредѣлено по устраненіи вопроса о заимствованіи древними классиками изъ Библии.

По устраненіи этого мнѣнія еще остается отношеніе писателей классическихъ къ библейскимъ, о которомъ можно разсуждать и выводить результаты, не впадая въ недомнѣнія и противорѣчія. Это—отношеніе здраваго ума человѣческаго, который былъ у классиковъ и высказывался въ ихъ произведеніяхъ, къ св. Писанію, данному самимъ Богомъ,—отношеніе естественнаго стремленія къ истинѣ, свойственнаго всѣмъ людямъ, къ положительному откровенію, сообщенному людямъ свыше ихъ силъ и способностей естественныхъ,—отношеніе человѣческой природы, помраченной, но не до основанія извращенной грѣхомъ и языческими заблужденіями, къ писанному Слову Божію, въ которомъ нѣтъ ничего, кромѣ чистой истины. Классики говорили и писали по внушенію своего разума и сердца, вообще по внушенію своей человѣческой природы, и все сказанное и написанное ими, какъ ихъ собственность, оцѣнивается по сравненію съ богооткровеннымъ ученіемъ Библии. Впрочемъ, когда говорится, что древніе языческіе мудрецы говорили и писали по внушенію своей природы, то при этомъ не отвергается и то, что Промыслъ Божій, бодрствовавшій не надъ одними іудеями, но и надъ язычниками, могъ дѣйствовать на души способнѣйшихъ и достойнѣйшихъ изъ классиковъ просвѣтительнымъ образомъ посредствомъ своего невидимаго Слова; не отвергается и возможность пользованія со стороны клас-

сиковъ древними общечеловѣческими преданіями, происшедшими отъ чистаго первоначальнаго откровенія Божія, даннаго людямъ до разсѣянія ихъ по земному шару; эти взгляды, встрѣчающіеся и у христіанскихъ апологетовъ, удобно соглашаются съ изложеннымъ отношеніемъ языческихъ мудрецовъ къ Библии, какъ человѣческой природы къ положительному откровенію: первый потому, что дѣйствіе Слова Божія могло состоять лишь во внутреннемъ озареніи природныхъ способностей язычниковъ, а второй потому, что преданія общенародныя суть историческое состояніе всѣхъ народовъ, безъ котораго не оставался никто изъ нихъ; но эти два пособія къ познанію истины могли быть дѣйствительными только на основаніи естественной къ тому способности людей, стоявшихъ внѣ положительнаго откровенія, которая для нихъ и была главнымъ средствомъ иногда приближаться къ мыслямъ библейскимъ, а иногда погружаться въ бездну величайшихъ заблужденій¹. Допустивъ мысль о заимствованіи классиками изъ Библии, трудно установить взглядъ вообще на ихъ произведенія по отношенію къ Библии, между которыми такимъ образомъ были бы и собственныя ихъ и несобственныя, не отдѣливъ предварительно собственное отъ несобственного и не выдѣливъ отсюда все несобственное; ибо какъ опредѣлять отношеніе къ писанному слову Божію заимствованнаго изъ того же Слова Божія? Но такъ какъ подобное разграниченіе въ содержаніи всего сказаннаго и написаннаго классиками сдѣлать не возможно, то слѣдовало бы или вовсе не опредѣлять отношенія классиковъ къ Библии, или, признавъ все хорошее у нихъ за

¹ Такимъ образомъ изъ пяти источниковъ происхожденія у древнихъ классиковъ истинъ сходныхъ съ библейскими одинъ полагается главнымъ; это — естественная способность; два считаются вспомогательными для этой способности — промыслительное Слово Божіе и древнія преданія, одно съ внутренней стороны, а другія — съ внешней; а два другія — заимствование изъ еврейской Библии и дѣйствіе духа злобы — устраняются.

Библейское и заимствованное, — какъ и дѣлаютъ защитники упомянутаго воззрѣнія, — сгранициться осужденіемъ всего остальнаго, собственно классическаго, какъ ни къ чему негоднаго¹. Между тѣмъ сравнивая произведенія древнихъ классическихъ писателей съ библейскими безъ предзанятаго мнѣнія о заимствованіи изъ Библии, мы видимъ, до какихъ истинъ могъ доходить естественный умъ челоѣка при данныхъ ему способахъ познанія и до какихъ не могъ подняться при тогдашнемъ своемъ состояніи, — видимъ, какія усилія употребляли лучшіе мыслители языческаго міра для проясненія главныхъ вопросовъ о Богѣ, мірѣ и самихъ себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ мало увѣнчивались успѣхами эти усилія въ опредѣленіи даже самыхъ простыхъ истинъ, каковы напр. о единствѣ Бога и любви къ ближнимъ, разъясненныхъ положительнымъ откровеніемъ, — однимъ словомъ видимъ, что въ произведеніяхъ классиковъ не все худо и достойно безусловнаго порицанія, и не все хорошо и достойно похвалы, но заключается смѣсь хорошаго съ дурнымъ, подобно какъ въ самой природѣ челоѣческой существуетъ зло съ добромъ, и что даже многія изъ такихъ вещей, которыя по видимому составляютъ блестящія находки высшихъ умовъ и благороднѣйшихъ сердецъ по предметамъ религіи и нравственности, напр. ученія о безсмертіи души, о наказаніяхъ въ загробной жизни, при сравненіи съ боготкровеннымъ ученіемъ часто не выдерживаютъ своего достоинства, какъ мишурное золото не можетъ устоять предъ испытаніемъ на пробномъ камнѣ, открывающемъ между золотомъ и фальшивыи металлами; и слѣдовательно есть область истинъ, до которыхъ умъ и сердце челоѣческіе

¹ Съ другой стороны мнѣніе о заимствованіи классиками изъ Библии можетъ вести къ уваженію и такихъ писателей, которые вовсе не говорили согласно съ св. Писаніемъ, напр. Ороея, или подложныхъ сочиненій, каковы признаваемы библейскими части книгъ Сивиллы и Тризмегиста, какъ и случалось съ защитниками этого мнѣнія.

сами по себѣ не могутъ доходить, не смотря ни на какія усилія. «Не безъ зрѣлаго разсужденія — говоритъ Евсевій Кесарійскій — мы поставили ниже эллинскую философію и предпочли ей богословіе еврейское; это можно понять изъ того, что изъ самихъ эллиновъ даже тѣ, которые лучше всего занимались философію и измышляли нѣчто высшее и лучшее всенародныхъ понятій о богахъ, не могли избрѣсти истинъ отличныхъ отъ прежде-вѣданныхъ у евреевъ; одни изъ нихъ, увлекшись туда и сюда разнообразными лжеумствованиями, впади въ бездну пустословія, а другіе, руководясь нѣсколько большимъ благоразуміемъ, въ чемъ коснулись истиннаго вѣдѣнія, въ томъ оказываются общниками еврейскаго ученія (τῆς ἑβραίων κοινῆς διδασκαλίας)». Эти слова характеристически могутъ выражать отношеніе писателей классическихъ къ библейскимъ, если подъ словами: «общники еврейскаго ученія» не разумѣть заимствованія ими истинъ изъ св. Писанія¹.

По устраненіи этого мнѣнія опредѣляется и отношеніе Библии къ классическому міру болѣе точно и согласно какъ съ исторіею, такъ и съ божественнымъ достоинствомъ самой Библии. Мысль о томъ, что св. Писаніе было свѣтильникомъ народовъ съ глубокой древности и озаряло изъ Палестины всѣ сосѣднія страны и даже несосѣднія, каковы классическія, гораздо ранѣе эпохи Александра Македонскаго, по видимому, служить къ возвышенію достоинства св. Писанія; и она дѣйствительно предносилась уму защитниковъ упомянутаго мнѣнія. Но такъ какъ вѣтъ на это положительныхъ и твердыхъ доказательствъ, то согласно съ исторіею надобно признать, что отношеніе Библии къ классическому міру началось со времени перевода ея на одинъ изъ классическихъ языковъ; съ этого времени она сдѣлалась извѣстною греческимъ поэтамъ, историкамъ,

¹ Къ сожалѣнію изъ контекста рѣчи видно, что подъ ними Евсевій разумѣлъ это заимствованіе. Рг. Ев. X, 4. 468.

философамъ и всему классическому міру; и если вникнуть въ предшествовавшія, сопутствовавшія и послѣдующія обстоятельства этого міроваго событія, то важность Библии не только чрезъ это не уменьшается, но еще больше увеличивается. Св. Писаніе было неизвѣстно классикамъ до начала 3-го вѣка предъ Рождествомъ Христовымъ и хранилось въ тайнѣ у неизвѣстнаго имъ народа и на неизвѣстномъ языкѣ въ теченіи многихъ столѣтій. Чѣмъ выше и драгоценнѣе какое-либо сокровище, тѣмъ глубже и заботливѣе оно обыкновенно сокрывается и сохраняется отъ постороннихъ взоровъ; такъ и св. Писаніе, по волѣ Промысла Божія, оставалось собственностію еврейскаго народа, избраннаго хранителя его, и скрывалось въ уголкѣ земли вдали отъ другихъ народовъ, которые чрезъ это самое признавались недостойными владѣть небеснымъ сокровищемъ до predeterminedнаго времени, пока развитіемъ собственныхъ силъ и способностей, посредствомъ усиленныхъ и тяжкихъ трудовъ къ отысканію истины, они не приготовились къ просвѣщенію свѣтомъ писаннаго Слова Божія. Еще Димитрій Фалерскій, какъ сохранило преданіе, говорилъ царю Птолемею Филадельфу, что законъ Моисеевъ дотошъ былъ неизвѣстенъ классикамъ потому, что онъ «достоуважаемъ и произошелъ отъ Бога», или, какъ изъясняетъ Іосифъ Флавій, потому, что «это—законоположеніе чистое, котораго не слѣдуетъ произносить нечистыми устами»¹. По наступленіи опредѣленнаго времени, когда внѣшнія обстоятельства народовъ измѣнились къ лучшему, св. Писаніе, бывшее достояніемъ одного народа, сдѣлалось извѣстнымъ въ греческомъ переводѣ и многимъ другимъ, по волѣ и устроенію того же Промысла, который устроилъ взаимное сближеніе восточныхъ и западныхъ народовъ, безъ чего невозможно было бы такое яв-

¹ У Аристия, о переводѣ 70 толковн. § 41. Іос. Флав. Antiq. XII, 2. см. выше на стр. 74.

деніе, и вложилъ въ душу египетскихъ влaстителей просвѣщенную жажду къ собиранію письменныхъ сокровищъ со всего свѣта. «Это было дѣломъ Божіа домостроительства,—говоритъ св. Златоустъ,—что не только владѣвшіе еврейскимъ языкомъ, но и всѣ живущіе во вселенной воспользовались священными книгами (въ переводѣ, сдѣланомъ по распоряженію Птолемея Филадельфа); и удивительно и странно, что не кто-нибудь изъ іудействующихъ показалъ усердіе къ этому дѣлу, но человекъ, служившій идоламъ и державшійся противоположнаго іудейскому богопочитанія; все это устроено отъ Господа нашего, который всегда умножаетъ назиданіе истины посредствомъ противоположнаго ей»¹. Важность Библии, внушаемая поочевеніемъ самаго Промысла Божіа о переводѣ ея на общенародный языкъ тогдашняго времени, по отношенію къ классическому міру открывается изъ состоянія этого міра въ то время, въ которое еврейскій народъ вошелъ въ непосредственныя сношенія съ классическимъ. Когда древнее классическое просвѣщеніе достигло высшей степени своего развитія въ лицѣ Платона и Аристотеля и дошло до сознанія язычниковъ важнѣйшіе вопросы умозрѣнія и жизни, но по свойству человѣческой мудрости не могло удовлетворить этимъ вопросамъ и готово было обратиться въ послѣдующіе за тѣмъ у разныхъ частнѣхъ лицъ матеріализмъ Стоиковъ, сенсуализмъ Епикурейцевъ и скептицизмъ позднѣйшихъ Академиковъ, когда классическому міру предстояла опасность дойти до самыхъ горькихъ послѣдствій, до которыхъ можетъ дойти человѣчество, оставленное самому себѣ, чтобы *ходить съ похотяхъ сердецъ своихъ* (Рим. 1, 24. 28); тогда милосердый Богъ благово-

¹ На кн. Быт. Бес. 4. Георгій Синкеллъ говоритъ по поводу перевода св. Писанія при Филадельфѣ: «я думаю, что это — дѣло божественнаго Промысла, издавна приготавлиющаго причины великихъ дѣлъ, и еще прежде Боговоплощенія даровавшаго народамъ Боговзреченное наставленіе». Синогр. р. 516. Edit. Von. Тоже еще прежде говорили Филовъ (De Mose. 2. р. 138. Edit. Margey) и Іосифъ Флавій (Contr. Ар. II, 41).

лилъ явить ему новый источникъ познаній, который могъ просвѣщать умъ и укрѣплять волю въ иснаніяхъ истины, и совершившійся переводъ св. Писанія, который стали читать греческіе классики, производилъ эти благодѣтельныя дѣйствія¹. По крайней мѣрѣ несомнѣнно извѣстно, что съ того времени стали распространяться между греческими и римскими учеными язычниками такіа понятія о Богѣ, мірѣ и человекѣ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, которыми равныхъ по высотѣ и правдивости прежде у нихъ не было, и которыхъ ни откуда вѣрнѣе нельзя произвести, какъ изъ св. Писанія еврейскаго народа; классики послѣ перевода 70 толковниковъ гораздо свѣтлѣе судили о предметахъ вѣры и нравственности, нежели классики жившіе до того времени и, хотя сами были не лучше тѣхъ, но при всей своей нравственной несоотвѣтственности пріобрѣтеннымъ познаніямъ имѣли величайшее преимущество предъ тѣми—живое ожиданіе всеобщаго Просвѣтителя и Искупителя міра, ожиданіе, которое могло усилиться у нихъ не отъ чего инаго, какъ отъ знакомства съ св. Писаніемъ и еврейскимъ народомъ². «Пока еще не возсіяла животворная проповѣдь Спасителя нашего при владычества римлянъ для всѣхъ народовъ,—говоритъ Евсевій Кесарійскій,—не мало-важная была причина къ тому, чтобы пророчества о Немъ,

¹ Θεὸς ἦν βέλῃμα μεταλητημένον (св. Писаніе) εἰς ἑλληνικὰς ἀκούσας καὶ οὐ ζῆνον ἐπιπρόβη Θεὸς, τὰ τῶν προφητῶν δεικνύσας, καὶ τῶν ἑρμηνειῶν, διὸ καὶ ἑλληνικὴν προφητείαν, ἐνεργείσθαι—говоритъ Климентъ: Strom. I, 22. 148. Die griechische Übersetzung war der erste Apostel, den das Indenthum an die Heidenwelt ausgesandt hat, um sie von ihren Verkehrtheit und Gottvergessenheit zu heilen,—говоритъ Graetz: Gesch. der Juden. T. III. s. 43.

² Вопросъ о томъ, какъ измѣнились понятія классическихъ писателей послѣ перевода 70 толковниковъ, сдѣлавшагося извѣстнымъ для нихъ, и какъ относились они къ Библии, заслуживаетъ особаго изслѣдованія. Что очень многіе изъ нихъ отъ времени Птолемея до христіанскихъ пользовались Библиею, это несомнѣнно. См. Ковет. Энок. ук. соч. Т. II, гл. 3., гдѣ упоминаются съ этой стороны Каллимахъ, Аполлоній, Теокрытъ, Ликофронъ, Аратъ, Клеакъ, Филохоръ, Полемонъ, Александръ Полигисторъ, Полибій, Діодоръ, Страбонъ, Плутархъ и другіе, съ указаніемъ примѣровъ изъ ихъ сочиненій.

жизнеописанія древнихъ боголюбивыхъ евреевъ и правила ихъ благочестиваго ученія, которыя сокрывались на отечественномъ ихъ языкѣ съ давняго времени, явить всѣмъ народамъ, которымъ имѣло быть даровано боговѣдніе; самъ Богъ, виновникъ этихъ благъ, предупреждая будущее, какъ Богъ, по предвѣдѣнію устроилъ, что предсказанія о Спасителѣ всѣхъ людей, имѣвшемъ явиться не долго спустя, дабы сдѣлаться единымъ учителемъ благочестія и Богомъ всѣхъ народовъ подъ солнцемъ, открылись всѣмъ, вышли на свѣтъ тщательно переведенныя и положены въ общественныхъ библіотскахъ, внушивъ сдѣлать это царю Птоломею, кажется, въ предуготовленіе измѣненія всѣхъ народовъ, которое пока могло нѣсколько происходить и отъ нихъ; и чего мы иначе не получили бы отъ іудеевъ, по зависти къ намъ скрывавшихъ бывшія у нихъ письмена, того удостоились чрезъ устроенныя Богомъ переводы, сдѣланный ихъ же мужами, отличавшимися благоразуміемъ и отечественною образованностію»¹.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

Воззрѣніе христіанскихъ апологетовъ на отношеніе писателей классическихъ къ библейскимъ.

	Стран.
§ 1. Сущность воззрѣнія	1
§ 2. Распространенность его между христіанскими апологетами	8
§ 3. Основанія этого воззрѣнія	16
§ 4. Сомнѣнія въ справедливости его	27
§ 5. Литература предмета и задача изслѣдованія.	36

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Изслѣдованіе вопроса объ отношеніи древнихъ писателей классическихъ къ библейскимъ.

Г Л А В А П Е Р В А Я.

§ 1. Отрицательныя доказательства того, что древніе классики не знали священнаго Писанія. — Отсутствие перевода библейскихъ книгъ съ еврейскаго на греческій языкъ прежде перевода 70 толковниковъ. Молчаніе классиковъ о еврейскомъ народѣ.	49
§ 2. Положительныя доказательства того, что древніе классики не знали священнаго Писанія. — Обособленность евреевъ отъ прочихъ народовъ. Древнѣйшія свидѣтельства о томъ, что классики не читали и по слуху не знали св. Писанія	63

¹ Граер. Ев. VIII, 1. 349.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

Воззрѣніе христіанскихъ апологетовъ на отношеніе писателей классическихъ къ библейскимъ.

	Стран.
§ 1. Сущность воззрѣнія	1
§ 2. Распространенность его между христіанскими апологетами	8
§ 3. Основанія этого воззрѣнія	16
§ 4. Сомнѣнія въ справедливости его	27
§ 5. Литература предмета и задача изслѣдованія.	36

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Изслѣдованіе вопроса объ отношеніи древнихъ писателей классическихъ къ библейскимъ.

Г Л А В А П Е Р В А Я.

§ 1. Отрицательныя доказательства того, что древніе классики не знали священнаго Писанія. — Отсутствіе перевода библейскихъ книгъ съ еврейскаго на греческій языкъ прежде перевода 70 толковниковъ. Молчаніе классиковъ о еврейскомъ народѣ.	49
§ 2. Положительныя доказательства того, что древніе классики не знали священнаго Писанія. — Обособленность евреевъ отъ прочихъ народовъ. Древнѣйшія свидѣтельства о томъ, что классики не читали и по слуху не знали св. Писанія	63

- § 3. Отрицательныя доказательства того, что древніе классики не заимствовали свѣдѣній изъ св. Писанія при посредствѣ восточныхъ народовъ. — Невѣроятность вліянія евреевъ на восточные народы, въ религіозномъ и культурномъ отношеніи. Древность культа и культуры восточныхъ народовъ въ сравненіи съ евреями.
- § 4. Положительныя доказательства того, что древніе классики не заимствовали свѣдѣній изъ св. Писанія при посредствѣ восточныхъ народовъ. — Разность религіозныхъ убѣжденій восточныхъ народовъ отъ ученія св. Писанія. Близость религіозныхъ убѣжденій эллиновъ къ религіи восточныхъ народовъ, а не къ религіи евреевъ.

93

ГЛАВА ВТОРАЯ.

- § 1. Отсутствіе фактическихъ мѣстъ, тождественныхъ съ библейскими въ сочиненіяхъ древнихъ классиковъ, и разъясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ мнимо тождественныхъ.
- § 2. Недостатокъ теоретическихъ истинъ, тождественныхъ съ библейскими въ сочиненіяхъ древнихъ классиковъ, и разъясненіе нѣкоторыхъ истинъ мнимо тождественныхъ.
- § 3. Объясненіе мѣстъ, болѣе сходныхъ съ библейскими въ сочиненіяхъ древнихъ классиковъ, источникомъ ближайшимъ и независимымъ отъ св. Писанія.
- § 4. Особые взгляды апологетовъ на происхожденіе истинъ сходныхъ съ библейскими въ класси-

125

149